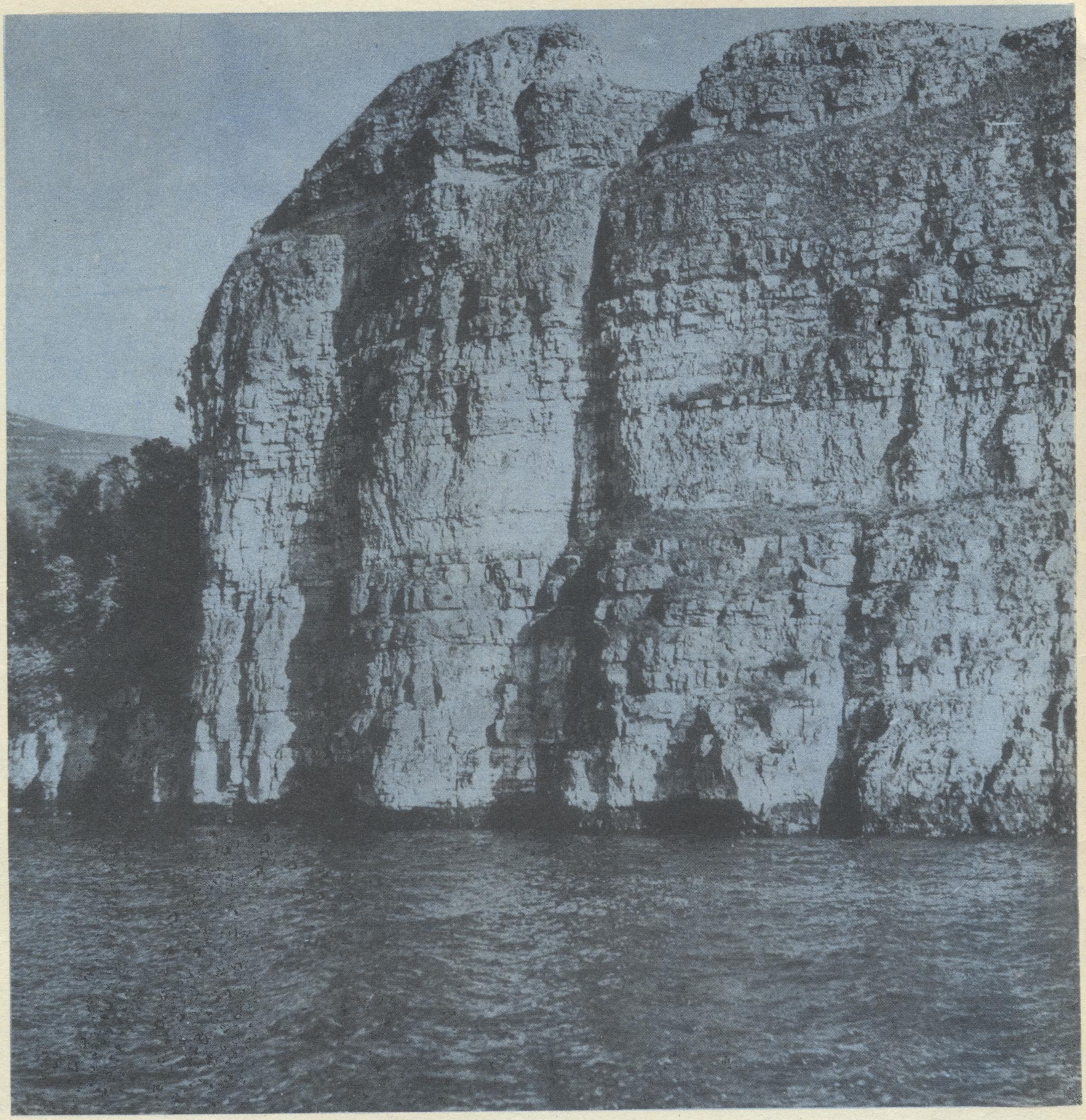
Костёр

4
АПРЕЛЬ
1969

Здесь мы проплывали

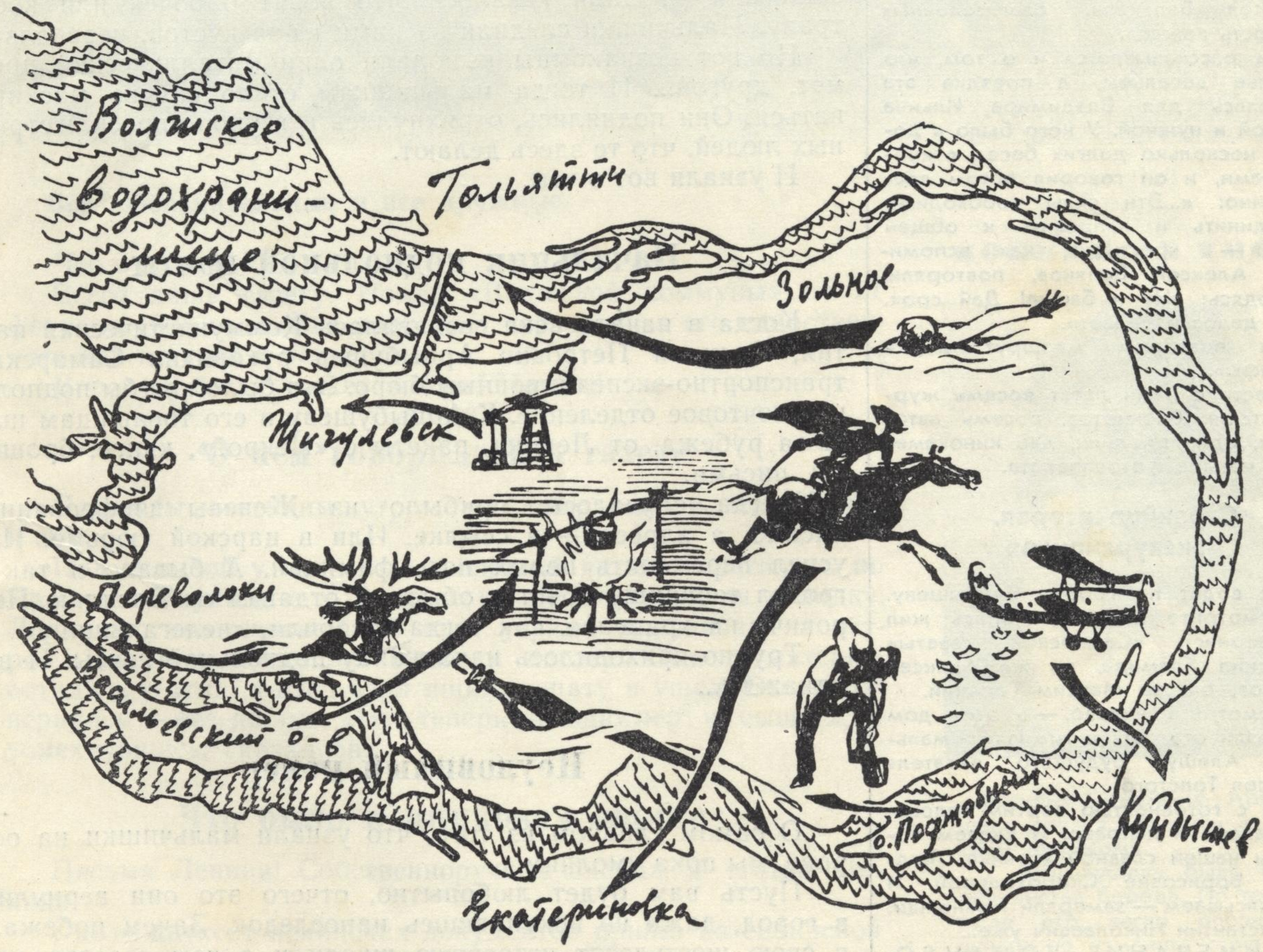
Костёр
4
АПРЕЛЬ
1969

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина
Союза писателей СССР

100

В начале мая 1890 года состоящий под полицейским надзором житель Самары Владимир Ульянов совершил с товарищами поездку по так называемой Жигулевской кругосветке.

ВНИЗ ПО ВОЛГЕ ОНИ СПУСТИЛИСЬ ДО ПЕРЕВОЛОК И, ПЕРЕПРАВИВ ЛОДКУ ПОСУХУ ЧЕРЕЗ ПЕРЕШЕЕК, ПО РЕКЕ УСЕ И ЗАТЕМ СНОВА ПО ВОЛГЕ ВЕРНУЛИСЬ К САМОЛЕТСКОЙ ПРИСТАНИ САМАРЫ.
МЫ РЕШИЛИ ПОВТОРИТЬ ЭТОТ МАРШРУТ.

СЕДЬМОЕ БОЛЬШОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ „КОСТРА“ НАЧИНАЕТСЯ

НАШ ДНЕВНИК

Страница первая, вступительная

Итак, мы летим в Жигули. Туда, где Волга изгибается и словно бы завязывается в колечко.

Семьдесят девять лет назад по тем волжским изгибам, вокруг Самарской луки, плыла лодка «Нимфа». В лодке сидели молодые веселые люди.

Иногда они приставали к берегу. Ставили шалаш. Стреляли в цель, боролись, пели хором.

Они взобрались на знаменитый Молодецкий курган, где, по преданию, сиживал Стенька Разин.

Ниже города Ставрополя их застала гроза, разыгралась буря, но они не оробели и поспорили с бурей как следует.

Обо всем этом подробно рассказывается в интересных воспоминаниях одного из пассажиров лодки, Алексея Белякова, озаглавленных «Юность вождя».

Там рассказывается и о том, что веселье весельем, а поездка эта оказалась для Владимира Ильича важной и нужной. У него было в дороге несколько долгих бесед с крестьянами, и он говорил потом восхищенно: «...Эти силы необходимо объединить и направить к общей цели!» — а крестьяне, как вспоминает Алексей Беляков, повторяли, расходясь: «Ну и башка! Дай срок. Этот делов наделает».

Мы повторим маршрут лодки «Нимфы».

Вместе с нами летят восемь журналистских блокнотов, восемь авторучек, один этюдник, две кинокамеры и четыре фотоаппарата.

Страница вторая, экскурсионная

Нас водят по городу Куйбышеву.

Посмотрите направо, — здесь жил фельетонист «Самарской газеты» Иегудиил Хламида, он же Алексей Пешков, он же Максим Горький.

Посмотрите налево, — в этот дом привезли отдавать в гимназию мальчика Алешу, будущего писателя Алексея Толстого.

Мы с готовностью вертим головами налево и направо. И задаем вопросы нашей славной хозяйке, Людмиле Борисовне Скороходовой. И приплясываем — замерзли немножко.

Константин Николаевич уже...

ПРИМЕЧАНИЕ КОМАНДОРА. ХОТЯ МЫ — ВЗРОСЛЫЕ И СОЛИДНЫЕ, ПРЕДЛАГАЮ ДЛЯ ЭКОНОМИИ МЕСТА НАЗЫВАТЬ ВСЕХ КРАТКО, ПО ИМЕНАМ. МЕНЯ САМОГО, В ОТЛИЧИЕ ОТ ПРОЧИХ, УВАЖАЯ

ИСКАТЕЛИ

ИСТОРИЯ НЕЗАКОНЧЕННАЯ, КОТОРАЯ БУДЕТ ИМЕТЬ ПРОДОЛЖЕНИЕ, В ЧЕМ ТВЕРДО УВЕРЕНЫ ЕЕ ГЕРОИ И МЫ, ПУТЕШЕСТВЕННИКИ, А ОСОБЕННО АВТОР ПОВЕСТВОВАНИЯ ЛЕОНИД ЭФРОС

Незнакомцы

На маленьком волжском островке загорали пузом кверху двое мальчишек.

Они услышали стук мотора и увидели, как причаливает катер. С катера сошли неизвестные люди. Они зарыли в разных концах островка непонятные металлические предметы.

Через некоторое время с катера сошли другие люди. За их плечами были громоздкие ранцы, на головах — наушники, в руках — длинные палки с обручами. Они встали в ряд и зашагали — издали казалось, что ловят бабочек или косят траву. Мальчишки следили за ними из-за кустов, переползая.

Но вот незнакомцы выкопали один металлический предмет, другой... И тогда мальчишкам стало скучно маскироваться. Они поднялись, отряхнулись и в упор спросили странных людей, что те здесь делают.

И узнали вот о чем.

Начальник подпольной почты

Когда в начале века создавалась Коммунистическая партия, Василий Петрович Арцыбушев руководил Самарским транспортно-экспедиционным бюро. Это было как бы подпольное почтовое отделение. К Арцыбушеву и его товарищам шли из-за рубежа, от Ленина, пакеты с «Искрой», книги, брошюры, письма.

Иногда случалось: прибыло из Женевы шифрованное письмо, а адресат — в ссылке. Или в царской тюрьме. Или успел переменить целых пять фамилий. А бывало и так — грозил товарищу арест и обыск, и отдавал он Василию Петровичу на хранение, как тогда говорили, «нелегальщину».

Трудно приходилось начальнику подпольной почты. И вот однажды...

Неуловимый номер

О самом главном из того, что узнали мальчишки на острове, мы пока умолчим.

Пусть вам будет любопытно, отчего это они вернулись в город, даже не искупавшись напоследок. Зачем побежали в свою шестьдесят четвертую школу и о чем советовались с учительницей Валентиной Ивановной Сизовой.

Смотрите, их уже не двое, а пятнадцать. Зачастили в музей краеведения, рыщут по библиотечным и архивным полкам.

Все любознательные и все дружные

Что они ищут?

Всего лишь газету. Номер «Волжской коммуны» от 27 февраля 1938 года. Все подшивки перерыли, а его единственного как на грех и нет.

Впрочем, бегут, кажется. Ура! Нашли!

О чем говорилось в газете

Однажды весенним утром из дому вышли мать, отец и сын.

Под мышкой у отца был цинковый ящик. Спустились по Ярмарочной улице и у Воскресенского спуска сели в лодку. Лодку сносило течением, но отец упрямо выруливал на остров. Наконец, пристали. Развели костер. Сын с матерью остались у огня, а отец взял ящик, лопату и ушел. Вскоре он вернулся — без ящика. «Ну, теперь ни один черт не сыщет», — усмехнувшись, сказал он.

Что было в цинковом ящике

Письма Ленина! Собственноручные письма и статьи Ленина.

Около двухсот ленинских документов привез из сибирской ссылки в Самару Глеб Максимилианович Кржижановский. Документы были очень важные и касались многих проблем, связанных с ленинской книгой «Развитие капитализма в России».

Но как только Кржижановский появился в Самаре, им стала очень интересоваться охранка.

ПОМНИМ ИХ ИМЕНА

Василия Петровича Арцыбушева друзья называли «самарским Марксом».

У Арцыбушева была белая окладистая борода. По той бороде его легко опознавали шпики, но изменить свою приметную внешность Василий Петрович не соглашался. А от сыщиков избавлялся разными хитроумными способами.

Он был отличный конспиратор и смелый революционер-ленинец.

НАШ ДНЕВНИК

МОЮ ВЫСОКУЮ ДОЛЖНОСТЬ, ИМЕНОВАТЬ КОМАНДОРОМ.

Так вот, Костя уже успел испортить и починить свою «лейку». Леня-Первый — заблудиться и отыскаться. Леня-Второй — испытать голод и жажду.

И все-таки это еще не настоящее путешествие.

Настоящее начнется завтра. В обкоме комсомола нам определенно обещали: дадут катер, четырехместный, с брезентовым тентом.

Страница третья, следопытская

С утра Командор на телефоне: «Почему? А когда? А на чем?»

Оказывается, сегодня не отплываем. Отплываем завтра, и не на катере, а на шлюпке.

А пока на нас свалился целый свободный день.

Из гостиницы выходят восемь фигур и разбредаются куда глаза глядят.

Вечером сталкиваемся в лифте.

Леня-Первый грохочет заржавленной саблей. От Юры, Вали и Саши пахнет как от керогаза, — какую-то пробирку держат втроем, чтобы не уронить.

Мы побывали за день на нефтяных промыслах, в краеведческом кружке, в библиотеке, в районах новостроек.

Мы постарались узнать о городе как можно больше. Вот куда глядели наши глаза. У каждого — в свою сторону, а получилось, что у всех — в одну, в общую.

Поздно ночью, проходя меж спящими, Командор искоса разглядывает мускулатуру членов экспедиции. Нужны крепкие гребцы.

Страница четвертая, приключенческая

— Не шлюпка, а байдарки, — начально говорит Командор. — И не сегодня, а завтра!

Опять завтра!

Нет, мы не жалуемся, даже наоборот: зато сегодня мы едем в деревню Алакаевку. Туда, где жила когда-то семья Ульяновых.

ПРИМЕЧАНИЕ КОМАНДОРА. ОПИСАНИЕ АЛАКАЕВСКОГО ДОМА-МУЗЕЯ ПРОПУСТИТЬ, ИБО ОБ ЭТОМ ЕСТЬ ОТДЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ.

ОТМЕТИТЬ ТОЛЬКО, ЧТО В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ (ПОСРЕДИ ПУТИ СЛОМАЛСЯ АВТОБУС) ПОЧТИ ВСЕ ЧЛЕНЫ ЭКСПЕДИЦИИ

Нужно было спасать документы. К кому обращаться, ясно: к Арцыбушеву.

Он хранил документы, пока мог. Но и над «самарским Марксом» сгущались тучи. И вот накануне обыска и ареста он спрятал ленинские письма в надежном месте, под одному ему известным деревом на острове посреди реки.

Он ушел оттуда, чтобы вернуться. И не вернулся.

Незнакомцы, встреченные мальчишками на острове, оказывается, проверяли аппаратуру, прежде чем приступить к поискам.

Это была уже далеко не первая экспедиция в здешних местах. Еще лет тридцать назад являлись сюда энтузиасты, оснащенные кто заступом, кто саперным щупом, — и всегда возвращались ни с чем: легче иголку отыскать в стоге сена.

Умер — еще в семнадцатом году — Арцыбушев. Умер Глеб Максимилианович Кржижановский. Не осталось никого, кто помнил бы дорогу к тайнику.

Рассуждают логически

Автор статьи «Ящик с письмами В. И. Ленина» (той самой, обнаруженной в старом номере «Волжской коммуны») рассказывает о сведениях, сообщенных Г. М. Кржижановским.

Ящик закопан на высоком, сухом, не затапливаемом в половодье месте. Под дубом или каким-то другим большим деревом.

Это место недалеко от Воскресенского спуска...

Не Поджабный ли это остров? И недалеко, и не затапливается, и берега песчаные, — да, возможно. Поджабный.

Теперь координаты на острове... Дереву, под которым тайник, никак не меньше полувека. Раз.

Растет оно невдалеке от берега, ведь Василий Петрович прятал ящик недолго. Два.

А сколько на Поджабном острове старых деревьев вблизи воды?

Первая яма

Катер ткнулся в отмель. Мальчишки и девчонки выгрузились, натаскали хворосту, разожгли костер.

Итак, Арцыбушев отсутствовал максимум полчаса. Незатапливаемая зона начинается в пяти минутах ходьбы от берега. Пять минут туда, пять обратно, — на земляные работы остается двадцать минут.

Отправились!

Вот это дерево, пожалуй, годится. Лопаты входят в дерн.

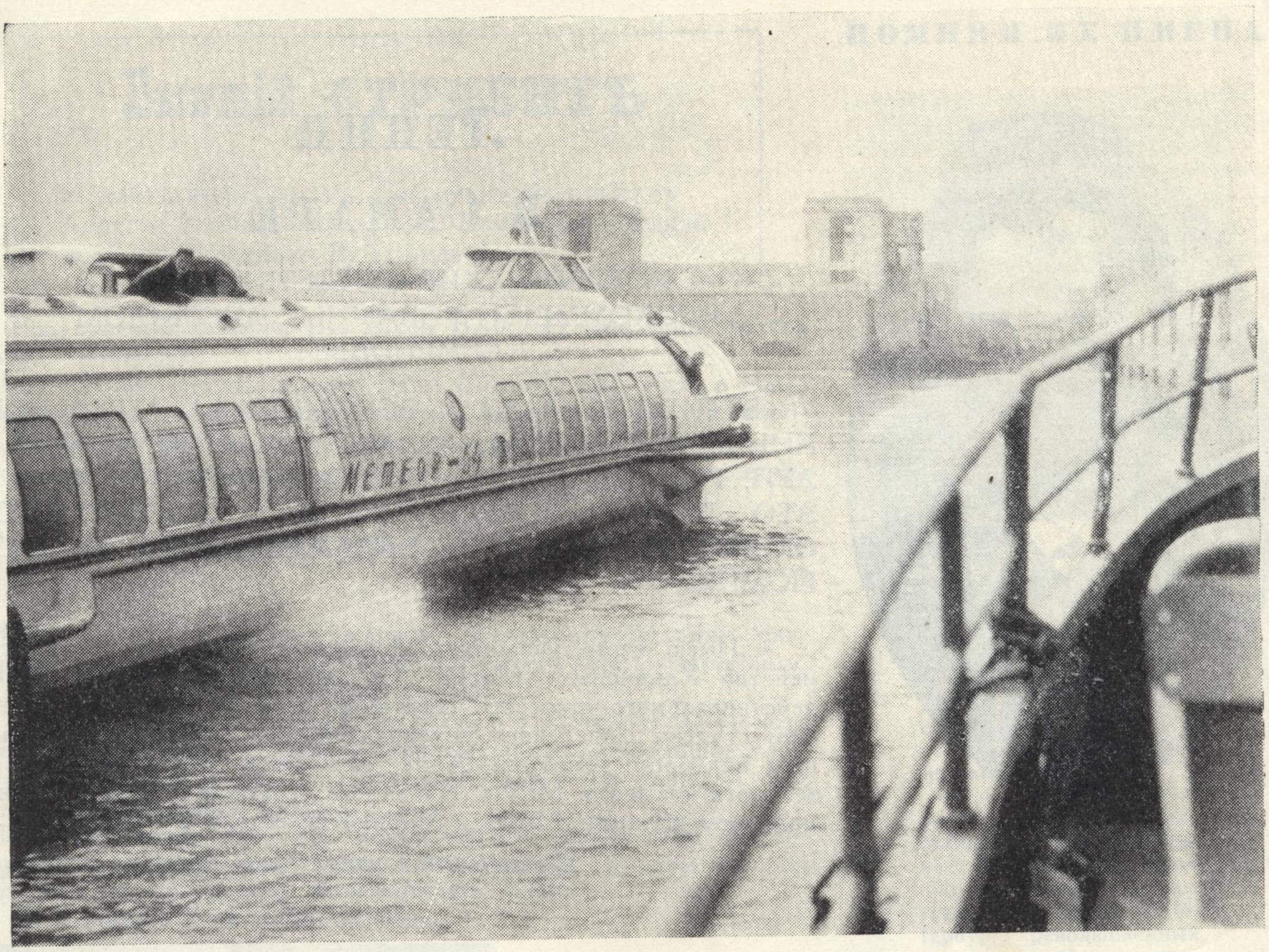
Лязгнуло — лезвием о камень. Хрястнуло — лезвием по корням.

Точка. Двадцать минут.

Продолжение следует

После первой ямы был еще десяток, а после десятка — сотня и сотни.

Нет, заветного ящика **не** нашли. Пока не нашли. Сегодня. А назавтра — кто знает...

Подходим к шлюзам

РАННИЕ СТИХИ СТЕПАНА ЩИПАЧЕВА,

ИЗВЕСТНОГО СОВЕТСКОГО ПОЭТА, ХРАНЯЩИЕСЯ В АРХИВЕ ЮНЫХ КРАЕВЕДОВ-КУЙБЫШЕВЦЕВ

ТОВАРИЩАМ КРАСНОАРМЕЙЦАМ

Товарищи, теперь свободны мы —
Власть богачей под нашими ногами
Раздавлена лежит. Капитализма дни
Сменились лучшими свободы светлой днями.

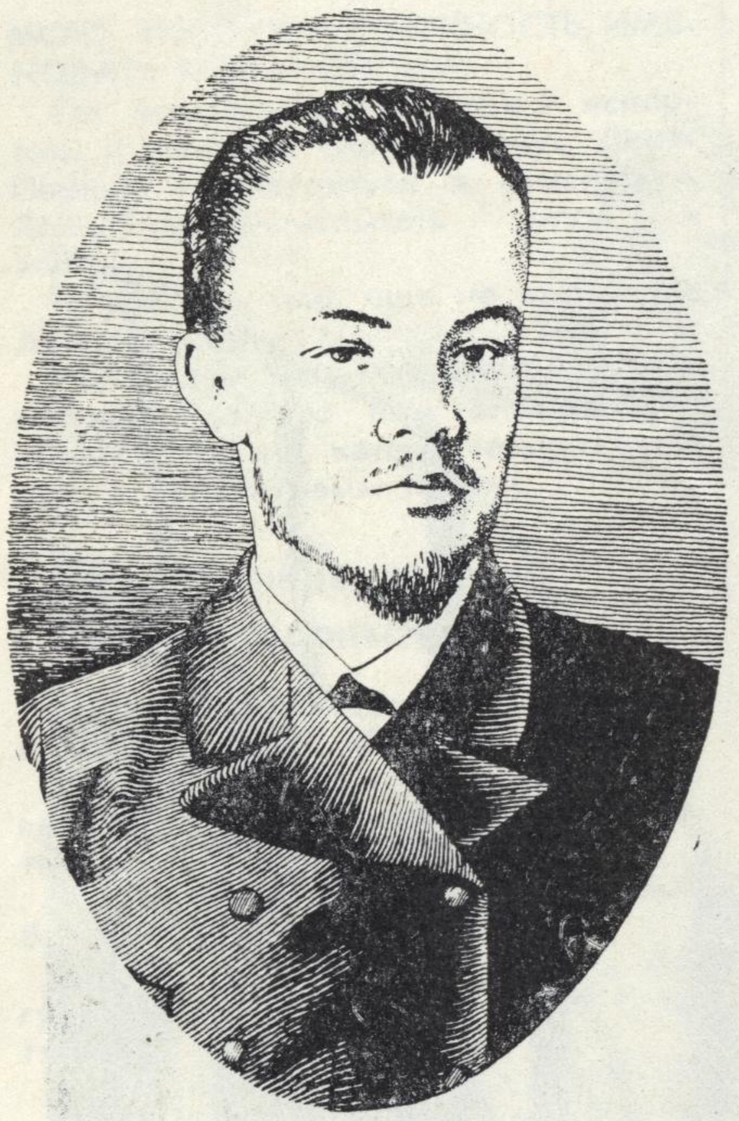
Так поклянемтесь же навеки закрепить
Свободу чистую, свободу дорогую,
И в мир измученный навеки воплотить
Идею славную, великую, святую.

Пускай свирепствуют коварные враги
Вокруг твердынь гранитных
Коммунизма,
Но мы свой пост им не сдадим! Мечи
Свои вонзим мы в грудь Капитализма.

Пускай наш путь тяжел, но мы пойдем
Средь бурь, средь волн бушующей стихии,
И на штыках своих мы счастье принесем
Всем угнетенным Мира и России!

Кр — ец С. Щипачев

«Красная Армия», ежемесячный художественно-литературный журнал Политического отдела Самарского Губернского военного комиссариата. №№ 7—8, сентябрь—октябрь 1919 г.

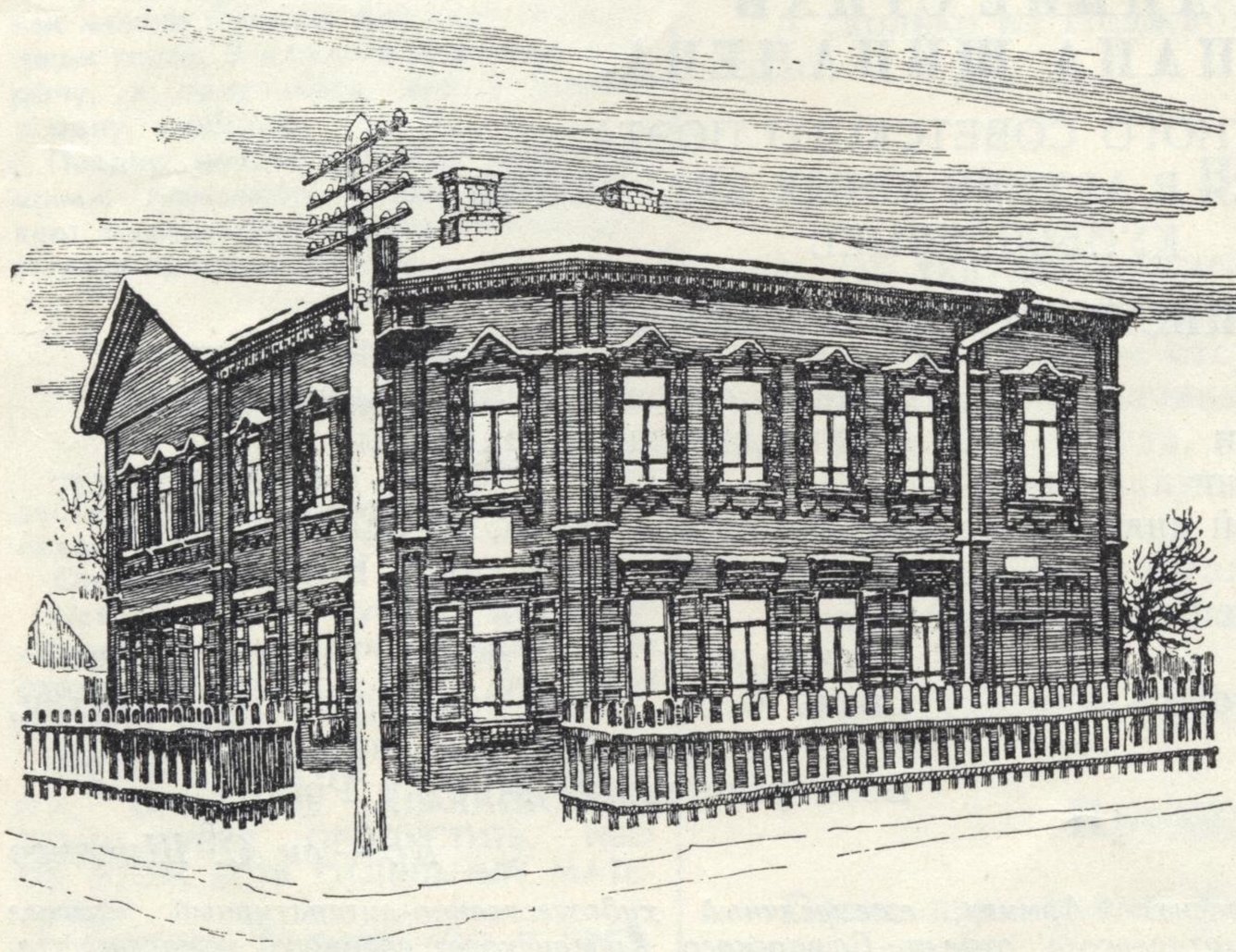
Ленин в Самаре

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА, ПРОКОММЕНТИРОВАННЫЕ ЛЕОНИДОМ СЕМЕНОВЫМ

«ЭТИ ГОДЫ БЫЛИ.., — ВСПОМИНАЛА АННА ИЛЬИНИЧНА УЛЬЯНОВА, — САМЫМИ ВАЖНЫМИ, ПОЖАЛУЙ, ГОДАМИ В ЖИЗНИ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА: В ЭТО ВРЕМЯ СКЛАДЫВАЛАСЬ И ОФОРМИЛАСЬ ОКОНЧАТЕЛЬНО ЕГО РЕВОЛЮЦИОННАЯ ФИЗИОНОМИЯ».

«...Имею честь уведомить Департамент полиции, что... семейство Ульяновых (Мария Александровна Ульянова, вдова действительного статского советника, и дети: Владимир, бывший студент Казанского университета, состоящий под негласным надзором, Дмитрий, Анна, вышедшая замуж за действительного студента Марка Елизарова, состоящая под гласным надзором полиции, Ольга и Мария) переехали в Самару...»

Из донесения начальника самарского губернского жандармского управления в департамент полиции от 7 ноября 1889 г.

Дом, в котором жили Ульяновы. С фотографии

80 — вот сколько рапортов, донесений, записок написали жандармские и полицейские чины по поводу пребывания девятнадцатилетнего Владимира Ильича в Самаре! По всей стране было разослано предписание № 1364 с запретом принимать на любую государственную службу «неблагонадежного Владимира Ульянова». В ту пору царские жандармы в страхе за свой прогнивший строй додумались в каждом учреждении завести «секретный отдел» с «секретными книгами». Советские историки обнаружили предписание № 1364 в «секретных книгах» даже архангельского порта и московского Большого театра.

Бывшій студентъ

желаетъ имѣть урокъ. Согласенъ въ отъѣздъ Адресъ: Вознесенская ул., д. Саушкиной, Елизарову, для передачи В. У. письменно

Вы, конечно, поняли, кто такой В. У. Трудно приходилось семье Ульяновых.

«Я тем настойчивее прошу, Ваше Сиятельство, снять с моего сына так долго уже лежащую на нем кару, что кара эта, вообще, не позволяет ему, как человеку, принадлежащему к кругу исключительно интеллектуальных работников, найти какое бы то ни было даже частное занятие!..»

Из письма М. А. Ульяновой министру просвещения

Наконец, после долгих хлопот, Владимиру Ильичу разрешили сдавать экзамены за университетский курс — экстерном, то есть все сразу, без посещения лекций.

Весну и осень 1891 года он провел в Петербурге. И хотя как раз в это время семью Ульяновых посетило большое горе, умерла любимая сестра Владимира, Ольга, — он нашел в себе силы сдать экзамены хорошо.

Испытательная комиссия юридического факультета Петербургского университета присудила Ленину диплом первой степени.

В. И. Ленин — защитник
С картины худ. Б. И. Лебедева

Пятнадцать судебных дел из тех, что вел в Самаре молодой защитник Ульянов, дошли до нас. Из них в четырех Ульянов добился оправдания, в десяти — самого мягкого приговора для своих подзащитных — бедных крестьян и ремесленников. И только в одном деле он отказался просить смягчения — в деле мещанина Гусева, который избил кнутом свою жену.

ПОМНИМ ИХ ИМЕНА

Один из спутников Владимира Ильича в путешествии по «кругосветке» — Алексей Павлович Скляренко.

Они познакомились в 1889 году, в Самаре, и сразу подружились, что не мешало им временами жестоко спорить.

С помощью Владимира Ульянова Скляренко становится на правильные марксистские позиции; когда спустя четыре года Ленин уехал в Петербург, революционный кружок в Самаре продолжал действовать и руководил им теперь уже Скляренко.

Затем были аресты и ссылки. От Архангельска до Владивостока бросала большевика судьба.

Умер Скляренко в июле 1916 года, в Петербурге.

ПОЗДНЕЕ, ЗАПОЛНЯЯ АНКЕТУ ДЕЛЕГАТА X СЪЕЗДА ПАРТИИ, ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ НАПИШЕТ, ЧТО НАЧАЛ СВОЮ РЕВОЛЮЦИОННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В САМАРЕ.

ИМЕННО В САМАРЕ ОН ГЛУБОКО ИЗУЧИЛ МАРКСИЗМ, ПРОВЕЛ ПЕРВЫЕ БОИ С НАРОДНИКАМИ, НАПИСАЛ СВОЮ ПЕРВУЮ НАУЧНУЮ РАБОТУ.

НАШ ДНЕВНИК

ПРОЯВИЛИ ВЫСОКУЮ ВЫДЕРЖКУ И ДИСЦИПЛИНУ.

ПОБЛАГОДАРИТЬ ТАКЖЕ РАБОТНИКОВ КИНЕЛЬСКОГО РАЙКОМА КОМСОМОЛА И ДИРЕКЦИЮ СОВХОЗА «УГОЛОК ЛЕНИНА», КОТОРЫЕ ПОМОГЛИ НАМ С ТРАНСПОРТОМ ДЛЯ ОБРАТНОЙ ДОРОГИ.

Вернулись в город, когда темнело.

И почти уже в полной тьме, сгибаясь под тяжестью спальных мешков, котелков и рюкзаков, перетаскивали с туристской базы амуницию.

Рядом с нами шагал бородатый парень. Он пел: «Отставить разговоры! Вперед и вверх, а там...» —

Это был Гена, наш отныне проводник и консультант.

Теперь-то мы уверены: завтра — плывем!

Страница пятая, безнадежная

Все-таки не байдарки, а снова и уже окончательно — катер.

Он должен прийти из города Тольятти и нас забрать. Но что-то он не приходит.

Утром не приходит. В обед не приходит. И к вечеру не приходит. Катера нет, надежды нет. Спать ложимся унылые.

Дурацкий день! Правда, Костя побывал на (ЗАЧЕРКНУТО КОМАНДОРОМ). А Юра съездил на (ЗАЧЕРКНУТО КОМАНДОРОМ). А Валя познакомилась с (ЗАЧЕРКНУТО КОМАНДОРОМ).

ПРИМЕЧАНИЕ КОМАНДОРА. О ПРАЗДНИКЕ УЛИЦЫ ФРУНЗЕ, О НЕФТЕХИМКОМБИНАТЕ, О ШКОЛЬНИКЕ ЛЕНЕ ГОЛОВИНЕ БУДЕТ РАССКАЗАНО ОТДЕЛЬНО. А ПОКА — НОЧЬ ПОЗДНЯЯ, ТЕЛЕФОН МОЛЧИТ. И НАПРАСНО, КАЖЕТСЯ, ЛЕНЯ-ПЕРВЫЙ УЖЕ И КОТЕЛОК И КРУЖКУ К РЮКЗАКУ ПРИВЯЗАЛ...

Страница шестая, полная неожиданностей

Во-первых, катер пришел еще вчера вечером. Пока мы разыскивали его по всем телефонам, он мирно ждал у причала и гадал, куда бы позвонить, чтобы до нас дозвониться.

Во-вторых, это оказался не какой-нибудь недомерок, а огромный корабль, с рубкой, палубой, кают-компанией и даже камбузом, — рейдовый катер, по имени «Лена».

В кают-компании стоял телевизор. Но никто его так ни разу и не включил, — то, что открывалось с палубы, было лучше любых голубых экранов.

Широкая, синяя Волга окружала нас и несла. Волгу невозможно опи-

УЕДИНЕННЫЙ ХУТОРОК,

ИЛИ ЗАПИСИ ИЗ БЛОКНОТА ЖУРНАЛИСТА ЛЕОНИДА СЕМЕНОВА, СДЕЛАННЫЕ ДО И ВО ВРЕМЯ ПОСЕЩЕНИЯ АЛАКАЕВКИ

Алакаевка — деревня в 50 верстах на восток от Самары. Ульяновы прожили там (с перерывами) около пяти лет.

* * *

Два леса возле Алакаевки: «Муравельный» и «Гремячий». Речка Елховый Ключ.

* * *

Приехали в мае, а в октябре переехали в Самару. Но каждое лето (до 1893 г.) приезжали в Алакаевку на дачу.

Крестьяне знали, что за Ульяновыми следит полиция, что они не верят в бога, против царя...

* * *

Степь, шоссе, мостик через ручей. Издалека видны ограда и крылечко. Дом-музей.

* * *

Комната Владимира Ильича — сразу направо от входа (бывшего, теперь входят с другого крыльца). Маленькая. Кровать. Стол. Этажерка.

А где цветы? В воспоминаниях говорится, что на столе у Ленина в граненой хрустальной кружке стояли полевые цветы.

Директор музея Владимир Иванович Мартынов поблагодарил за совет и обещал обязательно поставить.

* * *

Сада за домом нет — еще до революции вырублен. Ничего не осталось от «Володиного уголка» (деревянный стол, скамейка, трапеция), где он с утра до ночи сидел над книгами...

Он тогда готовился сдавать экзамены за Университет.

Сейчас почти на том самом месте — Алакаевская школа.

Печально, конечно, что не сохранилось ни сада, ни скамейки, ни «рэка» (турника). Но, если подумать, эта школа на участке Дома-музея — очень хороший памятник алакаевцу-Ильичу.

* * *

Видели генеральный план реконструкции Алакаевки, «уединенного хуторка», как ее называли родные и знакомые Ульяновых. Много зелени, Дом культуры на четыреста мест, а в центре, в зоне тишины — полностью восстановленная усадьба Дома-музея.

* * *

Владимир Ильич всегда помнил об Алакаевке. В голодную зиму 1922 года помог раздобыть семян на посев.

* * *

Рассказал Владимир Иванович Мартынов:

«Первый трактор к нам пришел, мужики не верили в него попервоначалу. Собрались восемь мужиков, привязали канат, уперлись — вот если нас перетянешь, тогда поверим. Трактор дернул, и все оказались на земле. Поверили!»

Дом-музей в Алакаевке

ВСЕ ЭТО ВРЕМЯ ЗДЕСЬ ЖИЛА ПЕЛАГЕЯ ВАСИЛЬЕВНА КОТЕЛЬНИКОВА. ЕЙ ПОСВЯЩЕНА ЭКСПОЗИЦИЯ ДОМА-МУЗЕЯ В АЛАКАЕВКЕ. ЗДЕСЬ ЖЕ ЕЙ ПОСТАВЛЕН ПАМЯТНИК.

В ДЕРЕВНЕ ЕКАТЕРИНОВКЕ, ТАМ, ГДЕ СЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТЬ ЛЕТ НАЗАД КРУПНЫЙ ТОРГОВЕЦ НЕЧАЕВ ДОКАЗЫВАЛ ВЛАДИМИРУ УЛЬЯНОВУ, ЧТО «БЕДНОСТЬ НЕ ИСПРАВИШЬ, ОНА ОТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ГЛУПОСТИ И ОТ ЖИЗНИ», У ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ-КОСТРОВЦЕВ СОСТОЯЛАСЬ

БЕСЕДА С ПЕЛАГЕЕЙ ВАСИЛЬЕВНОЙ КОТЕЛЬНИКОВОЙ

«Я жила в Марьевке, в нянюшках. Сперва белые стояли, не дай бог. Расстреливали коммунистов и пускали по воде, которых нагишкой, которых как. Потом слышим, Чапаев идет, с Ивантеевки. Началось стрельбище, пули — чок, чок. Конный подъехал к дому: «Где хозяева?» Я говорю: «Под речкой, спасаются. А меня заставили хлеб из печи вынимать». — «А зачем?» — «А Чапаева ждали». — «Так я и есть Чапаев».

Потом замуж вышла и сюда переехала, это уже в двадцать девятом году. Муж был секретарем партийной ячейки,

ПОМНИМ ИХ ИМЕНА

Когда Красная Армия освободила Самару, первой ворвалась в город дивизия, где комиссаром был Алексей Петрович Галактионов.

Он стал членом Самарского губкома партии и председателем губернского исполкома.

Погиб в авиационной катастрофе в 1922 г.

НАШ ДНЕВНИК

сывать. В крайнем случае, ее можно рисовать. До чего мы завидовали нашему Саше и его собратьям-художникам!

Но вернемся к неожиданностям. Вдруг на судне объявился заяц: Леня-Второй.

Он должен был заканчивать в Куйбышеве архивные изыскания, а вместо этого тайно пробрался на «Лену».

Обнаруженный Леня клялся, что куйбышевские дела закончит в сверхурочное время, и умолял не списывать его на берег. Мы сжалились и поселили Леню в кормовом кубрике, ибо места в носовом были заняты.

ПРИМЕЧАНИЕ КОМАНДОРА. ВПРЕДЬ ИМЕНОВАТЬ ЛЕНЮ-ПЕРВОГО ЛЕНЕЙ-НОСОВЫМ, А ЛЕНЮ-ВТОРОГО — ЛЕНЕЙ-КОРМОВЫМ.

Катер мчался, а мы понемногу осваивались и приобретали необходимые навыки.

Саша пошел мыть руки, нажал не на ту кнопку и включил душ. Вернулся как из-под ливня.

Костя неудачно съехал в люк и набил шишку.

Но все это никак не портило нашего настроения.

Три часа промелькнули под гул винтов, и вот на берегу показалась деревня Екатериновка.

ПРИМЕЧАНИЕ КОМАНДОРА. СМОТРИ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЕКАТЕРИНОВКЕ МАТЕРИАЛ.

Вечерело, пора было думать о ночлеге. Большой, поросший лесом остров открылся прямо по курсу.

— Васильевский остров, — сказал капитан. И мы обрадовались такой неожиданности. Васильевский остров — это же сугубо ленинградское название, и мы сошли с палубы так, будто вернулись домой.

Леня-Носовой с завидной, присущей лишь ему легкостью первым сбежал по трапу; Светлана, молниеносно отдежурив по камбузу, присоединилась к нам, и настал наш первый вечер у костра.

Горела низкая крупная звезда на мачте нашего корабля, трещали на огне ветки, и Гена мужественно распевал: «Страшно, аж жуть».

Пришло время, и песни смолкли, экспедиция вернулась на корабль и заснула. У гаснущего костра, засунутый в свой верный спальный мешок, остался одинокий Командор.

ПРИМЕЧАНИЕ КОМАНДОРА. УТРОМ, ПРОСНУВШИСЬ, КАК ВСЕГДА, НА ЗАРЕ, Я УБЕДИЛСЯ, ЧТО НЕ МОГУ ГОВОРИТЬ, А МОГУ ЛИШЬ СИПЕТЬ. ПОЧВА ВАСИЛЬЕВСКОГО ОСТРОВА ПОДВЕЛА — И ЭТО БЫЛА НЕОЖИДАННОСТЬ ВЕСЬМА НЕПРИЯТНАЯ.

однажды вышли с заседания (сидели в большом доме, Фомичева-раскулаченного). Осень глубокая, темно. У нас-то дома своего не было, жили у Боченковой Матрены, шли на квартиру. И вдруг выстрел, и камни полетели. Говорим: что делать? Я говорю, давай уедем, у меня двое детей с тобой.

Однако не уехали, хоть в нас и камнями пуляли, и стреляли из-за углов. Стал колхоз крепнуть. Работала я бригадиром, и животноводом, и парторгом выбирали, даром что чуть расписаться умела.

Теперь научили нашего брата, все с дипломом. Пять домов построили, вселяют специалистов. Трудодень хороший. К Октябрьской, должно, станем миллионерами.

Будете в журнале писать, школьникам напишите, больше бы почитали старших и учителей. И чтобы здоровались проходя, — мы, старики, этого заслужили».

ИДЕТ ЖИГУЛЕВСКАЯ НЕФТЬ

ИСТОРИЯ В ТРЕХ ЧАСТЯХ О ТОМ, КАК ЖУРНАЛИСТКА ВАЛЕНТИНА БИАНКИ СПЕРВА ОБРАДОВАЛАСЬ, ПОТОМ ИСПУГАЛАСЬ, А ПОСЛЕ СНОВА ОБРАДОВАЛАСЬ

1.

В глубине скважины вращается коронка турбобура. Вгрызаясь в твердую породу, коронка проходит один метр примерно за два часа.

Время от времени приходится наращивать трубы. Рабочие это сделали при нас. С помощью сжатого воздуха и системы блоков они присоединили к колонне, опущенной в скважину, «свечу» — трубу, длиной тридцать шесть метров с гаком. Теперь можно снова бурить!

«Экзамен» пласта здесь начался в мае прошлого года. Прошли тысячу метров, взяли керн. Специалисты сказали: есть нефть, и порядочно. А вскоре, как здесь говорят, «нефть пошла ходом». Хлынула из трубы.

Первая нефть — всегда большое событие. Черную, остро пахнущую жидкость набирают в ладони, даже по традиции мажутся ею, — очень радостно! Прямо праздник!

2.

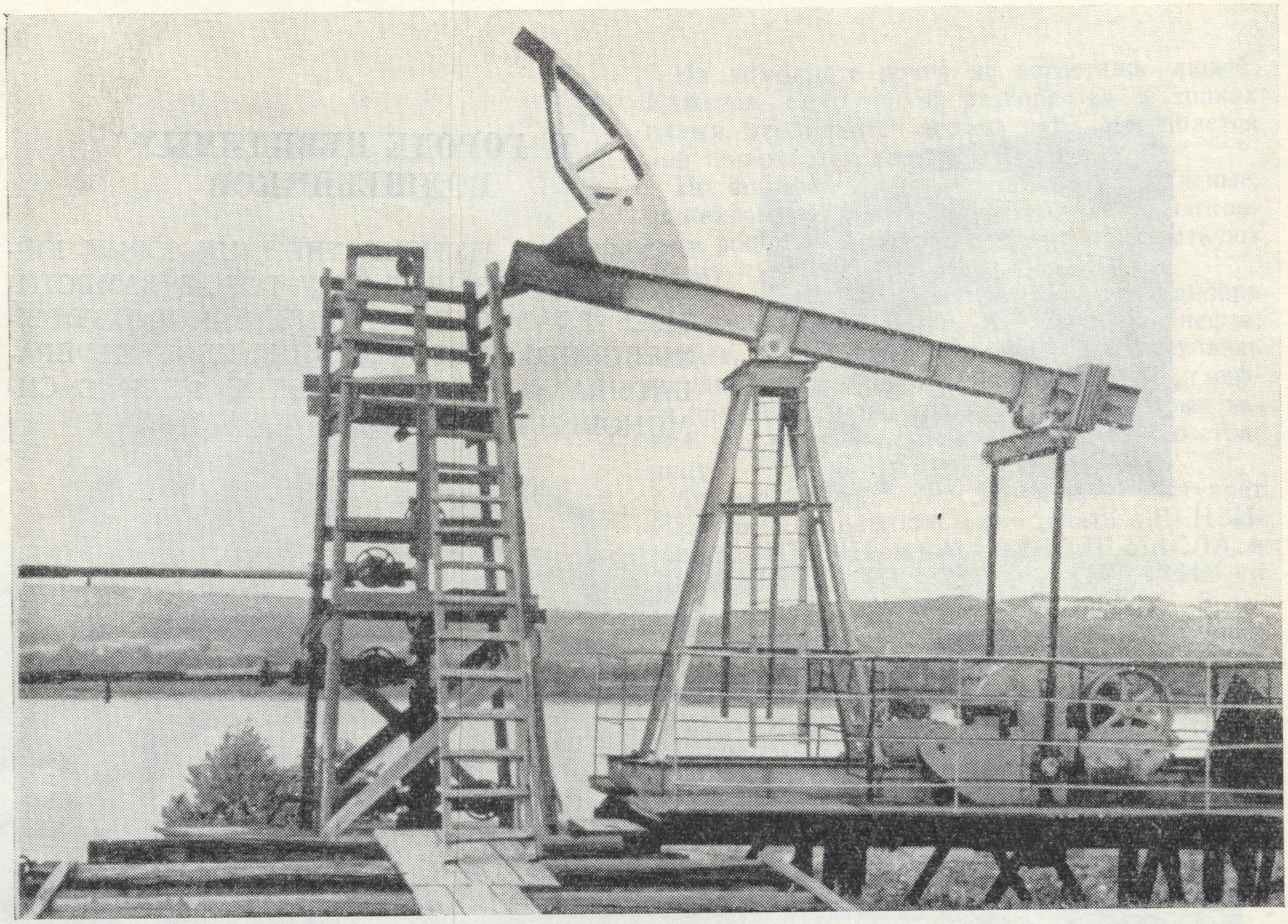
А кругом — чудесный приволжский лес, ярко-желтые песчаные пляжи. Снуют катера по Волге, везут отдыхающих загорать. Среди всей этой благодати и расположилась скважина. Тарахтят моторы, пахнет, как в керосиновой лавке.

Что же здесь, в зоне отдыха, будет, когда начнется промысловая добыча нефти?

3.

Если глядеть на Жигули издали, с другого берега Волги, то кажется, будто горы похожи на огромных ежиков. Они округлые и сплошь щетинятся деревьями.

Мы смотрели на Жигули осенью, и потому иголки у «ежиков» были разноцветные: зеленые, желтые и даже красные.

Нефтяной насос похож на качели

Когда наш маленький автобус свернул в ущелье, поросшее лесом, шофер объявил:

— Вот промысла́!

Но промыслов не было видно. Правда, посреди ущелья стояло сооружение, напоминающее парашютную вышку.

Шофер остановил машину, высадил пассажиров, сказал: «Ну, я пошел за орехами», и стал взбираться по склону.

— А где же нефть? — поинтересовались мы.

Александр Федорович Воронин, старший геолог промысла, подвел нас к площадке, на которой установлены серебристые коленчатые трубы, и показал небольшое ведерко:

— Вот нефть. Больше вы ее здесь не увидите...

Нет! Мы совсем-совсем по-другому представляли себе промысла! Нам казалось, что скважины должны окружать нефтяные лужи, что вокруг грохочут механизмы и очень грязно.

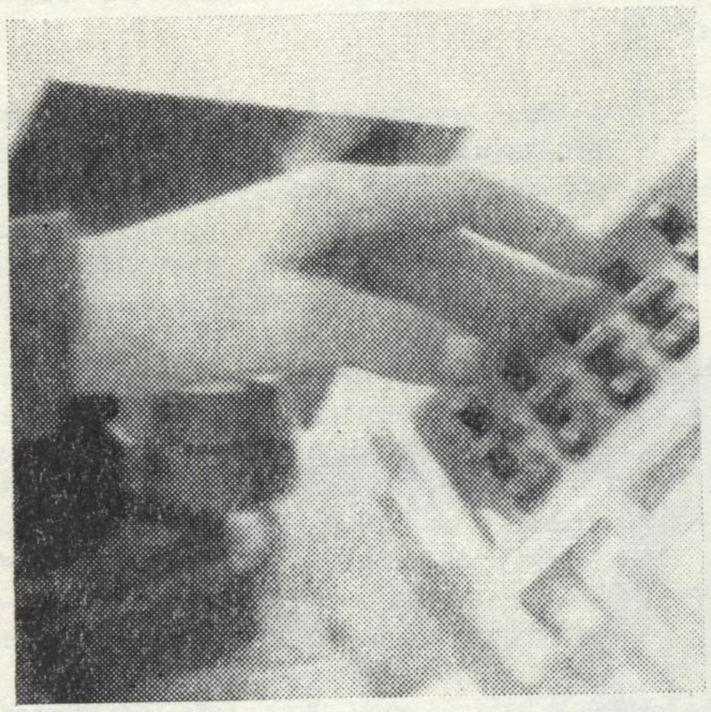
— Да, — сказал Воронин. — Нечто похожее действительно было раньше. А теперь у нас все по-иному.

Мы пробыли в Жигулях целый день. Видели десятки скважин, оборудованных насосами разных систем. Видели огромные белые цистерны-отстойники на берегу Волги — сюда поступают нефть и газ. Из этих отстойников чистая нефть по трубам отправляется в товарный парк, а газ — на специальный завод. Нигде по дороге ни нефть, ни газ не соприкасаются с атмосферой. Не отравляют ни земли, ни воды.

Таковы, значит, теперь промысла. И люди довольны, и природа не обижается!

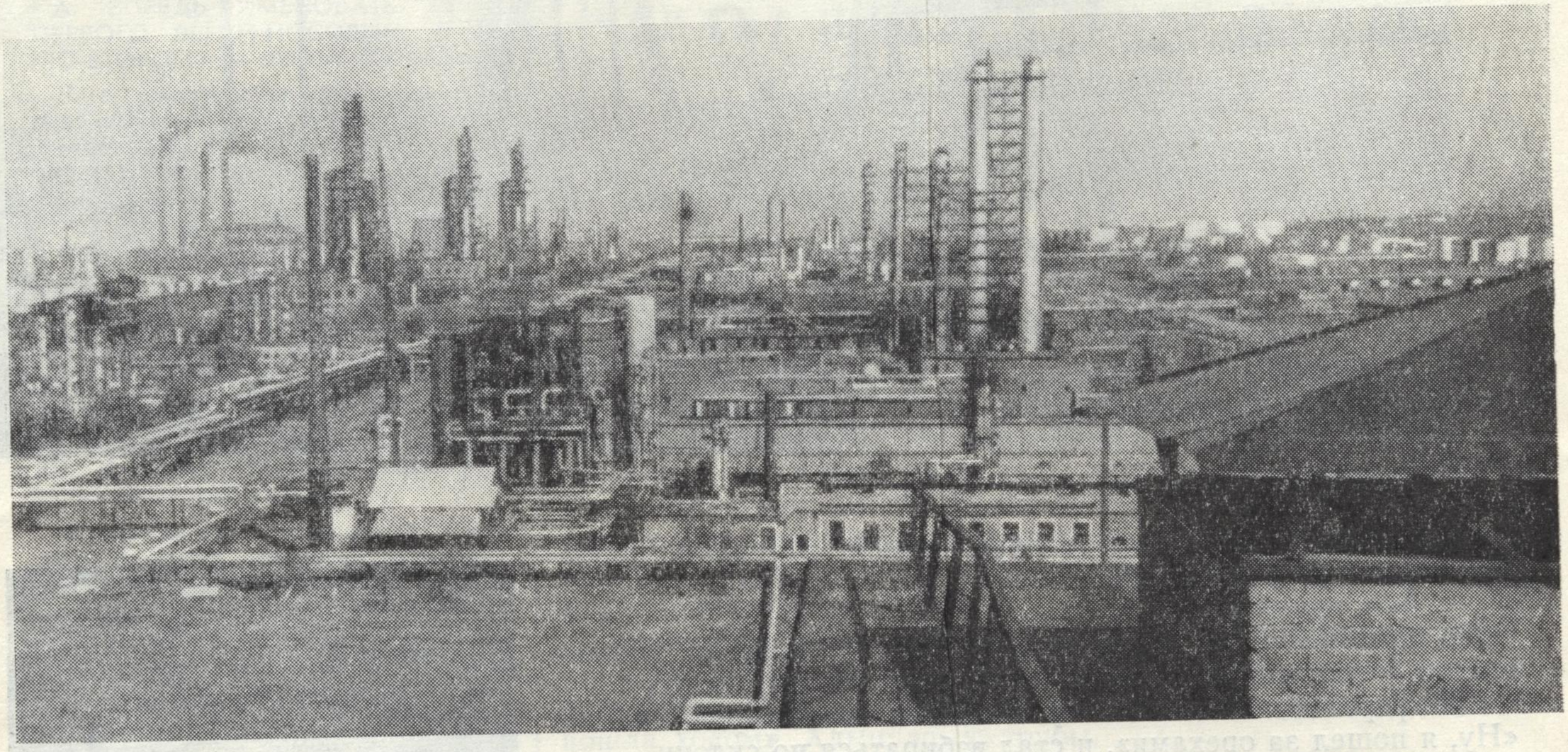

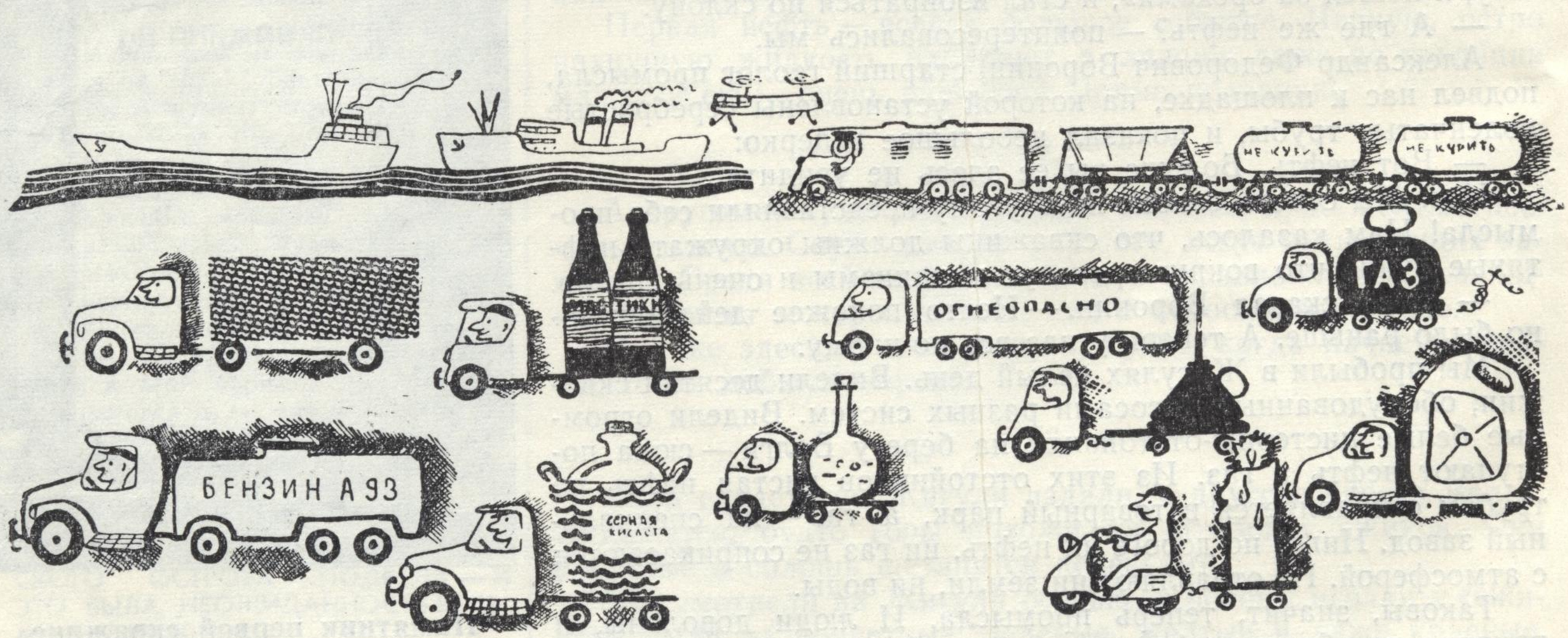
Памятник первой скважине в Жигулях

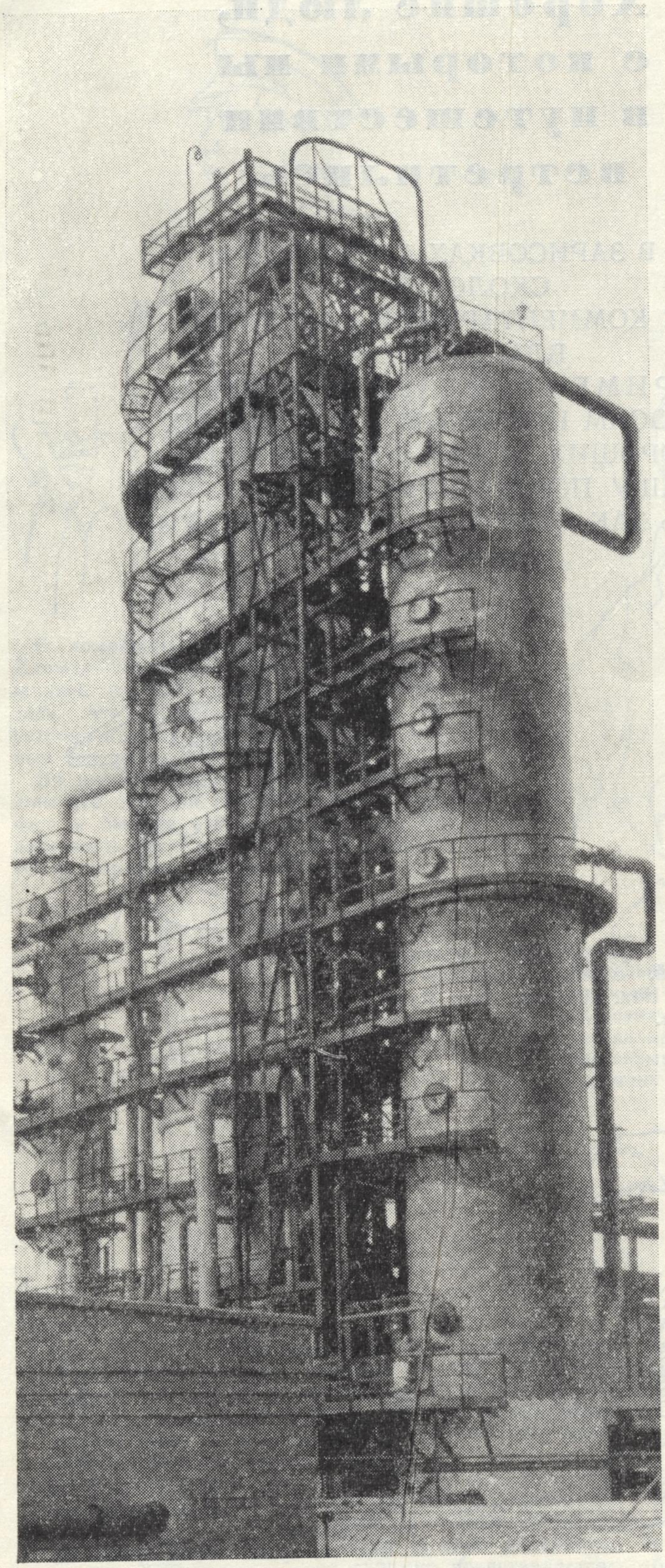

В ГОРОДЕ НЕВИДИМЫХ ВОЛШЕБНИКОВ

ПОБЫВАЛ ПУТЕШЕСТВЕННИК ЮРИЙ ЮРКАН, А ПОКАЗЫВАЛ ЕМУ ГОРОД ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО ИНЖЕНЕРА НОВОКУЙБЫШЕВСКОГО ОРДЕНА ЛЕНИНА НЕФТЕПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕГО КОМБИНАТА ФЕЛИКС СИМОНОВИЧ БАЕВСКИЙ

На комбинате почти не встретишь людей. Кажется, само собой разгорается в топках пламя, усиливается подача пара, повышается или понижается давление.

Но, конечно, это только так кажется. Ученые, инженеры, техники — как и полагается настоящим волшебникам, они незримо присутствуют всюду.

На вертикальной фотографии — установка атмосферно-вакуумной переработки нефти, вернее, ее часть: вся колонна не поместилась на снимке. Здесь начинается получение из нефти продуктов, один только список которых занял бы, вероятно, не одну журнальную страницу.

Судите сами: на комбинат поступает НЕФТЬ, а отправляют с комбината и БЕНЗИНЫ, и БИТУМЫ, и СМАЗОЧНЫЕ МАСЛА, и ДИЗЕЛЬНОЕ ТОПЛИВО, и ПАРАФИН, и ГАЗ, и...

Художники Лев и Константин Янусы попробовали нарисовать, что еще можно получить из переработанной на комбинате нефти. Но и художникам места не хватило.

Продолжайте перечень сами!

Страница седьмая, наоборотная

Почему она так названа, сейчас станет ясно.

Совсем недалеко от нашей ночной стоянки расположено село Переволоки. То самое, где кругосветчикам полагается выгружаться и «переволакивать» свою лодку через перешеек, в реку Усу.

Сейчас здесь проектируется судоходный канал. Когда его построят, водное кольцо вокруг Самарской луки замкнется. Но пока что мудрено перетащить через перешеек наш катер. Ему же не телега нужна, не грузовик, а железнодорожная платформа!

Поэтому решили поступить так: дойти до Переволок, развернуться и бежать обратно, вверх по течению, до Куйбышева и за Куйбышев, к тем же Переволокам, но по Усе.

ПРИМЕЧАНИЕ КОМАНДОРА. СМОТРИ СХЕМУ НА ТИТУЛЬНОЙ СТРАНИЦЕ ЖУРНАЛА.

Словно в кинокартине, пущенной наоборот, пошли сменять друг друга виденные вчера места: и Малая Рязань с древними пещерами на обрывистом берегу, и Лбище с часовней, в три слоя исписанной именами честолюбцев-туристов, и, наконец, Винновка, где бывалые кругосветчики обыкновенно устраивают первый привал.

И вот показался Куйбышев.

Мы не причаливали, плыли, а Куйбышев все не кончался. Сперва справа по борту были набережные, потом заводские корпуса, потом просто берега с десятками лодок, потом пляжи домов отдыха, — на тридцать пять километров растянулся в длину Куйбышев, вот на сколько!

Миновали мы Овраг подпольщиков, где собирались самарские рабочие на маевки. И Гаврилову поляну, куда выезжают сейчас куйбышевцы на выходной день.

А у другой поляны — у Солнечной, — мы остановились на ночь.

Разыскали великанский пень, выволокли его к воде, обложили сучьями и решили: не уйдем спать, пока не сгорит пень без остатка.

Но пень все же нас осилил. Уже Светлана вернулась из своей ежевечерней дальней прогулки, и Леня-Кормовой успел заснуть, выспаться и проснуться, а костер все горел.

И опять пришлось оставаться возле него одному Командору.

ПРИМЕЧАНИЕ КОМАНДОРА. НЕ СОВСЕМ ТАК. СО МНОЙ ДЕЖУРИЛ ГЕНА. ОН СМОТРЕЛ, КАК С ТРЕСКОМ ВЫЛЕТАЮТ ИЗ ПЛАМЕ-

Хорошие люди, с которыми мы в путешествии встретились,

В ЗАРИСОВКАХ АЛЕКСАНДРА СКОЛОЗУБОВА, С КОММЕНТАРИЯМИ СВЕТЛАНЫ ВЛАДИМИРОВОЙ. ПРИМЕЧАНИЕ КОМАНДОРА. ПРОСИМ ПРОЩЕНИЯ У ОСТАЛЬНЫХ ХОРОШИХ ЛЮДЕЙ, НЕ ПОПАВШИХ В НАШУ ПОРТРЕТНУЮ ГАЛЕРЕЮ, — ИХ ВЕДЬ ТАК МНОГО, А СТРАНИЦЫ ТАКИЕ МАЛЕНЬКИЕ!

Обветренный, прокуренный, молчаливый, — настоящий, словом, морской — нет, речной волк. Наш капитан, Петр Яковлевич Полежаев.

— Отдать концы!

Смотрим кругом: на палубе, кроме тети Зины, никого нет. К кому же капитан обращается?

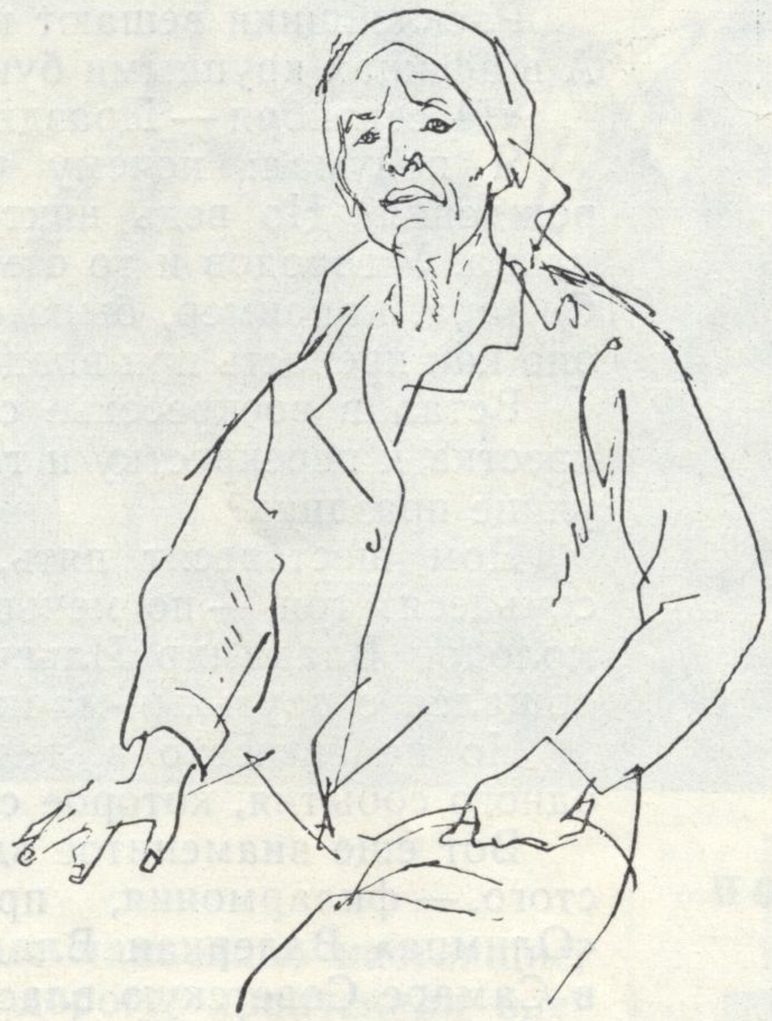
Но концы отданы, флаг поднят, палуба блестит, завтрак на столе, — и все это незаменимая тетя Зина, матрос Зинаида Григорьевна Демидова.

Она на судне почти такая же главная, как капитан.

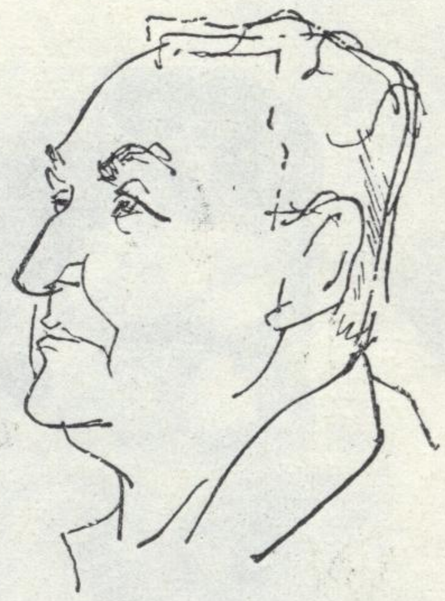

С помощником капитана Николаем Давыдовичем Сиделевым мы так сдружились, до того друг другу понравились, что у прощального костра он устроил в нашу честь роскошный ракетный фейерверк.

На рисунке рядом с Сиделевым-старшим его сын. Он гостил на катере два часа и был на это время зачислен на должность юнги и на все виды вещевого и кормового довольствия.

Жительница села Екатериновки Пелагея Васильевна Котельникова рассказывает. О чем рассказывает — смотри страницу девятую.

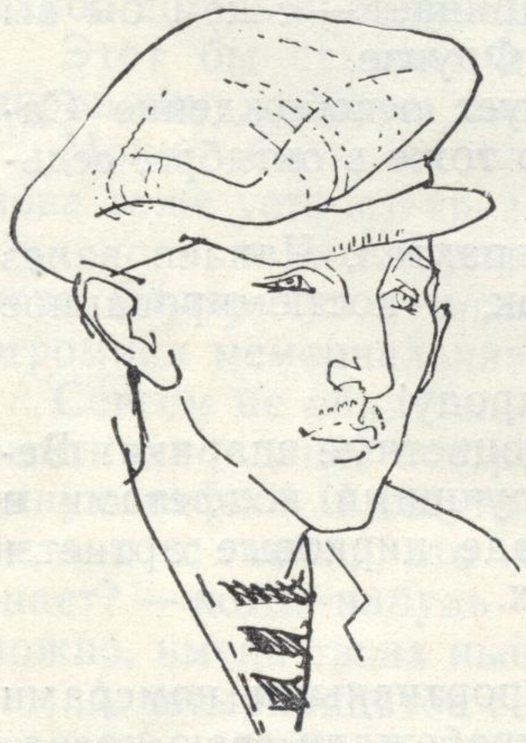

Огромным нефтяным хозяйством Куйбышева ведает человек огромного роста, главный геолог «Куйбышевнефти» Исаак Лазаревич Ханин.

Он так сумел рассказать нам о нефтедобыче, что захотелось сразу же, немедленно, своими глазами повидать буровую. Да жаль, не успеть сегодня, далеко, наверное, ехать.

Но главный геолог подводит нас к окну и показывает:

— Вон, за Волгой, скважина. Рукой подать!

Иногда одной фамилии достаточно для рассказа о человеке. Скажут: «Гаттерас», «Грант», «Кук», «Беллинсгаузен» — и сразу ясно, о ком.

Возможно, так когда-нибудь случится и с фамилией младшего члена экипажа «Лены». А пока, знакомясь, он скромно представляется:

— Леша.

Еще бы Геннадию Скороходову все не уметь: он же бывший летчик!

В походе с ним не пропадешь: и костер разожжет, и песню споет, и руку протянет, если оступишься.

Пять дней вел нас Гена Скороходов по кругосветке. Мало обещал, да много делал. И уже полгода спустя, в разгар зимы, пришла нам в Ленинград посылка, а в посылке — кусочек лета, голубые значки с надписью «Жигули».

Спасибо, верный человек Гена!

О Никифоре Ефремовиче Вилонове Горький писал: «Он был создан природой крепко, надолго, для великой работы». Председатель Самарского Совета рабочих депутатов в год революции 1905 года, коммунист-ленинец Вилонов умер двадцати семи лет, потеряв здоровье в ссылках и тюрьмах.

8 июня 1918 г. Самара пала, захваченная белогвардейцами и белочехами. Но в центре города еще долго гремели выстрелы; на Заводской улице, в клубе коммунистов, до последнего патрона оборонялась группа рабочих, и среди них — Председатель Самарского революционного трибунала, поляк по национальности, большевик Франциск Иванович Венцек.

ПРАЗДНИК УЛИЦЫ ФРУНЗЕ,

В КОТОРОМ ВСЕ МЫ ТАК ИЛИ ИНАЧЕ УЧАСТВОВАЛИ, А ОПИСАТЬ ЕГО ВЫЗВАЛСЯ КОНСТАНТИН ФЕНОМЕНОВ

Выходим из гостиницы и видим: маляры срочно докрашивают фасады домов.

— Куда вы торопитесь, маляры?

— А к празднику.

Плотники спешно сколачивают помост-эстраду.

— Зачем помост, плотники?

— К празднику.

Расклейщики вешают на стены большие цветные афиши. А в афишах крупными буквами:

«14 сентября — Праздник улицы Фрунзе».

Я подумал: почему четырнадцатого? Может, это день рождения? Но ведь никто не может знать, когда родилась улица. У городов и то отмечают только год их основания. Вот Самара, например, была основана в 1586 году, и начиналась она как крепость при впадении реки Самары в Волгу.

Встал в воскресенье специально пораньше. Иду от перекрестка к перекрестку и гадаю: по какому поводу на нашей улице праздник?

Дом шестьдесят пять, дом сто тридцать семь, дом сто семьдесят три, — по меньшей мере в трех домах бывал здесь молодой Владимир Ильич. Сиживал за шахматами, спорил, общался с друзьями-марксистами.

Но не известно в ленинском самарском житье-бытье ни одного события, которое случилось бы 14 сентября.

Вот еще знаменитое здание, на углу Фрунзе и Льва Толстого, — филармония, прежде театр «Олимп». В зале «Олимпа» Валериан Владимирович Куйбышев провозгласил в Самаре Советскую власть. Год семнадцатый, двадцать шестое октября, — опять четырнадцатое сентября ни при чем!

Тут слышу:

— Который час, браток?

Гляжу — красноармеец, в буденовке, в обмотках, в прокопченной шинели. Кивнул — и в ворота. Я за ним.

А во дворе, оказывается, тачанка, а на тачанке — Анка-пулеметчица! И Петька-ординарец! И пулемет!

В сторонке стоит сам Василий Иваныч, облокотился о борт старинного автомобиля и разговаривает — с кем бы вы думали? — с Михаилом Васильевичем Фрунзе.

Позвольте, а может, улица празднует освобождение Самары от белогвардейцев? Нет, то было тоже в октябре, седьмого числа, в году восемнадцатом.

Мотор старинного автомобиля затарахтел, Чапаев залез в тачанку и вытащил из ножен клинок, и костюмированное шествие тронулось со двора на улицу.

А на улице — сколько собралось народу!

Развевались флаги. Взлетали разноцветные шарики. Веселые лоточницы торговали самыми лучшими конфетами и самым шипучим лимонадом. На эстраде цирковые артисты катались на одноколесных велосипедах.

А вокруг шумела толпа.

И были в той толпе пионеры со спортивными номерами на спине и на груди — они только что пробежали свою празд-

Здравствуйте, Василий Иваныч!

ничную эстафету, — и были седоусые чапаевцы, настоящие, с боевыми орденами. Им уступали дорогу, пропускали вперед, и клоуны специально для них старались шутить особенно остроумно.

На бреющем полете протрещал самолет, и в воздухе закружились поздравительные листовки.

Самолет был тихоходный, бипланчик, похожий на «этажерки» времен гражданской войны. Я смотрел на листовки и думал: какая бы паника поднялась на былой Саратовской улице, если бы вдруг на голову «чистой» публики высыпался такой дождь прокламаций!

Этот бы самолет да Шуре Буянову, рабочему-железнодорожнику, первую свою тюрьму получившему за листовки!

Может быть, на следующей неделе жители улицы Буянова тоже устроят праздник. А там украсится флагами улица Вилонова, а там и улица Венцека, Масленникова, Галактионова, Скляренко, — весь перечень куйбышевских улиц словно огромная мемориальная доска!

Совсем не обязательно ждать юбилейной годовщины, чтобы выйти на улицу, построиться в колонну и запеть революционную песню. И ощутить себя рядом с теми, кто был до тебя, — и с теми, кто сегодня с тобой. Потому что — кто знает? — когда-нибудь другие, новые улицы получат, возможно, имена твоих нынешних соседей по дому.

...А четырнадцатое сентября — никакая не дата, просто воскресенье, обычный день.

ПОМНИМ ИХ ИМЕНА

Александр Александрович Масленников. Вместе с Куйбышевым устанавливал в Самаре власть Советов. Вместе с Венцеком защищал клуб коммунистов. На «поезде смерти» был увезен белыми в Омск. Спасся. Готовил восстание против Колчака. Выданный провокатором, казнен в тюрьме на двадцать девятом году жизни.

НИ. УГОЛЬКИ, И ЗАДУМЧИВО ПЕЛ: «УДАР, УДАР, ЕЩЕ УДАР, ЕЩЕ УДАР, И ВОТ...»

Страница восьмая, шлюзовая и арбузная

Утром два часа провели в Зольном.

ПРИМЕЧАНИЕ КОМАНДОРА. ОПИСАНИЕ ХОРОШИХ ДЕЛ УЧАЩИХСЯ ЗОЛЬНЕНСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ ПРОПУСТИТЬ, ТАК КАК ЭТИ ДЕЛА ТРЕБУЮТ ОСОБОГО ПОДРОБНОГО РАССКАЗА, КОТОРЫЙ МЫ ПРЕДПОЛАГАЕМ ОПУБЛИКОВАТЬ В ОДНОМ ИЗ БЛИЖАЙШИХ НОМЕРОВ «КОСТРА».

О ЗОЛЬНЕНСКИХ ЖЕ НЕФТЯНЫХ ПРОМЫСЛАХ СМОТРИ ОТДЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ.

Продолжаем путь вверх по Волге. Слово «вверх» здесь имеет буквальный смысл: для того чтобы попасть в Тольятти, надо подняться на двадцать четыре метра — таков перепад водных уровней, возникший после постройки Волжской ГЭС.

Лестница для кораблей — шлюзы. Сдвинулись за нами створки ворот. Видно, как со дна вздымаются столбы воды, кругами расходясь по поверхности.

Зрелище такое, что даже оба Лени, увлеченные своими любимыми шахматами, забывают о шахе и мате.

Медленно возносимся — и вот уже наше судно встало вровень с верхним краем бетонной стены. Диспетчер по радио командует — следовать во вторую камеру. Там все повторяется — две камеры, как две ступеньки, — и перед нами причалы Тольятти.

Швартуемся ненадолго — выполнить судовые формальности и запастись провиантом.

— Что я принесла! — загадочно говорит тетя Зина и вынимает из сумки арбуз.

Помогаем чалиться соседнему буксиру, обматываем канат вокруг кнехта. «Спасибо! — благодарят нас с буксира. — Ловите!» — и кидают нам арбуз.

У речников Тольятти, оказывается, сегодня арбузный день. Пришла из Астрахани баржа с арбузами, и все в порту зелено и полосато.

Разгружаем арбузы. Пробуем арбузы, сравниваем, хвастаемся арбузами друг перед другом.

Наконец, отплываем.

«Фу, — вздыхает помощник капитана Коля, — с ума сойти, помешались на арбузах!» — и... кладет на стол гигантский, как пушбольный мяч, арбуз.

ПРИМЕЧАНИЕ КОМАНДОРА. СМОТРИ «МОРСКУЮ ГАЗЕТУ».

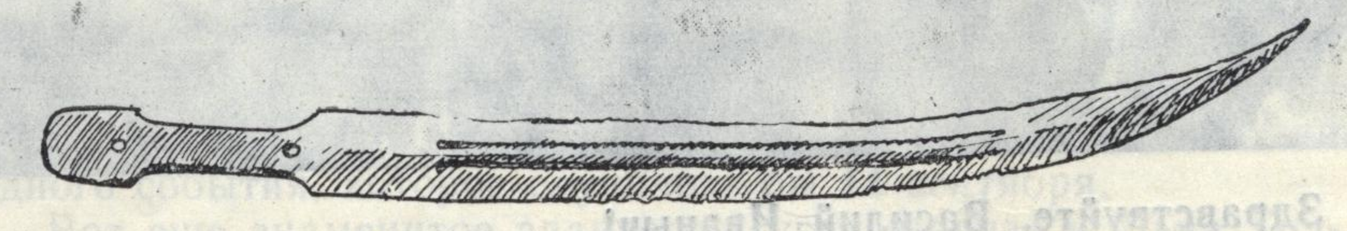
Наш

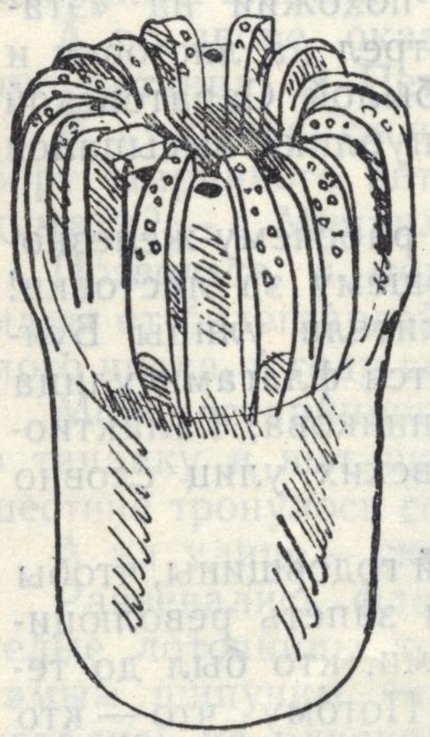
Горный козел на щите под короной — старый самарский герб.

Жестянку с гербом следопыты 64-й куйбышевской школы сняли с ворот дряхлого бревенчатого дома. Жестянка когда-то означала, что дом застрахован от огня.

Сейчас герб Куйбышева мог бы выглядеть иначе. Например, гигантский подшипник на фоне нефтяных вышек и высоковольтных опор.

Сабля — не самого Чапая, но наверняка чапаевца. Найдена в походе юными туристами куйбышевского Дворца пионеров. После вполне понятных колебаний, в приступе неслыханной щедрости передана «Костру».

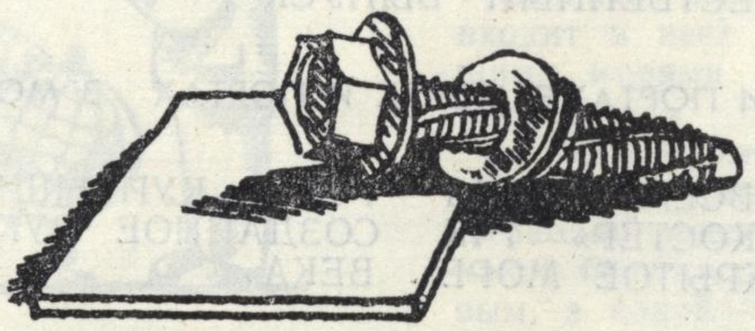
То, чем сверлят землю, — бур.

Среди буров этот — король: служит дольше, чем тридцать обычных. Как и полагается королю, у него на голове корона, то-есть коронка, с алмазами.

Мы долго выпрашивали алмазную коронку для музея «Костра», но нам ее почему-то не отдали. Жаль! Хорошо, хоть зарисовка осталась.

путешественный музей,

ЭКСКУРСИЮ ПО КОТОРОМУ ВЕДУТ ХУДОЖНИК АЛЕКСАНДР СКОЛОЗУБОВ И ЖУРНАЛИСТ ЛЕОНИД ЭФРОС

Стены огромного, почти двухкилометровой длины, корпуса ВАЗа будут покрыты десятками тысяч таких блестящих белых керамических плиток.

Кровля ВАЗа будет укреплена десятками тысяч таких болтов.

И плитка, и болт очень маленькие (рисунок — в натуральную величину!). Завод — очень большой. Но великану не обойтись без малышей. И поэтому они занимают почетное место в нашем музее.

На листе бумаги этот серый столбик оставляет жирное пятно. Это — керн, образец нефтеносной породы, добытый с многометровой глубины.

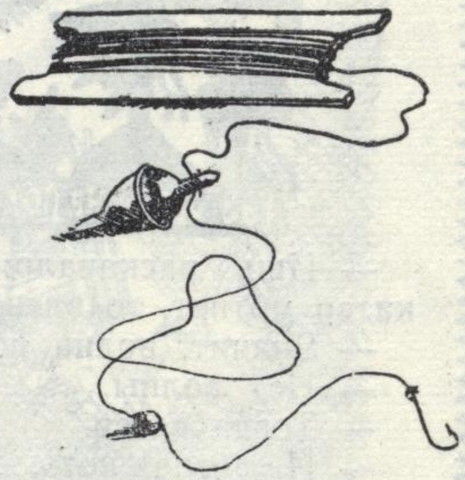

Значок Волжского автомобильного завода вручили нам комсомольцы города Тольятти.

На пятнадцатой поисковой скважине нам подарили пробирку с нефтью.

Берегли мы пробирку, как золотую. Как же иначе: ведь в ней — «черное золото», бесценное богатство жигулевской земли.

Вот крючок, поплавок, грузило и леска. С их помощью я поймал во время путешествия во-о-о-от такую рыбу!

ПРИМЕЧАНИЕ КОМАНДОРА. Раз Леня-Носовой это утверждает, значит, так оно и было.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Год издания тринадцатый

Выходит под редакцией капитана второго ранга С. Сахирнова

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННЫЙ ВЫПУСК

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

К ЗЮЙД-ВЕСТУ ОТ ТОЛЬЯТТИ

Вылезли после обеда из кают-компании и увидели маяк.

Откуда маяк? Мы по Волге плывем, а на реках маяков не бывает.

Еще мы увидели горы. Синие и маленькие, оттого что далекие. Прямо по курсу полоска их прерывалась.

— Залив, — сказал капитан.

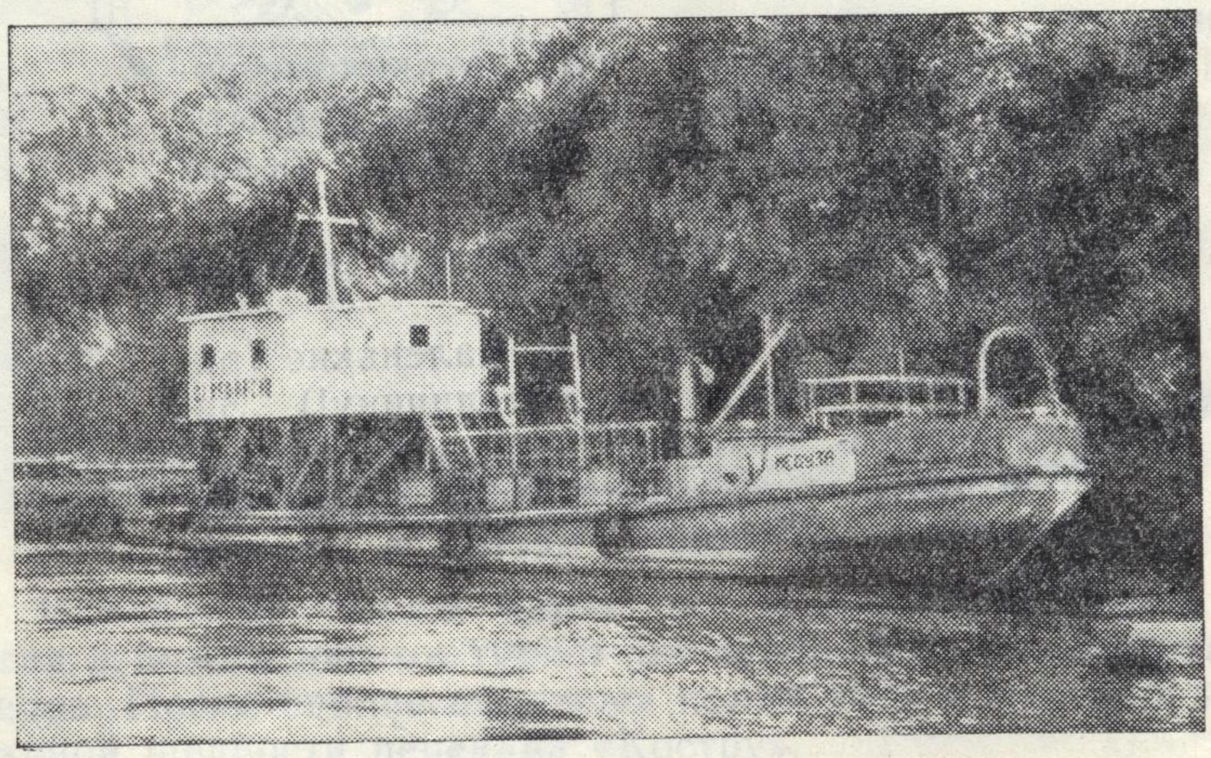
Почему залив? Залив — на реке?

— Там и отстоимся в случае шторма, — сказал капитан.

Шторм на реке? Куда мы попали, братцы?!

— Медуза! Смотрите, медуза! — закричал один из нас. И мы уже больше не удивлялись. По шатучей палубе, под свежим морским бризом, косолапой походкой морских волков отправились в радиорубку. Справились с морской болезнью и отбили:

«ВСЕМ ВСЕМ ВСЕМ КОПИЯ ТЧК В КУЙБЫШЕВСКОЕ ЗПТ ЛЕНИНГРАД «КОСТЕР» ТЧК СОЗДАННОЕ РУКАМИ ЧЕЛОВЕКА» ВЫШЛИ В ОТКРЫТОЕ МОРЕ

Медуза была не настоящая. Так называлась нефтеналивная баржа. Но дела это не меняет.

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

— Ишь раскачало: то вправо катер мотнет, то влево.

— Значит, волна пошла.

— Нет волны.

— Тогда ветер.

— И ветра нет... Э-э, да это Костя за руль встал!

* * *

— Утро-то какое хорошее. Тихо. Катер не шелохнется!

— Ага. Спокойно ночь простояли... Ба, а что это за бортом?

— Вода.

— Какая же вода, если на ней следы? Вон тут собака прошла. А вон там — коза.

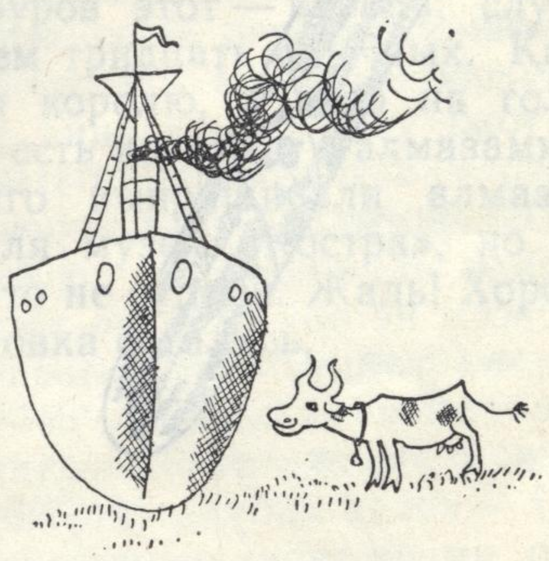
— Неужто осохли?

— Точно.

— На берег выкинуло?

— Да нет, просто в плотине гидростанции затворы открыли. Уровень моря и понизился.

— Вот так море!

Капитан Быстроходов и боцман Румпель, узнав о путешествии костровцев, очень встревожились.

— Как же они там без настоящего морского руководства? — подумали отважные моряки. — Надо составить для них карту и указания.

Однако составить карту Большой Волги оказалось не так-то просто.

Сколько искусственных морей входит в нее? С какими настоящими морями она теперь соединяется?

— Может быть, морские знатоки помогут капитану и боцману? А заодно подскажут всем юнгам: какой берег у реки считается правым, а какой — левым?

ТРИ ВОПРОСА МОРСКИМ ЗНАТОКАМ (И ДЕСЯТЬ ОТВЕТОВ, ИЗ КОТОРЫХ ТОЛЬКО ТРИ ПРАВИЛЬНЫЕ)

Сколько лет существует Куйбышевское море?

1. Сорок лет. 2. Девять лет. 3. Тринадцать лет.

Какой высоты достигают волны на этом море?

1. Полметра. 2. Три метра. 3. Семь метров.

Какое море больше?

1. Рыбинское. 2 Братское. 3. Московское. 4. Куйбышевское.

Сложите номера своих ответов на первый и на третий вопрос, а сумму разделите на номер ответа на второй вопрос.

Если ответили правильно, узнаете, сколько бачков компота выпивал Леня-Носовой за обедом.

ШКОЛА ЮНГ

— Хорошо плывем?

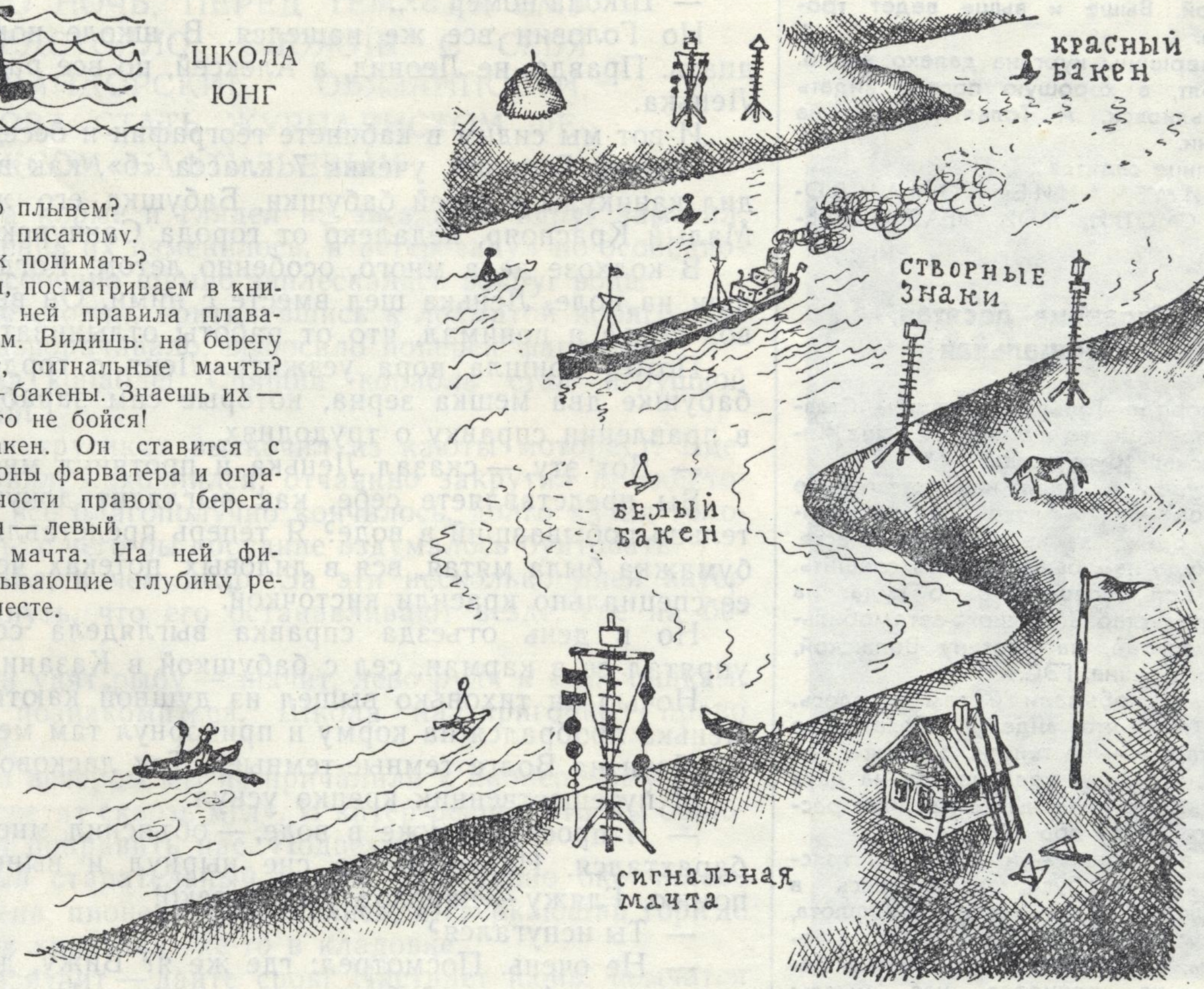
— Как по писаному.

— Это как понимать?

— Плывем, посматриваем в книжечку. А в ней правила плавания по рекам. Видишь: на берегу знаки стоят, сигнальные мачты? А на воде — бакены. Знаешь их — плыви, ничего не бойся!

Красный бакен. Он ставится с правой стороны фарватера и ограждает опасности правого берега. Белый бакен — левый.

Сигнальная мачта. На ней фигуры, показывающие глубину реки в этом месте.

НАШ ДНЕВНИК

На ночевку становимся в Усинском заливе, в овраге. Вечер сырой и теплый. «Здесь вам не равнина, здесь климат иной», — поет, разжигая костер, неутомимый Гена.

Страница девятая, молодецкая

А что, разве мы не молодцы? Мы столько успели за день!

Доплыли по Усе до Переволок, выгрузились, прошли пешком четыре километра — и увидели знакомые места, буровую вышку, Васильевский остров, — только уже с берега, а не с реки.

Покидали в Волгу камушки. Полазали по скалам. Вернулись обратно на Усу, на катер. Сплавали заправиться соляркой. Побежали снова в Усинский залив.

Там есть курган Молодецкий, тот самый, разинский, о нем уже упоминалось.

Преодолеваем склон. «Лена» осталась далеко внизу и кажется игрушечной. Выше и выше ведет тропинка.

С вершины кургана далеко видно. Говорят, в хорошую погоду видать и Ульяновск. А Тольятти — как на ладони.

Солнце садится...

ПРИМЕЧАНИЕ КОМАНДОРА. СМОТРИ МОИ «РАЗМЫШЛЕНИЯ».

Страница десятая, прощальная

В городе Тольятти, бывшем Ставрополе-на-Волге, кончилась наша Жигулевская кругосветка.

Погудел и ушел наш катер — не наш он уже, а чужой. А мы остались одни, в незнакомом месте.

Некуда нам было больше спешить.

То есть, спешить было куда: на строительство Волжского автомобильного завода, на плотину Волжской, имени Ленина, ГЭС.

И мы побывали и там и здесь. И о том, что видели, обязательно расскажем — не теперь, а позже, потому что никак ведь нельзя на двух десятках журнальных страничек рассказать сразу обо всем.

Но все время — и когда мы тряслись в автобусе, направляясь в Жигулевск, и в кассе Аэрофлота, куда мы пришли за билетами, и вечером, в гостинице на Зеленом берегу, — не покидала нас мысль: «Последний день! Последние часы!»

Ничего не поделаешь — кончилась кругосветка.

ВОЛГАРЬ,

ИЛИ РАССКАЗ ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ ВАЛЕНТИНЫ БИАНКИ О ТОМ, КАК ПИОНЕР ЛЕНЯ ГОЛОВИН, ВОЗВРАЩАЯСЬ ОТ БАБУШКИ, УПАЛ ЗА БОРТ КОРАБЛЯ, ПЛЫВШЕГО ПО ВОЛГЕ, И О ТОМ, ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ

Стою на автобусной остановке и слышу:

— ...И проснулся под водой. Представляешь?

— Кто?

— Да Ленька же. Головин. Из нашего класса! Вынырнул, а теплоход уже ух как далеко! Кругом — ни зги...

Тут подошла «двойка», мальчишки прыгнули в автобус. А мне стало ясно: все мои планы на сегодняшний день полетели вверх тормашками.

Школ в Тольятти наберется, пожалуй, полсотни. Сажусь за стол. Справа — телефон. Слева — справочная книга.

— Школа номер 1? У вас учится Головин Леонид? Не учится? Спасибо за справку!

— Школа номер 2? Нет ли среди учеников Головина Лени? Нету?

— Школа номер 3?..

Но Головин все же нашелся. В школе номер четырнадцать. Правда, не Леонид, а Алексей, но все равно — Лешка, Ленька.

И вот мы сидим в кабинете географии и беседуем.

Ленька Головин, ученик 7 класса «б», как всегда, проводил каникулы у своей бабушки. Бабушка его живет в селе Малый Краснояр, недалеко от города Санчурска.

В колхозе дела много, особенно летом. Когда мальчишки шли на поле, Ленька шел вместе с ними. Он вырос в трудовой семье и понимал, что от работы отлынивать нельзя.

Потом пришла пора уезжать. Леня с гордостью привез бабушке два мешка зерна, которые сам заработал. И взял в правлении справку о трудоднях.

— Вот эту, — сказал Ленька и протянул мне бумажку.

Вы представляете себе, как выглядит документ, основательно побывавший в воде? Я теперь представляю. Ленькина бумажка была мятая, вся в лиловых потеках чернил, словно ее специально красили кисточкой.

Но в день отъезда справка выглядела солидно. Леня упрятал ее в карман, сел с бабушкой в Казани на теплоход.

Ночью он тихонько вышел из душной каюты. Все спали. Ленька пробрался на корму и прикорнул там между шлюпок.

Ночи на Волге темные-темные... Так ласково качает река!

И путешественник крепко уснул.

— Я проснулся уже в воде, — объяснил мне Ленька. — Я барахтался. Наверное, во сне нырнул и вынырнул, но не помню. Гляжу — пароход уже далеко!

— Ты испугался?

— Не очень. Посмотрел: где же я? Вижу, до берега метров двести. А другой берег как в тумане. Ну и взял курс на буй, он светился.

— И ты не кричал? — спрашиваю.

Алексей Головин ответил мне так:

— Чего же кричать? На теплоходе все равно бы не услыхали. Я сразу ботинки скинул, они меня на дно утягивали. И поплыл — по-собачьи, вразмашку в одежде неловко.

Когда Леня добрался до берега, он прежде всего снял рубашку и выжал ее. Дождался, пока взошло солнце, и пошел искать жилье. Шел очень долго, почти целый день. Наконец, наткнулся на рыбачий стан.

Рыбаки так удивились Ленькиному рассказу, что даже не поверили.

— Сказали, — смеется Леня, — что я, наверно, от матери убежал. Но как же я мог убежать, если и пристани поблизости нет, и деревни ни одной.

О том, что было потом, когда он вернулся домой, Ленька почему-то не распространялся. Об этом мы узнали от Лениной мамы. Дома была ему взбучка за то, что не слушался бабушку. Но взбучка была легкая.

— Потому что, — рассудительно сказал отец Леньки, Виктор Иванович, — такая удача — проснуться под водой и не утонуть — выпадает, наверно, раз в сто лет. Даже волгарю!

Смелый Леня Головин

РАЗМЫШЛЕНИЯ КОМАНДОРА

В ПОСЛЕДНЮЮ ЭКСПЕДИЦИОННУЮ НОЧЬ, ПЕРЕД ТЕМ КАК ЕМУ ПРЕДСТОЯЛО, СЛОЖИВ С СЕБЯ КОМАНДОРСКИЕ ОБЯЗАННОСТИ, СНОВА СТАТЬ ЖУРНАЛИСТОМ ФЕЛИКСОМ НАФТУЛЬЕВЫМ

Я сидел на корме и глядел на звезды, и вдруг заметил, что расположение их изменилось, и ветер задул по-особенному, и как-то особенно шумно заплескалась вокруг вода.

Мы уже не стояли, приткнувшись к лохматой коряге, нас потихоньку разворачивало, выносило поперек фарватера.

Тревога на корабле! Спящий корабль стал игрушкой волн и течений!

В кителе и трусиках выскочил из каюты моторист. Вцепился в штурвал, нахохлился, отчаянно закрутил прожектором. И когда все благополучно кончилось, долго качал головой, удивляясь: с чего бы посудине вздумалось бунтовать?

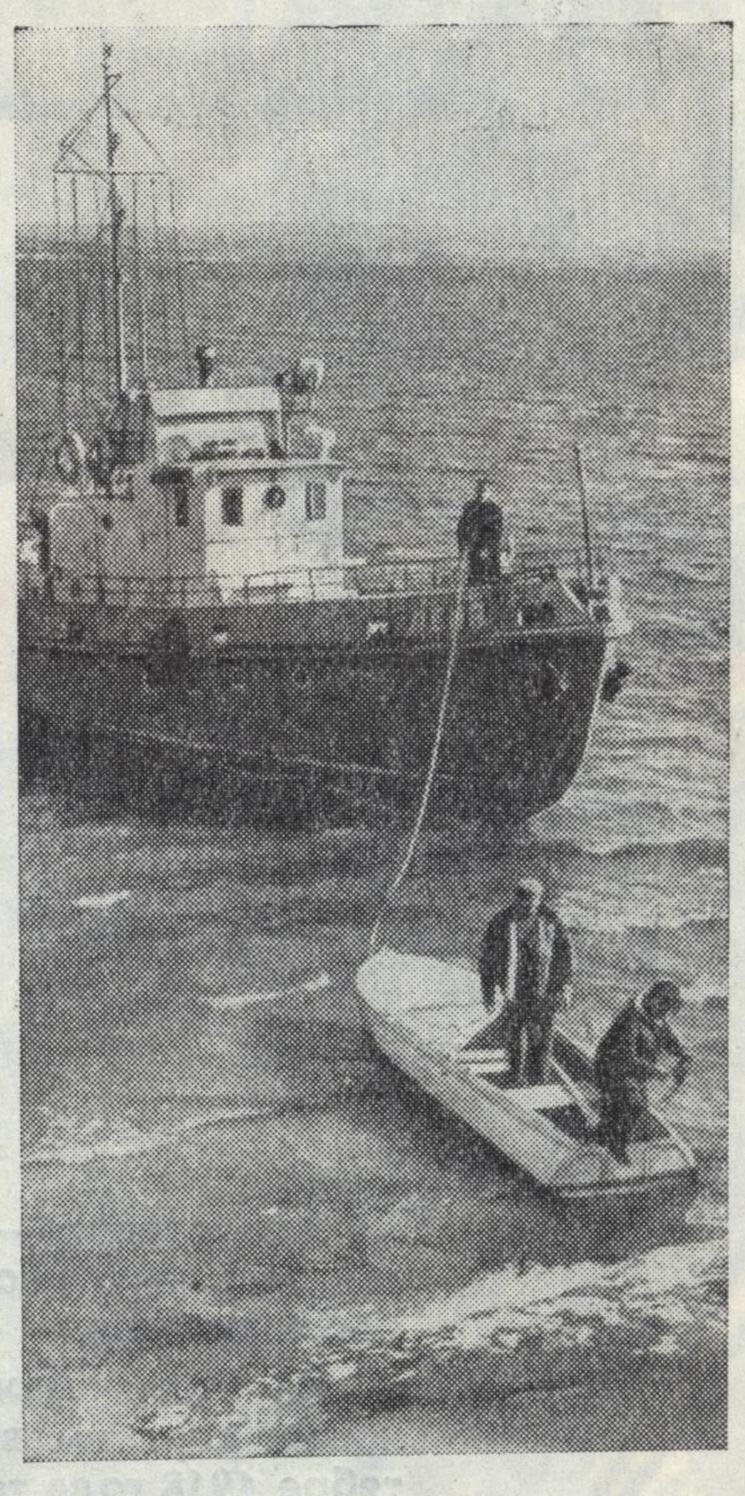
А я понимал, в чем дело. За эти несколько дней катер успел привыкнуть, что его останавливают везде, где на берегу ребята.

Мальчишки удят рыбу — значит, лево руля к мальчишкам, потолковать, познакомиться. Школа на пригорке — право руля к школе.

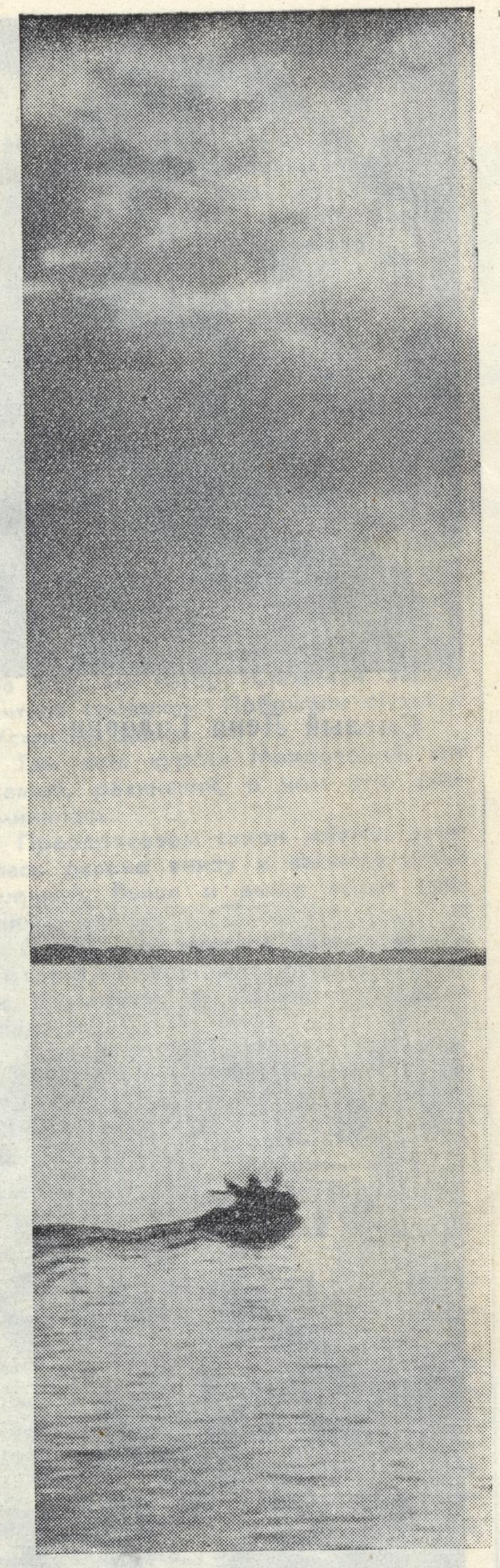
Но сегодня вечером мы не причалили к пионерскому лагерю, чьи огни светят сквозь мглу. И катер решил, что мы ошиблись, и решил поправить нас. Подвезти.

Неразумный старательный катер! Там давно окончилась последняя смена, пионеры разъехались, и сверкающий горн до будущего лета хранится где-то в кладовке.

Он еще зазвучит — дайте срок! Настанет июнь, помчатся по шоссе автобусы с флажками, и, может быть, кто-то из нас приедет сюда еще раз, специально в командировку.

Это мы причаливаем

Лось плывет

А есть пионерские лагеря, куда нам не прийти никогда.

Это лагеря, где мы сами были пионерами, — и я, и мои товарищи, те, кто сладко спит сейчас в кубрике, внизу.

Человек не замечает, как изменяется. Ему все чудится, что он такой же, как пять лет назад. Но вот однажды, взбираясь в гору в туристской цепочке, человек ощутит укол в сердце. И вытрет пот со лба. И вспомнит, что совсем, кажется, недавно удивлялся, почему это мама, идя по лестнице, отдыхает на каждой площадке.

И тогда человек задумается над тем, сколько времени он уже существует. И почти всегда выходит, что он слишком долго готовился жить.

В пятнадцать лет мне ужасно хотелось научиться танцевать. До того я завидовал приятелям, когда они расшаркивались перед девчонками из соседней школы!

«Ничего, — успокаивал я себя. — Подрасту, наберусь храбрости, все у меня, в конце концов, впереди». И вот я давно взрослый, кое-что могу и умею, а танцевать, наверно, уже не научусь никогда.

Или еще: был у меня друг, и однажды мы поссорились. Сперва я думал: «Сегодня рано мириться, помиримся завтра», а потом решил: «Обойдусь! Сколько еще будет друзей!»

Но однажды оказалось, что друг ушел невозвратно и такого, как он, больше не будет.

Зато есть враг. Льстивый, услужливый. Предает за глаза — а при встрече первым тянет вялую руку. В свое время я не раз клялся: «Довольно! Порву с ним — завтра же!» — но пока клялся да собирался, общение с ним превратилось в дурную привычку.

Зачем я это рассказываю?

Детство — не предисловие к жизни: за вашими плечами остаются пионерские лагеря, куда вы не вернетесь, соседи по парте, с которыми, может статься, не увидитесь после выпускного бала, тропинки, которые никогда — никогда больше! — не услышат ваших шагов.

Ничто не повторяется. И все остается надолго, и хорошее даже двадцать лет спустя заставит вас улыбнуться счастливо, а дурное и на склоне лет вдруг заноет, как осколок в груди.

Вот о чем думал я в последнюю путешественную ночь, на палубе катера, где спали мои милые товарищи, и мне казалось, что я охраняю их сон, а черная вода тихо плескалась в борта и в тумане еле виднелся Молодецкий курган — тот курган, где когда-то стоял и глядел на Волгу юноша, в свои двадцать лет твердо определивший себе жизненный путь, — Владимир Ильич Ульянов.

Нам сдается — может быть, мы не правы! — что все, увиденное за эти дни, — и школы, и химические комбинаты, и люди, с которыми мы знакомились, — все это имело самое прямое отношение к Ильичу.

На Волге мужал его характер. Волга осталась для него на всю жизнь дорогим воспоминанием. Недаром бойцы Первой армии в сентябре 1918 года телеграфировали:

«Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую — будет Самара!»

ЛЕНА

«НА СОВЕЩАНИИ В КОСМОСЕ»

Саша Локотко, 13 лет, 7 класс, БССР

МЫ ТОРОПИМ ПЕРВОМАЙ

Л. Мочалов

Мы живем уже в апреле,
снег сошел уже давно,
но туманы и метели
замутили нам окно.
Потому-то, потому-то
мы торопим Первомай —
промывай нам то, что мутно,
свет в окошке промывай!
Мы начнем, пожалуй, с неба, —
небо станет голубей,
замелькает — чище снега —
в небе стая голубей.
Ну, а следом, ну, а следом
мы возьмемся за Неву.
Чтоб соперничала с небом,
возвратим ей синеву.
Что еще мы не отмыли?
Не ушел пока трамвай,
отмывай его от пыли!
Веселее отмывай!
Отмывай дома, киоски,
промывай все краски так,
чтобы флаг на перекрестке
загорелся, точно мак.
То, что раньше было скрыто
за туманной пеленой,
смотрит чистою до скрипа
синевой,
голубизной.
Все — как будто утром
ранним —
отряхнулось ото сна,
чтоб зеленым вышиваньем
ванялась теперь весна.

ПРИДУМЫВАЕМ САМИ

Зимой у нас часто стояла плохая погода, так что ни на лыжах, ни на коньках кататься было нельзя. Хорошо, что нашему кружку спринтеров разрешили заниматься в спортзале школы. Ребята у меня хорошие, большие выдумщики — очень любят интересные упражнения. Приходится мне отыскивать их в книжках. Но многие упражнения мы придумываем сами. В школьных коридорах (они у нас длиной 20 метров) проводим эстафету. В ней четыре этапа: бег, прыжки на двух ногах, прыжки вприсядку, бег на корточках. Иногда мы включаем в эстафету прыжки со скакалкой, бег с захлестыванием голени, прыжки на одной ноге и другие упражнения, которые предлагают ребята. Эстафета круговая, чтобы участник смог вернуться на место старта и там дожидаться, пока не наступит его очередь выступать в следующем упражнении. Так каждый из команды проходит все четыре этапа.

Люба Мельникова,
участница III Всесоюзного слета юных спринтеров
г. Черкассы, УССР

Одичаково вредно есть слишком много или слишком мало. Для спортсменов это правило справедливо вдвойне.

Надо есть столько, сколько требуется для нормального роста организма и возобновления запаса растраченной энергии.

Не покидай стола с ощущением набитого желудка.

Ешь только в привычное время (завтрак, обед ужин). Если уж очень не терпится пожевать между едой или перед сном (как и большинству растущих ребят), то пусть это будут овощи или фрукты.

Для улучшения выносливости нужен кальций. Он содержится в рисе, горохе, изюме, винограде и молоке.

Железо содержится в жареном мясе, печенке, черном хлебе, яйцах и свежих фруктах. Недостаток этого элемента затрудняет дыхание и вызывает сердцебиение во время тренировок.

Углеводы — лучшее топливо для твоей «бегущей машины». Они легко усваиваются и производят много энергии. Углеводов много во фруктах, овощах, джемах, вареньях, простых конфетах, овсяной каше. Фосфор снимает усталость и улучшает работу мышц. Его больше всего в горохе, бобах, овсянке, черном хлебе.

Жиры необходимы для развития высоких скоростей. Поэтому в меню надо включать (но в умеренных количествах): топленое молоко, сливочное масло, сливки, мороженое, сыр, жирное мясо, орехи, яичный желток, растительное масло. Но только не в дни соревнований!

Улучшить дыхание помогают фрукты и овощи.

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ, ЧТО...

...страус — самый быстрый бегун в мире. Он способен развить скорость до 120 км в час, но бежать с такой скоростью может не более двух километров.

...в прыжках в длину, чтобы показать результат международного класса (более 8 метров), надо оттолкнуться от планки с силой около 600 килограммов.

...если бы ноги у бегуна двигались так же проворно, как у муравья, то человек развил бы скорость 1500 км в час.

МАЛЬЧИК И ЖАР-ПТИЦА

ПОВЕСТЬ

Владимир Канивец

Рисунки В. Бескаравайного

ПОДАРОК

Самая нудная пора для Мини — это весна. И не потому, что он не любит тепла и солнца. Нет, он ждет не дождется, когда утихнут вьюги и со всего села побегут к Шуше ручейки, поблескивая веселыми золотыми улыбками. Да вот беда: нет у Мини сапог. Зимой он ходил в валенках. Отец его катал людям валенки и, собрав шерсть, свалял и ему. Шерсть заказчики несли белую, черную, серую, и валенки у Мини вышли пестрые. Зато легкие, теплые. Первые валенки в его жизни. Ну, а сапог отец шить не умел, денег у него никогда не было — он их пропивал, и Миня весной был привязан ко двору.

Целыми днями сидит он под забором и, сгорая от зависти, смотрит, как на Шуше мальчишки «подушки гнут». Станут в ряд и бегут, притопывая. Речка вздувается перед ними хрустящей стеклянной волной, угрожающе ухает, обдает холодной водою. Но ребят это не пугает, только веселит: они знают, что под хрупким весенним ледком лежит зимний — толстый и крепкий. Речка Шуша маленькая: летом Миня переходит ее вброд. Зимой она промерзает почти до дна, и весной у нее не хватает силы поднять и сломать лед, как это делает Енисей, понести его далеко-далеко, до самого моря. Лед на Шуше оседает на дно и лежит там, пока не растает, а весенние воды мчат над ним.

— Микелис, кур ту еси?[1] — слышит Миня голос матери.

— Я тут!

— Иди есть!

— Сейчас!

Миня еще ничего не ел, а идти в избу все же не хотелось! Он знал, что сегодня, как и всегда, мать ничего, кроме картошки в мундире, не даст. Отец вторую неделю пьет, в доме нет ни копейки. Занять не у кого: где только можно было взять, отец уже взял. Продать тоже нечего, разве что Минины валенки. Отец уже сколько раз нацеливался продать их. Еще издалека услышав его голос, Миня бежал в избу, скидывал валенки и отдавал их матери. А мать относила хозяйке, Прасковье Олимпиевне. Отец кричал, грозил, однако к хозяйке идти боялся; уже больше полугода он не платил за квартиру.

Может, Миня еще посидел бы — как раз ребята начали новую «подушку» гнуть — но, взглянув вдоль улицы, увидел, что к речке, придерживая саблю, идет урядник Заусайлов. Сегодня он тут с самого утра шатается: вчера политик пошел на охоту, вот урядник все и высматривает его. Боится, чтоб не удрал! Один политик где-то там сбежал, так Заусайлов, говорит мама, теперь ночами не спит. Все ходит по селу да поглядывает: на месте ли его политики? Миня вздыхает, как старичок, и встает. Но земля вдруг начинает качаться у него под ногами, как лед на речке, Заусайлов перевертывается вверх ногами и летит куда-то на небо. Миня закрывает глаза, прислоняется к забору. Такое было с ним уже не раз, и он знает: надо просто постоять, пока перед глазами не погаснут красные пятна. Мама говорит, что это у него голова кружится, отощал очень. Но Миня не верит ей, ведь он сам чувствует, что качается земля.

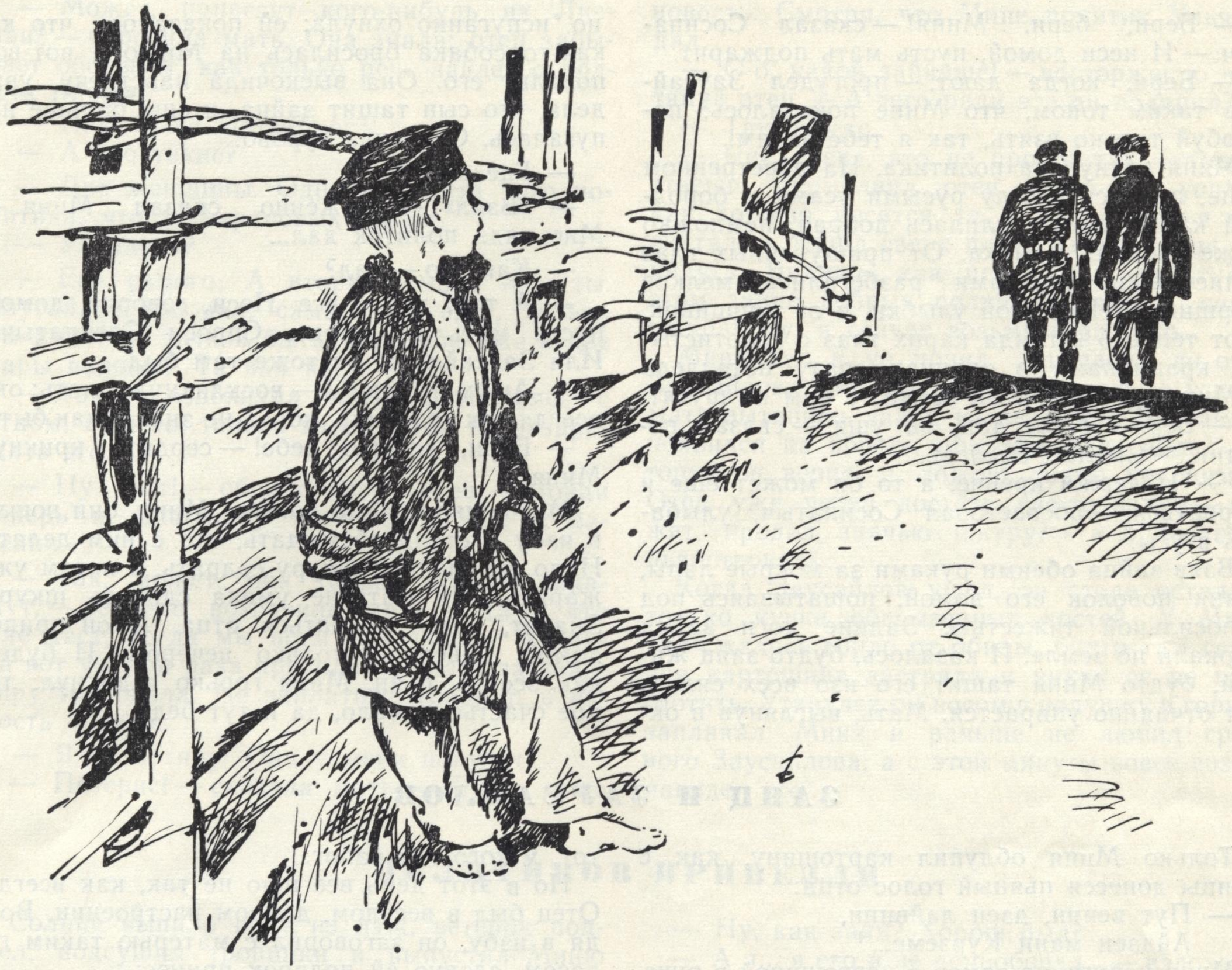
Миня открыл глаза и увидел: ребята бросились навстречу двум охотникам, что шли от протоки Енисея к Шуше. Заусайлов тоже поспешил к речке. Миня узнал охотников: это были Сосипатыч и политик Ульянов, что жил у Зыряновых. И Миня снова позавидовал ребятам: будь у него сапоги, он бы тоже побежал навстречу охотникам. А без сапог как побредешь по воде? Но ничего — охотники мимо двора пойдут. Ведь и летом все переезжают и переходят Шушу здесь. Улица, на которую одним окном смотрит маленькая избушка Мини, спускается прямо в речку и выныривает уже на другом берегу. Летом Миня часто делал так: переедет на возу на ту сторону, если, конечно, дядька кнутом не вытянет, а назад — вброд. Так и есть: охотники идут прямо к Мине. А сколько у них зайцев! Эх, было бы у Мини ружье! Носил бы он этих зайцев матери сотнями. Мясо они ели бы, а из шкурок — шубу ему сшили бы, и не ходил бы он тогда в этой драной материнской кофте...

Как только политик перешел речку, Заусайлов остановил его, начал что-то говорить, но Мине ничего не было слышно, потому что ребята, окружив Сосипатыча, щупали зайцев и галдели. Но по тому, как Заусайлов сер-

---

Печатается в сокращении

[1] Микелис, где ты? (по-латышски).

дито махал рукой, Миня понял, что он недоволен политиком и, верно, ругает его, что так долго был на охоте. Только политик, видно, нисколечко не испугался Заусайлова: он спокойно, даже с усмешкой слушал своего грозного стража. И, сказав что-то Заусайлову, круто повернулся и пошел. Заусайлов постоял немного на месте, растерянно глядя ему вслед, а потом заспешил за ним...

— Здравствуйте, дядя Сосипатыч! — крикнул Миня, когда охотники поравнялись с ним.

— Здорово, Минька! — весело ответил Сосипатыч и, подойдя ближе, спросил: — А ты чего «подушек» не гнешь?

— Сапог нет... — тяжело вздохнул Миня. — Вот и сижу у забора.

— Плохи твои дела. Сейчас без сапог, как без ног. Да не тужи: скоро лето, босиком набегаешься.

Политик остановился возле Мини, посмотрел пристально своими добрыми карими глазами, спросил:

— А ты чего, дружок, такой бледный? Хворал?

— Нет... — смущенно ответил Миня, ему стыдно было признаться, что он всю зиму ел одну картошку в мундире.

— Это он от голода насквозь светится, — сказал Сосипатыч. — Отец все пропивает. Четырнадцать детей было у латыша Кудума, и все померли от каторжной жизни. Один Миня остался, да и тот, как видите, на ладан дышит...

— Печально! — нахмурив брови, сказал политик. Отвязал одного зайца, протянул Мине: — Бери!

Миня оторопело смотрел на политика, силясь понять — шутит он или вправду... Первому встречному зайца отдать — такого Миня еще не слыхал и не видал. Может, это он продает? Но у Мини же нет денег. Он попятился от зайца, которого политик держал так близко от его носа, что Миня видел только черные заячьи ноздри и редкие усы. Сказал подавленно:

— У нас денег нет и копейки. Отец все пропил...

— Да я тебе дарю. Бери, не стесняйся!

— Бери, бери, Миня! — сказал Сосипатыч. — И неси домой, пусть мать поджарит.

— Бери, когда дают, — прогудел Заусайлов таким тоном, что Мине показалось: попробуй только взять, так я тебе задам!

Миня глянул на политика. На обветренном лице, прячась между русыми усами и бородкой клинышком, теплилась добрая, немножко даже озорная улыбка. От прищуренных глаз солнечными лучиками разбегались мелкие морщинки. И от этой улыбки, и от морщинок, и от теплого взгляда карих глаз с золотистыми крапинками в зрачках сразу потеплело у Мини на душе и он понял: с ним не шутят.

— Бери его вот так, за уши, — сказал политик. — Смелее, смелее!..

— И держи крепче, а то он может еще и вырваться, — посоветовал Сосипатыч, улыбаясь в усы.

Взяв зайца обеими руками за мокрые лапы, Миня поволок его домой, пошатываясь под непосильной тяжестью. Задние ноги зайца чиркали по земле. И казалось, будто заяц живой, будто Миня тащит его изо всех сил, а тот отчаянно упирается. Мать, выглянув в окно, испуганно охнула: ей показалось, что какая-то собака бросилась на Миню и вот-вот повалит его. Она выскочила навстречу, увидела, что сын тащит зайца, и еще больше испугалась. Спросила сурово:

— Где взял?

— «Взял»! — обиженно сказал Миня. — Мне дядя политик дал...

— Как это — дал?

— А так, дал и все. Неси, говорит, домой, пусть мать поджарит. Спроси Сосипатыча. Или Заусайлова, он тоже там был.

— Ак, ман деви! [1] — воскликнула мать; она всегда так говорила, когда не знала, как быть.

— Бери, говорю тебе! — сердито крикнул Миня.

Мать сняла зайца с плеча Мини, они вошли в избу и стали обсуждать, что с ним делать. Надо же сначала шкуру содрать, а потом уже жарить. Но мать не умела сдирать шкуру. Значит, надо дождаться отца. А он придет домой, наверное, только вечером. И будет, как всегда, пьян. Миня горько вздохнул: такое счастье выпало, да и тут беда.

ЗАЯЦ И ЗАУСАЙЛОВ

Только Миня облупил картошину, как с улицы донесся пьяный голос отца:

— Пут веини, дзен лайвини,
Айдзен мани Курземе... [1]

Миня испуганно замер с картошиной в руке, не чувствуя, как припекло ладонь. Он знал, если отец поет латышскую песню, значит, еще не так пьян, чтоб, переступив порог, упасть и заснуть. Он будет кричать на мать: мол, ты виновата, что мы до сих пор сидим в этой проклятой Сибири, в этом Шушенском, где мне и заработать негде. Разве так было в Лиепае? Там я работал грузчиком в порту, там мы жили не так, как тут... Если верить отцу, то там, в его родном краю, была не жизнь, а рай. А мать говорит, было не лучше, потому что и там отец все заработанное пропивал.

Положив в карман пару картошин и прихватив соли, Миня полез на печь. Зайца и валенки мать спрятала в мешок, поставила мешок за дверьми. Если отец станет цепляться, так она отнесет хозяйке. И сама посидит там, пока он не уснет. А Мине придется лежать молчком на печи да слушать ругань. Приходится терпеть, потому что не во что обуться. Нет, самый разнесчастный человек на свете тот, у кого нет сапог...

Но в этот день все шло не так, как всегда. Отец был в веселом, добром настроении. Войдя в избу, он заговорил с матерью таким голосом, словно ей подарок принес:

— Сиева, патикума вестс! [2]

— Какая там еще новость? — тихо спросила мать.

— Новых политиков везут!

— А чего это тебя радует? — немного погодя осторожно спросила мать. — Тебе от этого какая польза?

— Так это ж мои новые заказчики! Помнишь, как в прошлом году привезли Ульянова, Оскара и Проминского? Кто им валенки скатал? Я! И сам Проминский — а он шляпник, каких и в Варшаве мало! — сказал, что готов поучиться у меня, как валенки катать. Ну? Неужели тебе все равно, есть у меня работа или нет? Все равно, а? — раздраженно повторил отец. — А чей хлеб вы едите? С чьим сахаром чай пьете?

Мать молчала. Миня тоже не подавал голоса, хоть и не мог понять, почему это отец попрекает их. Ведь хлеба и сахара они давно не только не ели, но даже и не видели.

---

[1] Вей ветерок, гони лодку, неси меня в Курземе...

[1] Ах, боже мой!

[2] Жена, приятная новость!

— Может, привезут кого-нибудь из Лиепай? — спросила мать. Она знала: отец забывает обо всем, как только речь зайдет о родном городе.

— Нав. Патс Петербург[1].

— А кто такие?

— Две женщины. Одна — невеста того политика, что у Зыряновых живет.

— Ульянова?

— Его самого. А вторая — мать невесты. Заусайлов говорил, сама сюда едет, только бы вместе с дочкой быть. Вот тебе уже и две пары валенок. Та вай не?[2]

— Так... — вздохнула мать, соглашаясь с отцом, видимо, только затем, чтоб не раздражать его.

— Ну вот! — обрадовался отец. — Пойди теперь и одолжи у кого-нибудь под те валенки.

— Так, может, они только осенью закажут, — несмело возразила мать. — Да и кто мне даст, когда мы всем задолжали? Хозяйка вот уж три раза приходила, плату за квартиру требовала. Не заплатите, говорит, в волость потяну...

— Я ей потяну! Она у меня получит!

— Петерис! — сказала мать. — У нас тоже новость. Смотри, что Мине политик Ульянов дал.

— О-о, какой зайчище! — восторженно протянул отец. — А чего ради это он подарил?

— Так просто.

— Нет, сиева, это не просто так! — торжественно промолвил отец. — Это он увидел, как хорошо носятся те валенки, что я ему скатал, и решил сверх платы еще и зайца накинуть. Видишь, как ценят мою работу? В этом зайце добрых полпуда будет. А какая шкура! Ну, я сейчас возьмусь за него...

Миня так и не понял, пригласил ли отец Заусайлова или тот сам пришел, но не успела мать вытащить зайца из печи, как Заусайлов появился на пороге, придерживая саблю, которую он, верно, и, ложась спать, не снимал. Отец уже успел достать где-то водки — может, продал заячью шкуру? — и они засели пьянствовать...

Когда Заусайлов ушел, на столе осталась только кучка обгрызенных костей. У Мини так сжалось горло от обиды, будто там горячая картошина застряла и никак ее не проглотить. Уткнулся он носом в подушку и горько заплакал. Миня и раньше не любил грозного Заусайлова, а с этой минуты вовсе возненавидел его...

ПОЛИТИКОВ ПРИВЕЗЛИ

Солнце выпило воду из луж, ветерок подмел, подсушил тропинки и выпустил Миню со двора, где он сидел, как в тюрьме. Босиком, правда, еще холодно, ночью мороз крепчал и земля подмерзала. Да это уж не беда, по сухим дорожкам можно бегать и в валенках. И Миня с утра до вечера гонял по селу.

— Чего ты тут крутишься? — встретив его возле волостного правления, спросил Сосипатыч. — Уж не писем ли от кого ждешь?

— Нет, политиков ожидаю.

— Политиков? — удивился Сосипатыч. — Какие же у тебя с ними дела?

— Да просто хочу посмотреть, какие они.

— А, так ты ждешь тех, что приедут?

— Ага. А вы на охоту идете?

— На охоту. Может, и ты с нами пойдешь?

— У меня ружья нет...

Из волости вышел тот самый политик, что подарил Мине зайца, и, увидев его, весело сказал:

— А, это ты, дружок? Ну, здравствуй!

— Здравствуйте! — ответил Миня, немного смутившись.

— Ну, как заяц? Хорош был?

— А я... я его и не попробовал... — вздохнув, ответил Миня.

— Почему же?

— Его Заусайлов съел.

— Безобразие! — сердито сказал политик и, обернувшись к Сосипатычу, спросил: — Слышали, Иван Осипович?

— Слышал, Владимир Ильич, — ответил Сосипатыч. — Что ж поделаешь — начальство!

— Какое нахальство! Ну, не горюй, мальчик, — ласково промолвил политик, обняв Миню за плечи. — Мы это дело поправим. Мы с тобой еще настреляем и зайцев, и уток.

— Ну как, получили письмо? — улыбаясь, спросил Сосипатыч. — Когда же встречать будем?

— В том-то и беда, что и сегодня почта ничего не привезла. А пора бы. Прошлый год в это время я уже плыл на пароходе к Минусинску. Не могу даже понять, что случилось.

— Так оно, Владимир Ильич, год на год не приходится. Хотя, правду сказать, лед на Енисее прошел почти в ту же пору, что и в прошлом году.

---

[1] Нет, из самого Петербурга.

[2] Так или нет?

— Я думаю, не случилось ли чего с пароходом?

— Не приведи господь!

— Ну, не будем пугать себя страшными предположениями! — сказал политик. — Обождем еще часа два. Не приедут — значит, сегодня их уже не будет. Пойдем за утками. Согласны?

— Да.

— Так я жду вас, Иван Осипович! А ты, — обратился он к Мине, — приходи завтра за уткой. Понял?

— Понял...

— Ну и прекрасно! Так я жду вас, Иван Осипович!

— Приду непременно!

Политик быстро направился к избе Зыряновых, где он жил, а Миня увязался за Сосипатычем, им было по дороге. Сосипатыч всегда шел домой не улицей, а берегом реки. Но когда дошли до Шуши и Сосипатыч повернул на тропинку, Миня не остановился возле своей избы, а, придерживая длинные полы материнской кофты, посеменил за охотником. Да и как было отстать от Сосипатыча, если тот рассказывал про Перово озеро, куда они поедут с дядей политиком уток стрелять. Там их, говорил Сосипатыч, как воробьев на току. И если бы Миня был немного постарше, то он, Сосипатыч, и Миню, наверно, взял бы с собой в тайгу, где живут медведи, и олени, и белки, и соболи...

— А жар-птица там есть? — спросил Миня.

— Есть! — ответил Сосипатыч.

— А чего ж вы не убили ее?

— В нее, Минька, грех стрелять, — сказал Сосипатыч. — Ее можно только ловить.

— Так чего ж не поймали?

— Эх, Минька, — махнул рукой Сосипатыч, — где мне за жар-птицами гоняться! Не те у меня силы, не те ноги. Это уж ты, может, ее поймаешь?

— Поймаю! — уверенно сказал Миня. — Вы только покажите ее мне, а я — мигом...

— Покажу, покажу! Только ты, брат, расти поскорей!

Проводив Сосипатыча до его избы, Миня вернулся домой, быстренько поел картошки и — за ворота. Он боялся, что Сосипатыч пройдет без него к дяде политику. Когда Сосипатыч, в охотничьей одежде, появился на берегу Шуши, малец бросился ему навстречу.

У дома Зыряновых их уже ждал политик. Он позволил Мине проводить их за село.

— А что мне пришло в голову, Владимир Ильич... — начал Сосипатыч, оглянувшись назад.

— Знаю что! — засмеялся политик.

— Неужто угадали?

— Вы подумали: мы пойдем на охоту, а тут, может, мои приедут? Так?

— Да...

— Я тоже об этом подумал...

— Так, может, вернемся?

— Нет. Раз уж собрались — пойдем. Да и не верю я, чтоб они приехали, не предупредив. Хотя по всем моим расчетам им и пора бы уже прибыть. Видно, в дороге случилась непредвиденная задержка...

— Ну, дружок, — обратился дядя политик к Мине, — беги теперь домой и жди нас. Первая убитая утка будет твоей.

Несколько раз ходил Миня к дому Зыряновых, бегал даже за село, но охотники не возвращались. Уже наступили сумерки, а их нет и нет... И вдруг мимо церкви пролетела, заливаясь бубенчиками, тройка. Миня стремглав бросился за ней. Так и есть: остановилась у дома Зыряновых. С телеги слезли две женщины, молодая и пожилая. В тот же миг из дома выбежал сам Зырянов, тетка Екатерина и бабка. Все вместе начали что-то говорить, а потом подхватили узлы и корзины прибывших, понесли в избу.

— А где же Владимир Ильич? — растерянно спросила молодая женщина.

— Беда... — вздохнула бабка Зыряниха.

— Какая беда? — испугалась женщина. — Случилось что-нибудь?

— Да нет, — вступил в разговор Зырянов. — Все время он ждал, ждал вас, а сегодня взял да и пошел на охоту. Есть тут один человек, Сосипатыч, ему больше и делать нечего, кроме как по болотам шататься... Вот и сманил...

— И вовсе не сманил, — заступился Миня за Сосипатыча, — он сам пошел...

— А тебе что тут надо? Ну-ка, ступай отсюда! — прикрикнул на Миню Зырянов.

— Никуда я не пойду! Дядя политик велел обождать его, — огрызнулся Миня. — Он мне первую утку даст. Вот!

— Иди! Иди, тебе говорят!

— Зачем вы его так? — укоризненно сказала молодая женщина. — Мальчик, иди сюда! — и когда Миня робко подошел к ней, спросила: — Значит, тебе дядя Володя утку обещал?

— Ага! Он мне уже и зайца давал, да его Заусайлов съел.

— Ну, идем. Вместе ждать будем.

Миня победоносно глянул на хмурого Зырянова: что, не по-твоему, а по-моему вышло! Но в дом сразу не пошел. Потому что от

Зырянова, чего доброго, можно и подзатыльник схватить. Проводил Миня гостей до порога и вернулся к воротам. Ко двору Зыряновых, услышав, что привезли политиков — да еще женщин! — сходились бабы и девки.

Прибежала и Минина мать: ей тоже не терпелось поглядеть на новеньких... В селе уже жили трое политиков. И раньше, говорят, были. Да все мужчины. А женщин впервые привезли. Как же тут не пойти, не посмотреть на такое диво! Оказалось, приезжие — очень простые, приветливые люди. Они отвечали на все вопросы, сами расспрашивали обо всем. Рассказывали, как долго им пришлось добираться до Шушенского. Но как ни заняты они были разговорами, Миня видел, что гости все время поглядывают на дверь. Замечала эти взгляды и бабка Зыряниха, и как только все умолкали, твердила одно и то же:

— Ждал вас Владимир Ильич. Ох как ждал! На почту по нескольку раз на день ходил. И сон, и покой потерял. Ну, надо ж такому случиться, как раз сегодня на охоту пошел!.. Ну, да скоро они должны вернуться. Я же их еще и переспросила, ждать ли на ночь. Он говорит: непременно вернемся!

— А что, далеко это Перово озеро? — спросила молодая женщина.

— Да нет. Каких-то десять верст. Владимиру Ильичу час ходу. Он на ногу легкий. Мой Аполошка с ним несколько раз на охоту ходил, так, сказывал, шибко умаялся: никак не мог поспеть. И все-то Владимир Ильич делает быстро: и ест, и пишет, и ходит, и смеется. Любо смотреть...

Мать поманила Миню пальцем: идем, мол. Мине не хотелось идти, не дождавшись обещанной утки, но за окном было уже совсем темно. Пора спать. Ну да ничего: завтра он встанет пораньше и сразу же сюда.

А Я С ВАМИ

За уткой Мине идти не пришлось. Сосипатыч принес ее, когда он еще спал. Мать сварила суп с уткой, и Миня три раза присаживался есть. Съест мисочку, походит по двору и снова за стол. А когда и суп, и утка были съедены, он задумчиво сказал:

— Если б я был царем, то каждый день ел бы суп с уткой...

— Ак, ман деви... — вздохнула печально мать.

— Ишь, чего захотел, — сердито покосился на Миню отец. — Царем быть. А валенки катать не хочешь?

— Нет.

— Это почему же?

— Я пробовал водку — она очень противная.

— Дурак!

Миня привык к тому, что отец его ругает и за дело, и просто потому, что бывает сердит. А сердит он всегда, когда выпить не на что. Надо держаться от него подальше, так лучше будет. Миня боком, не сводя глаз с отца, пробрался к печке, спрятался за мать. Как только отец отвернется к сапожной колодке, он шмыгнет к двери. Но отец, будто разгадав его намерение, сердито спросил:

— Микелис, где ты?

— Здесь я! — отозвался Миня, выглядывая из-за материной юбки.

— Куда мешок с шерстью девал?

— Это я его на печь кинула, — сказала мать, орудуя в печи рогачом.

— Кипяток есть?

— Сейчас будет.

Отец будто ждал этого ответа. Он с бранью набросился на мать:

— Завтра из Ермаковского за валенками приедут, а ты поворачиваешься как мертвая. День на дворе, а у нее кипятку нет. Вот и работай, вот и живи...

— Дрова сырые, плохо горят.

— У других горят, а у тебя не горят. Надо было встать пораньше... с вечера в печь положить, чтоб просохли...

Отец ругается долго и нудно. Миня к этому привык, слушает спокойно. Только маму жаль. Она боится отца. У нее дрожит голос, дрожат руки. Нечаянно она опрокидывает чугун с кипятком, из печи вырывается клуб пара и пепла. В этом облаке скрываются и отец, и мать... Слышен только их крик. Снова будет то, что было вчера и позавчера, что повторяется изо дня в день. Отец бросит катать валенки, пойдет в кабак, а вечером вернется пьяный и будет всех ругать. Боясь, чтоб от отца не перепало и ему, Миня выскочил за дверь и побежал к Шуше. Шуша не раз спасала его: если отец гнался за ним, он бросался в воду и перебирался на ту сторону. Отец в сапогах не отваживался идти за ним. И на том берегу Шуши Миня чувствовал себя как за каменной стеной.

Выскочил Миня из ворот, глянул вдоль улицы и замер: дядя политик и та молодая женщина, что вчера приехала к Зыряновым, шли прямо к нему.

— Познакомься, Надя! — весело улыбаясь, сказал дядя политик, — это мой друг Миня.

— А мы еще вчера познакомились, — сказала она и, присев возле Мини, ласково обняла его за худенькие плечи. — Здравствуй, Миня!

— Здравствуйте! — смело ответил Миня, глядя прямо в глаза этой красивой доброй женщине.

— Почему же ты за уткой не пришел?

— А мне ее Сосипатыч принес. Я уже и суп съел.

— Охотник, страстный охотник будет! — смеясь, сказал политик. — Ну, приходи к нам в гости.

— А куда вы идете?

— Село вот хочу показать. А ты куда собрался?

— А я с вами! — не растерялся Миня.

— Вот и чудесно!

И они пошли по селу втроем. Осмотрели речку Шушу, потом берегом прошли до протока Енисея, в который впадает Шуша. И хотя Миня сотни раз ходил по этим местам и знал их, как свой двор, сейчас они показались ему какими-то новыми. Может, это потому, что гостья всем восхищалась, а мальчишки со всех дворов провожали Миню завистливыми взглядами. Дошли до Енисея и только тогда вернулись обратно. Миня ходил на Енисей купаться и хорошо знал, что туда далеко, а обратно еще дальше. Раньше он всегда удивлялся, почему это так, а тут вот и оглянуться не успел, как подошли к дому Зыряновых. Миня вздохнул: не хотелось ему расставаться с политиками. Они, видимо, тоже это заметили, так как тетя сразу взяла его за руку, сказала:

— Спасибо тебе, Миня, что показал нам село. А теперь идем к нам в гости.

Во сне Миня видел всякие чудеса. О чем мечтает, бывало, сидя на печи да прислушиваясь, как за окном воет вьюга, то и приснится. Сказку послушает — тоже во сне увидит: и жар-птицу, и коня златогривого, и серого волка. Утром долго не раскрывает глаз: так ему не хочется из красивого, светлого мира переноситься в этот, голодный. И сейчас будто во сне. Его раздели, умыли теплой водой — мыло было красное и пахучее, как конфета — причесали и посадили за стол. Борщ ели не из одной миски, как дома, а каждый из своей. А когда подали картошку с утятиной, то положили вилку и Мине. Он ее

Шушенское. Здесь жил Владимир Ильич Ленин

сроду еще в руках не держал, и бабушка Елизавета показала, как надо вилкой есть. Жаль только, что мальчишки не видят, как он обедает у политиков: они умерли бы от зависти. Он им, конечно, все расскажет, да ведь не поверят.

— Может, тебе, дитя мое, еще положить? — спрашивает ласково бабушка Елизавета.

— Чего ж, давайте, — степенно соглашается Миня и чистосердечно признается: — Ведь я никогда еще такого не ел. На одной картошке живем...

— Ой, горе! Так ты, дитя мое, чаще к нам приходи, не стесняйся.

— Может, и приду! — отвечает Миня, старательно обгрызая утиное крылышко. — Мне тут совсем близко...

— Вот и прекрасно! — весело смеется политик. — Ну, как, еще добавить?

— Нет, уже некуда, — с сожалением отдувается Миня. — Фу-у, на три дня наелся...

КТО ЖЕ ОНИ, ПОЛИТИКИ?

Самым хорошим человеком для отца был тот, кто угощал его в кабаке водкой, или, заказав валенки, хорошо платил за них. Когда привезли первых ссыльных, отец сказал матери, что от них надо держаться подальше. То же самое говорил и поп, потому что политики не верили в бога. Мать, как всегда, молчала. Но Миня видел, что она жалела политиков, как жалела всех обездоленных людей. Такое уж доброе у нее сердце: будь в доме всего пара картошин, все равно, не задумываясь, одну отдаст нищему. Потому что и сама всю жизнь прожила в нищете и знает, как это горько, когда видишь, что есть у людей хлеб, а тебе и крошки дать не хотят.

Но вот политик Ульянов заказал у отца валенки. Дал половину денег вперед, чего сроду никто не делал, и отец пришел к выводу, что политик очень хороший человек. Но это он говорил только дома, чтоб никто не слыхал. А на людях соглашался, что политики — опасные люди. Урядник Заусайлов, пропивая

Фото Г. Хорошайлова

заработанные отцом деньги, говорил, грозя скрюченным пальцем:

— Заруби себе, Кудум, на носу: политики — враги престола и отечества. Понял, а? Им только дай волю, так они всех нас перережут. Понял, а? Это они, политики, убили царя Александра Второго, что волю нам дал. И если они на государя императора, помазанника божьего, не побоялись руку поднять, так что же про нас, грешных, говорить? Нас они просто живьем съедят и не подавятся. Понял, а? И не посмотрят на то, что ты им валенки катал. Им человека погубить — все равно что муху убить. Понял, а?

Отец покачал головой, спросил:

— Что ж это получается, нельзя и заказов от них брать?

— Нельзя. Без моего разрешения нельзя, поскольку они отданы под мой надзор. Позволю я ему, скажем, Ульянову, пойти на охоту — пойдет. Скажу — сиди дома и не смей за ворота выходить, — и будет сидеть! Понял? Вот то-то же! Ну, наливай, как говорит батюшка, еще по единой...

— За ваше здоровье, господин урядник!..

— Пей! Да только смотри мне: держись подальше от этих политиков. И без моего на то разрешения никаких дел с ними не заводи. Понял?

— Понял, господин урядник!..

Когда Заусайлов уходил, отец начинал его бранить. Ругал на все корки: называл кровопийцей, гадиной, грозил, что подохнет, но и капли водки ему больше не поднесет. А злость срывал на матери или на Мине. И в сердце Мини все больше росла ненависть к этому толстомордому усатому уряднику. Куда ни ткнется Миня — всюду только и слышен его хриплый, лающий голос. Мужики, увидев Заусайлова, еще издали снимали шапки, бабы останавливались, кланялись. Одни только политики не боялись его. Поздороваются, как со всяким в селе, и идут своей дорогой, совсем не заботясь, что уряднику это не нравится. Миня злорадствовал: ага! не все тебя боятся! И ему тоже хотелось быть политиком — хотя бы ради того, чтобы не снимать шапки перед этим ненавистным Заусайловым.

Около самого дома Зыряновых Миня встретил политика Оскара. Дядю Оскара Миня знал: отец называл его земляком, товарищем по несчастью. Оскар — финн, а отец — латыш. Царь не любит латышей и финнов, говорит отец, поэтому им и нужно держаться вместе.

— Ты куда? — спросил Оскар Миню.

— К дяде Володе.

— Ну, пойдем вместе. Увидишь, какой подарок я им несу!

И когда вошли в избу, Оскар, положив на стол два красивых кольца, сказал смущенно:

— Это вам, Надежда Константиновна, и вам, Владимир Ильич. Извините, что медные, а не золотые... но... — Оскар развел руками, золота, мол, нет.

— Чу́дные кольца! — с искренним восхищением воскликнула тетя Надя. — Правда, Володя? И горят, как золотые!

— Да, кольца прекрасные! — согласился дядя Володя. — Нам, Оскар Александрович, поставили трагикомическое условие: если немедленно не поженимся, так Надежду Константиновну отправят по этапу в Уфу, где ей высочайшим повелением назначено отбывать ссылку. А поп не хочет венчать без колец. Я вам, Оскар Александрович, очень благодарен...

О каждой свадьбе в селе всегда было много разговоров: кто жених, кто невеста, какое приданое... А в церковь, поглядеть на венчание, приходило столько народу, что и не протолкнуться. Миня как-то раз тоже пошел, так его чуть не задавили. Больше он и не отваживался лезть в церковь, а стоял на площади, ждал, пока молодые выйдут да сядут в брички. И с завистью думал, когда же это он вырастет и полетит по селу на такой же бричке.

Свадьбу дяди Володи и тети Нади Миня ждал с нетерпением: может, удастся возле них примоститься? И мать собиралась пойти поглядеть — ведь до сих пор в селе не женился ни один политик...

Интересно посмотреть, как это батюшка будет венчать безбожников? Такого дива шушенцы сроду не видывали. И с той минуты, как Заусайлов объявил, что политикам приказано немедленно повенчаться, в селе только и было разговоров что об этой свадьбе. Но случилось как-то так, что все, даже самые шустрые молодки, прозевали.

Да и как было уследить, если молодые шли на венчание разными улицами и в разное время. Один из шушенцев, что был в церкви, говорил: такого скорого венчания еще не видел. Молодые дали только кольца себе на пальцы надеть, а от всего остального отказались. Батюшка вздохнул, но возражать не стал. Так они и повенчались. И не боятся ведь, что бог за такое покарает, что добра и счастья в их жизни не будет... Одним словом, политики...

А Миня, услышав, каким было венчание, не пожалел, что и прозевал: если катанья на тройках не было, значит, он ничего не потерял. Зато Заусайлов теперь не посмеет отправить тетю Надю в какую-то там Уфу. Дудки! Теперь тетя Надя будет жить здесь. А Миня — ходить к ней в гости.

ПОДСНЕЖНИКИ

Мучило Миню то, что он не мог ничего подарить тете Наде и дяде Володе. Но как-то пришел к ним в гости, в избе были только тетя Надя и бабушка Елизавета. Дядя Володя пошел к Сосипатычу договориться о поездке на охоту. Миню, как всегда, накормили, напоили, расспросили, где он был, что делал? А тут и дядя Володя вернулся. Быстро вбежал в комнату и протянул тете Наде букет подснежников.

— Тебе нарвал, моя милая!

— Какие прелестные! — воскликнула тетя Надя и бережно взяла цветы. — Спасибо, Володя!

— А знаешь, как называются эти цветы? — спросил дядя Володя. —Ну, скажи?

— Что-то будто и знакомые и незнакомые...

— Подснежники!

— Такие большие?

— Сибирские, Надя! — улыбаясь, сказал дядя Володя. — Тут, как ты уже заметила, все своеобразное.

Тетя Надя поставила цветы в стакан с водой. Миня такие цветы встречал, но он не знал, что они называются подснежники, никогда не рвал их и не видел, чтобы кто-нибудь ставил их в стаканы с водой. Тетя Надя смотрела на них, как-то особенно улыбаясь, будто они были невесть какими ценными. Миня тут же решил: он тоже нарвет и принесет подснежников. Он ей каждый день будет носить такие цветы, их ведь много растет по берегам Шуши.

Вернувшись домой, Миня схватил кружку и побежал к реке. Набрал воды в кружку, поставил ее на камень и начал собирать цветы. Их было не так уж и много, как ему казалось. Тут выглядывал цветок из-под прошлогоднего листка, там из-под засохшего ила, там — из-под черного голыша.

— Так вот вы какие! Прячетесь от меня! — говорил Миня. — Не хотите, чтоб я вас тете Наде подарил...

Осторожно сорвав цветок — стебельки у них были ломкие и почти прозрачные, будто изо льда выточены,—он осторожно нес его к кружке. Много цветов нарвал. У него уже больше, чем у дяди Володи было. Можно нести. Миня накрыл букет своим рваным картузом — чтоб мальчишки не допытывались: зачем несешь, кому? — и помчался к избе Зыряновых, не обращая внимания на то, что холодная вода из кружки плещет ему прямо за пазуху.

Только Миня подбежал к избе Зыряновых, как навстречу ему, сердито грохнув калиткой, вышел Заусайлов. Миня хотел прошмыгнуть мимо, но Заусайлов схватил его за ворот и так гаркнул, что у Мини и ноги подкосились:

— Ты куда?!

Миня видел, как перед его носом болталась сабля грозного Заусайлова, и с перепугу сло́ва не мог вымолвить. А Заусайлов, присев возле него, дохнул на Миню перегаром сивухи и потянулся рукой к кружке:

— А это что такое?

— Не трогайте! — крикнул Миня, которому злость придала храбрости. — Это не вам!

— Как ты разговариваешь со мной, гаденыш! — грозно вытаращился Заусайлов. — Немедленно показывай, что несешь!

Заусайлов так больно́ скрутил ухо Мини, что тот подскочил, как подстреленный заяц, и невзначай облил своего мучителя водой.

— Так ты, стервец, вот как!.. — еще сильнее сжав ухо Мини, прорычал Заусайлов. — Водой меня обливать, при исполнении служебных обязанностей?

Воспользовавшись тем, что Заусайлов, стряхивая воду с полы мундира, отпустил ухо, Миня рванулся и проскочил в калитку. Заусайлов кинулся за ним, но, на Минино счастье, на крыльцо вышла бабушка Елизавета.

— Господин Заусайлов, что вам нужно? — холодно и сурово спросила бабушка Елизавета.

— Подайте сюда этого негодяя! — грозно приказал Заусайлов.

Но бабушка Елизавета не испугалась его. Она спокойно объяснила Заусайлову: Миня пришел потому, что его пригласили. А о том, кого им приглашать к себе, они у него, Заусайлова, спрашивать не обязаны. Наверно, услышав крик на дворе, из дому вышли дядя Володя и тетя Надя. Заусайлов, увидев их, что-то сердито пробормотал и ушел. Миня стоял ни жив ни мертв: что ж ему будет? Ведь это он навлек на политиков такой гнев Заусайлова.

— Ты, что ж, Миня, кипятком его ошпарил? — спросил дядя Володя.

— Нет, водою...

— Ну, идем, расскажешь, из-за чего у вас переполох получился.

Поняв, что ему ничего не будет, Миня облегченно вздохнул и, когда вошли в комнату, протянул кружку с цветами тете Наде, сказав так, как сказал ей дядя Володя, когда отдавал подснежники:

— Это тебе, моя милая!

— Миня! Мальчик мой славный! — растроганно воскликнула тетя Надя, беря цветы. — Дай я тебя поцелую...

— Гм... А меня не целовала, — с нарочитой

обидой сказал дядя Володя, и все весело засмеялись.

Чудны́е эти политики, непостижимые люди. Все делают не так, как отец и мать. Никогда не сердятся, не ссорятся. Дядя Володя постоянно занят. Все-то он пишет и пишет... И тогда все разговаривают тихо, ходят осторожно, чтоб не мешать ему. В комнатах будто никого и нет. Даже Дженни лежит на своем половичке и только глазами моргает, хвостом боится пошевелить. Но как только дядя Володя откладывал ручку в сторону, комната вмиг оживала. Век бы Миня тут жил и домой не возвращался. Но нельзя: надо идти, потому что за окном уже совсем темно, тетя Надя зажгла лампу, и в комнате все стало зеленым. Такой лампы, такого света ни у кого в селе нет.

— Я пошел... — грустно говорит Миня. — Мать уже, наверно, ищет меня...

— Иди, иди, Миня, — говорит бабушка Елизавета. — Доброй ночи тебе.

РАЗВЕ У ВАС ТОЖЕ ЕСТЬ МАМА?

Почту привозили два раза в неделю. Миня хорошо знал эти дни. С утра он начинал сновать от дома к волостному правлению и, заслыша бубенцы почтовой тройки, бежал сказать об этом Владимиру Ильичу. Он знал, что все с нетерпением ждут почту: и Владимир Ильич, и тетя Надя, и бабушка Елизавета, а потому, нарушая все правила, кричал еще от ворот, не боясь выговора за то, что мешает работать:

— Почта! Почту привезли!

Потом Миня летел к волости. Вертелся там на крыльце, пока почтарь со своей обшарпанной сумкой не выходил из избы. Владимиру Ильичу приходило писем, книг и газет больше, чем всем, поэтому почтарь шел сначала к

нему. Миня полдороги плелся за ним, а потом вырывался вперед, чтобы первым вбежать в избу. Переступив порог, Миня кричал, будто скликая на пожар:

— Почтарь! Почтарь!

Все оставляли свою работу и спешили к почтальону. Почту носил молодой, но очень ленивый парень. То он квитанцию забывал принести, то газета пропадала, то письмо где-нибудь терял. Все это очень сердило Владимира Ильича. А почтарь, разинув рот, смотрел тупо и повторял:

— В следующий раз все будет доставлено...

Как только почтальон уходил, Владимир Ильич откладывал газеты в сторону, начинал просматривать письма. А некоторые читал вслух. Из этих писем Миня узнал, что у Владимира Ильича есть мама, брат Митя, сестры Аня и Маняша. И еще какой-то Марк, который все время ездит куда-то с сестрой Аней. Ну, то, что у Владимира Ильича имеются брат и сестры, Миня понимал. У него тоже было тринадцать братьев и сестер. Но то, что у Владимира Ильича, у такого большого, — да еще политика! — есть мама, Миню удивило. Он отважился и как-то спросил:

— А разве у вас тоже есть мама?

— Есть, Миня! И даже сюда собирается вот приехать.

— А разве она тоже политик?

— Почти! — усмехнулся Владимир Ильич.

— А отец? — не отставал Миня.

— Он умер.

— И он вас тоже ремнем стегал?

— Нет, не случалось.

Прежде всего Владимир Ильич, как всегда, прочитал письма и сообщил:

— Мама все-таки приедет! Пишет, что была бы уже с нами, если б не арестовали Митю. А теперь надо ходить на свидания с Митей, носить передачи: в тюрьме очень плохо кормят. Митя похудел, появилась какая-то одутловатость... Вот уж мне эти врачи... Большей частью только рассуждать умеют о гигиене. Я по крайней мере по своему опыту скажу, что с большим удовольствием и пользой занимался каждый день на сон грядущий гимнастикой. Разомнешься, бывало, так, что согреешься даже в самые сильные холода, когда камера выстыла вся, и спишь после того куда лучше.

— Так вы в тюрьме сидели? — удивленно округлил глаза Миня.

— Сидел, Миня.

— И долго?

— Да больше года.

— Ого! И очень страшно в тюрьме?

— А зачем тебе это знать?

— Потому что я тоже хочу... политиком стать...

— Вот оно что! Значит, политиком хочешь быть, а в тюрьме сидеть не желаешь?

— Нет, почему же? Если вы сидели, то и я посижу.

— Вот это другое дело... И все же, Елизавета Васильевна, мне кажется, что Митю скоро освободят. И тогда маме можно будет собираться в дорогу. Ведь высокая вода в Енисее пока держится. Даже, как вы сами видели, снова прибывает. Такая страшная жара — наверно, тают снега в горах и тайге. Нужно только узнать, имеется ли расписание пароходов?

— Все это так, — соглашается бабушка Елизавета, — но я вот чего боюсь: не чересчур ли она утомится в дороге...

— Если мама поедет во втором классе, то я думаю, это не очень утомит ее.

— Это вам так. А у нее уже годы не те. Я и до сих пор не могу спокойно вспомнить наше двухнедельное путешествие в вагоне. А нужно еще и на пароход пересаживаться... И там помучиться...

— Ну, пароход от Красноярска до Минусинска идет всего два дня. Иногда, правда, больше. Но задержки, как мне говорили, случаются не часто.

— А от Минусинска еще добрых полсотни верст.

— О, там уж я ее встречу. А если меня исправник не отпустит, то кто-нибудь из наших. Да и отсюда можно послать лошадей. Иван Осипович сам набивался ехать встречать...

— И я с ним! — вызвался Миня.

— Вот видите! — засмеялся Владимир Ильич. — Свет не без добрых людей.

Но приходили посылки, книги, а мама Владимира Ильича все не приезжала. И не приезжала потому, что, как говорила Мине бабушка Елизавета, брата Владимира Ильича, Митю, никак не выпускали из тюрьмы. Бабушка сказала, что не только Владимир Ильич сидел в тюрьме, но и тетя Надя.

— А за что царь политиков в тюрьму сажает?

— За то, Миня, что они хотят всем людям добра, — отвечала бабушка Елизавета. — Понял?

Миня кивал головой, хоть и не мог понять: как же можно наказывать людей за то, что они всем добра желают? Ведь если он, Миня, делает что-то хорошее, его не наказывают. Нет, надо будет об этом спросить еще Владимира Ильича. Бабушка Елизавета, наверно, все перепутала. С ней это случается. Было ведь так, что она суп два раза посолила и никто не мог его есть.

ЧТО ВЫ ПИШЕТЕ?

— А вот и я! — вместо «здравствуйте» сказал Миня, заходя на кухню.

— Очень хорошо, — ответил Мине дядя Володя. — Но спишь ты, дружок, долго. Мы уже с тетей Надей ходили к Енисею, выкупались, а ты только встал. Ну, как, Елизавета Васильевна, кто кого пересиливает: вы печь или она вас?

— Ох, никогда не думала, что орудовать рогачами — такое сложное дело, — вытирая пот с лица, ответила Елизавета Васильевна, — два раза уже пролила из горшка воду, поэтому и дрова никак не горят...

— А ну, дай, мама, я попробую! — попросила тетя Надя.

— Боюсь, что ты все тут перевернешь.

— Я осторожно...

— Ну, попробуй, попробуй! — подавая рогач тете Наде, сказала бабушка Елизавета.

Тетя Надя подцепила рогачом горшок и, приподняв его, потихонечку потащила из печи. Миня, затаив дыхание, следил за горшком. И вдруг тот — бряк! — встал вверх дном. А с печи к ногам тети Нади посыпались клецки. Все смущенно переглянулись.

— Вот и позавтракали... — сокрушенно вздохнула бабушка Елизавета.

А дядя Володя, как всегда, не пал духом. Он сказал:

— Для начала и это не плохо. Ведь горшок не просто опрокинулся, а сделал сначала этакий пируэт...

И все весело рассмеялись. Дженни подошла к клецкам, лизнула их и попятилась: больно горячи. Ну, ничего, остынут, будет ей добрый завтрак.

Тетя Надя и бабушка Елизавета начали делать новые клецки, а дядя Володя пошел в свою комнату и, став за конторку, начал что-то быстро писать. Миня давно хотел его спросить, что он там пишет? Да не отваживался. А в этот раз не вытерпел и, выждав, когда дядя Володя положил ручку и начал искать какую-то книгу на полке, спросил:

— А что вы пишете?

— Книгу.

— Большую?

— Пока что ей конца не видать... — вздохнул Владимир Ильич.

— Ого! — восторженно воскликнул Миня. — Вот будет книга, прямо до неба?

— Почти, — улыбнулся дядя Володя. — Ну, как там новые клецки?

— А вот я пойду узнаю...

— Сходи, сходи, — сказал дядя Володя, думая уже о чем-то своем, и Миня, увидев, что он снова стал быстро писать, тихонько вышел из комнаты. Хотя ему никто этого не говорил, он знал: мешать нельзя.

— Вот что, Миня, — сказала вечером мать. — Политика нашего нельзя звать дядей.

— А как же его звать? — удивился Миня.

— Величай его Владимир Ильич.

— А почему?

— Потому что все политики его так величают. И сам он, видишь, даже меня по батюшке величает, потому что он человек благородный, ученый.

Миня и сам замечал, что дядя Володя всех величает по батюшке. Даже Сосипатыча зовет Иваном Осиповичем, хотя в селе никто и никогда не обращался к нему так. Сосипатыч — и все. Миня до сих пор даже и не знал, что тот не только Сосипатыч, а еще и Иван Осипович. И этого бы никто, может, не знал, если б не дядя Володя. За глаза дядю Володю, правда, тоже не зовут Владимиром Ильичом, а «политиком Ульяновым». А то, бывает, еще назовут «адвокат Ульянов». Что такое адвокат, Миня понять не мог. Но из того, как все уважительно выговаривали это «адвокат», Миня чувствовал: это что-то очень важное. Не раз он слышал, как отец говорил мужикам и бабам, что приходили из окрестных сел:

— Если политик Ульянов напишет прошение, можете быть уверены — дело выиграно...

— Как же к нему подступиться?

— Очень просто: заходите и рассказывайте.

— А сколько же он берет за прошение?

— О плате и не поминайте! — наставлял отец. — Сердится, когда ему деньги суют.

— Так, может, он чем другим плату берет?

— Нет, нет, об этом и слушать не хочет.

— Да как же так?

— А вот так... — разводит руками отец. — Ничего не берет и все.

— А другие ж берут. Да еще как берут! Перо в чернильницу не обмакнет, анафемская душа, пока рубля не дашь. Я сам вот лет семь хожу по судам со своим горем, так насмотрелся и натерпелся.

Если крестьянин был отцу знаком, — а он многим катал валенки и у него всюду были приятели, — то отец, случалось, провожал его к Ульянову. Дядя Володя долго, терпеливо и очень внимательно выслушивал крестьянина, по нескольку раз переспрашивал. А если крестьянин приносил какой-нибудь документ — потрепанную, засаленную бумажку, — то дядя Володя, прочитав ее, сразу же говорил, что

надо делать. Но сам не писал прошение, а только диктовал крестьянину, если тот умел писать. А если крестьянин не умел писать, тогда звали бывшего писаря Журавлева или еще кого-нибудь. Крестьянин, взяв эту бумажку, начинал низко кланяться, будто перед ним был не политик, а сам грозный исправник, который иногда приезжал в село на своей вороной тройке. Но дядя Володя говорил, что все это пустяки, не стоит благодарности. Желал успеха и провожал до дверей. Ну, а когда уж крестьянину выпадало счастье, то он обязательно заезжал к Мининому отцу, и они пили за здоровье дяди Володи. Отец чувствовал себя героем, и если его послушать, то получалось, что без него ничего не вышло бы. Как выпьет отец, так всегда хвастается: и то он сделает, и другое, а проспится—все позабудет.

Когда Миня родился, отец и мать приехали сюда. И он никогда не видел, какое оно, это Дзинтарас юра — Янтарное море. Мать берегла крупицу янтаря, похожего на каплю меда, пронизанного солнцем. И сколько Миня ни просил у нее этот янтарь, она не отдала ему.

— Если потеряем, так уж никогда не вернемся домой, — с затаенным страхом говорила она, пряча свой талисман. — Это мне моя мать, твоя вецмаминя, дала. Береги, говорила, пока не вернешься.

— А море — больше Шуши?

— Ох, Миня! — вздохнула мать, вытирая слезы. — Да таких тысячу речек слить, и то мало будет. Ак, ман деви! Не дай мне хоть умереть здесь.

Миня жалел мать. Но его самого никуда не тянуло из села Шушенского. Если он о чем и мечтал, то только о сапогах. А море ему ни к чему: ему хватит и речки Шуши. В ней Мине как раз хорошо купаться. Где брод — ему всего по пояс, подальше — с головой, но он туда не ходит. Мине кажется, что в целом свете нет лучше этой маленькой, чистой, как слеза, речки Шуши...

НАШЕСТВИЕ ИНОПЛЕМЕННИКОВ

У ворот зазвенели бубенчики. Кто ж это приехал? Миня мигом выбежал на улицу. Дженни — за ним. Возле избы остановилась телега. На ней, кроме ямщика, сидели две женщины и двое мужчин.

— Эй, мальчик! — крикнул ямщик. — Где тут вдова Петрова живет?

— Здесь!

— Политики у вас квартируют?

Но Миня не успел ответить, как из ворот уже выскочили тетя Надя и Владимир Ильич, а за ними и бабушка Елизавета. Они кинулись обниматься с приезжими, и Миня понял, что это те самые политики, которых уже давно ждали в гости. Только проводили гостей в комнаты, как подъехала вторая телега, а за ней — третья. Людей набилось — полна изба. Стало шумно и весело, как никогда. Миня не знал, на кого смотреть, кого слушать. Все были приветливы и ласковы с ним. И только после того как напились чаю и один из прибывших — звали его Базиль [1] — открыл ящичек с невиданными игрушками, Миня нашел свое место. Он встал у стола и, не сводя глаз, смотрел, как Владимир Ильич и дядя Базиль передвигали эти красивые игрушки. Вот бы ему таких коней! О, да тут есть и король, и королева, и слон, и какая-то тура, и пешки. Правда, будто в сказке.

Вот Владимир Ильич переставил коня, сказал грозно:

— Шах!

— А может, мат? — спросил дядя Глеб [2]. Он, как и Миня, следил за игрой.

Дядю Глеба Миня хорошо знает: он приезжал к Владимиру Ильичу, когда тот еще у Зыряновых жил. Он добрый, веселый.

— Нет, — отвечает Владимир Ильич, — есть выход, но положение явно матовое.

— Да погодите, Владимир Ильич, потерпите, — просит дядя Базиль.

— Пожалуйста! — отвечает Владимир Ильич, откидываясь на спинку стула. — Думайте. Может, найдете правильный ход...

— Сдавайте партию, милостивый государь, не продолжая игры, — советует дядя Глеб.

— Глеб, помолчи немного! Положение не такое уж безвыходное, как тебе кажется.

— Положения никакого нет, партия проиграна, — говорит дядя Глеб. — И продолжать игру, значит, только время тратить. Так ведь, Владимир Ильич?

— Это Базиль сам решит. Я вижу у него всего два хода.

— Да будет вам! — сердится Базиль.

— Так делайте ход, батенька!

— Сейчас, сейчас сделаю ход...

Но дядя Базиль только говорил «сейчас сделаю ход», а сам все сидел и думал. Наконец махнул рукой и встал:

— Весьма жаль, но придется сложить оружие...

— А что я тебе говорил? — спросил, посмеиваясь, дядя Глеб.

— Ничего, ничего, посмотрим, как ты выиграешь!

Приезжие по очереди сменяли друг друга, а Владимир Ильич все сидел на своем месте и, не торопясь, переставлял фигуры (так он называл те игрушки). Миня радовался: у Владимира Ильича никто не мог выиграть! Вот хорошо! А как все переживают! Как хвалятся, что выиграют! Эх, куда им!

Женщины сначала разговаривали в комнате бабушки Елизаветы о чем-то своем. Но вот и они подошли к столу и внимательно следят за игрой. Тетя Надя улыбнулась и говорит:

— Володя! Имей же совесть! Люди приехали в гости, а ты обыгрываешь их...

— Да, пожалуй, хватит! — вставая из-за стола, сказал Владимир Ильич.

...Только все оделись, вышли на улицу, а тут и почтарь. Наверно, по своему обыкновению, забыл что-нибудь вчера отдать — вот и несет сегодня. Но почтарь принес телеграмму. Владимир Ильич прочитал ее и радостно воскликнул:

— Друзья! Брат Митя на воле!

Все бросились поздравлять Владимира Ильича: пожимали ему руку, обнимали. А дядя Глеб даже поднял его и покружил. Миня подскочил к дяде Глебу:

— А меня?

Ну, дядя Глеб покружил и его, да так, что все село завертелось. А когда Миня стал на ноги, его даже зашатало, будто он стоял не на земле, а в лодке, которую подбрасывали волны. Хорошо, когда приезжают гости. Жаль только, что это бывает не часто...

---

[1] Базиль — Старков В. В., отбывал ссылку по делу петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» недалеко от села Шушенского.

[2] Глеб — Кржижановский Г. М. — соратник В. И. Ленина, один из основателей петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Отбывал ссылку в Минусинском округе.

Продолжение следует

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

РАССКАЗ

Ю. Коваль

Рисунки М. Беломлинского

Особое задание?

Да что же это за такое особое задание?

Наверно, задание как задание, а особым названо только для красоты.

Чего в нем такого особого, в задании-то в этом? Уж, наверное — ничего.

Так это или иначе, а только однажды вечером...

Глава первая,
В КОТОРОЙ ПОЯВЛЯЕТСЯ ГАЛОША

...А только однажды вечером я очутился высоко в горах, на пограничной заставе. Конечно, я приехал сюда не просто так. У меня было задание написать рассказ про пограничников. Но только в этом задании ничего особого нет. Вот я пишу рассказ — что ж тут особого?

И вот я приехал на пограничную заставу. Голые горные вершины окружали меня, а на склоне горы, среди корявых красных камней, стояло несколько домиков. Это и была застава.

Меня встретил начальник заставы капитан Воронцов и отвел в один из домиков, чтоб я мог отдохнуть и побриться с дороги.

— Отдыхайте и брейтесь, — сказал капитан. — А я скоро приду.

Я стал отдыхать и бриться, и, наверное, прошел целый час, а капитан все не приходил.

«Странное дело, — думал я. — Может быть, что-нибудь случилось?»

Вдруг в дверь кто-то постучал.

— Кто там? — спросил я.

— Мне неудобно... — послышалось за дверью.

— Как неудобно? — удивился я.

— Мне неудобно из-за двери фамилию называть, — сказали из-за двери.

Я глянул в зеркало и увидел свою совершенно обалдевшую от таких ответов физиономию.

Дверь между тем скрипнула, и как-то особенно скрипнула, даже вроде фыркнула — фрррр — и в комнату вошел солдат. На голове у него был поварской колпак.

— Здравствуйте, — сказал он. — Моя фамилия Галоша.

Он вдруг снял с головы колпак и подбросил его вверх, да так ловко, что колпак наделся прямо ему на макушку.

— Гм... — сказал я. — Как же пишется ваша фамилия: Га-лоша или Ка-лоша?

— Га-лоша, — сказал Галоша.

— Очень приятно. Чем могу служить?

— Я слышал, что вы пишете рассказ о пограничниках?

— Пишу.

— Так я расскажу вам сейчас одну историю, а вы пишите потом рассказ.

Эти слова меня здорово удивили. Я повнимательней поглядел на Галошу и увидел, что лицо у него самое обычное: нос, брови, глаза. Да, но при чем же здесь рассказ?

— При чем здесь рассказ? — спросил я. — О чем рассказ?

— Дело в том, что я повар, — быстро сказал Галоша. — Понимаете?

Он снял колпак и покрутил его в руках. Я заглянул внутрь колпака. Там, понятно, ничего не было. Я собрался с мыслями и сказал:

— Закуривайте, товарищ Галоша.

— Что вы! Что вы! — крикнул Галоша. — ПОТАП УНЮХАЕТ!!!

— Какой Потап? — удивился я. — Какой такой Потап? Что вы ваньку валяете?

— При чем здесь Ванька? — удивился теперь Галоша. — Ванька домой уехал!

Это сообщение меня совсем доканало. Я уже ничего не понимал и вытаращился на Галошу, как сыч на сову. Тогда Галоша подбросил вверх свой колпак, да так ловко, что колпак наделся прямо ему на макушку.

— Итак, — сказал Галоша...

Глава вторая,

В КОТОРОЙ ГАЛОША ИСЧЕЗАЕТ

— Итак, — сказал Галоша, — всю жизнь я мечтал быть поваром. Мне хотелось готовить супы, салаты, фрикадельки и морковные соуса! Не подумайте, что я обжора. Это — мое искусство. Вы сочиняете рассказы, а я сочиняю морковные соуса.

— Понятно, — сказал я. — Понятно. А кто такой Потап?

Галоша не ответил.

— Да, — вздохнул он. — Всю жизнь я мечтал быть поваром — и моя мечта сбылась. Когда я приехал на заставу, всех пограничников построили и капитан спросил:

— Есть ли среди вас настоящий повар?

— Есть! — крикнул я и шагнул вперед.

Такой ответ понравился командиру. Он сказал мне:

— Молодец!

Так я стал поваром на заставе. Живем мы, сами видите, в горах. Служить здесь трудно, и есть хочется ужасно. Но я варил такие супы! Строил такие котлеты! И все были мной довольны, и я тоже был доволен, потому что сбылась моя мечта.

Был я доволен месяц, был я доволен другой, а потом я перестал быть доволен.

Как-то раз готовлю я суп-пюре из тыквы, а сам думаю:

«Что же это такое? Все пограничники как пограничники, а я — повар. Они медали то и дело получают, а я поварешкой размахиваю. Повар и повар, да еще по фамилии Галоша. Обидно».

Вот как-то я дождался, пока капитан пообедает, и подошел к нему:

— Товарищ капитан! Разрешите обратиться!

И обратился. Так, мол, и так, поваром быть отказываюсь. Желаю принести пользу родине, охраняя государственную границу.

— Голубчик Галоша, — сказал мне капитан. — Не валяйте дурака. Повар — важная фигура в пограничном деле.

Вот как мне ответил капитан. Что называется — отбрил.

Галоша замолчал и грустно покачал головой. А я посмотрел ему в глаза и увидел в них большую печаль.

— Товарищ Галоша, — сказал я. — А все-таки, кто такой Потап?

Но не успел я задать этот вопрос, как где-то за окном грохнул выстрел! И Галоша тут же ударил себя по лбу.

— Ах я растяпа! — крикнул он. — У меня же соус подгорел!

Он вылетел из комнаты, хлопнув дверью, и крикнул напоследок:

— Прощай, морковный соус!

Глава третья,

В КОТОРОЙ ПОТАП НИКОГО НЕ ПРИЗНАЕТ

— Прощай, морковный соус? — удивился я. — Какой морковный соус? Это он меня, что ли, морковным соусом назвал? Ну, нет, с Галошей с этим каши не сваришь. Во-первых, неясно, кто такой Потап, а во-вторых, что это за выстрел, который раздался за окном?

Я вышел на крыльцо, чтобы узнать, откуда донесся выстрел.

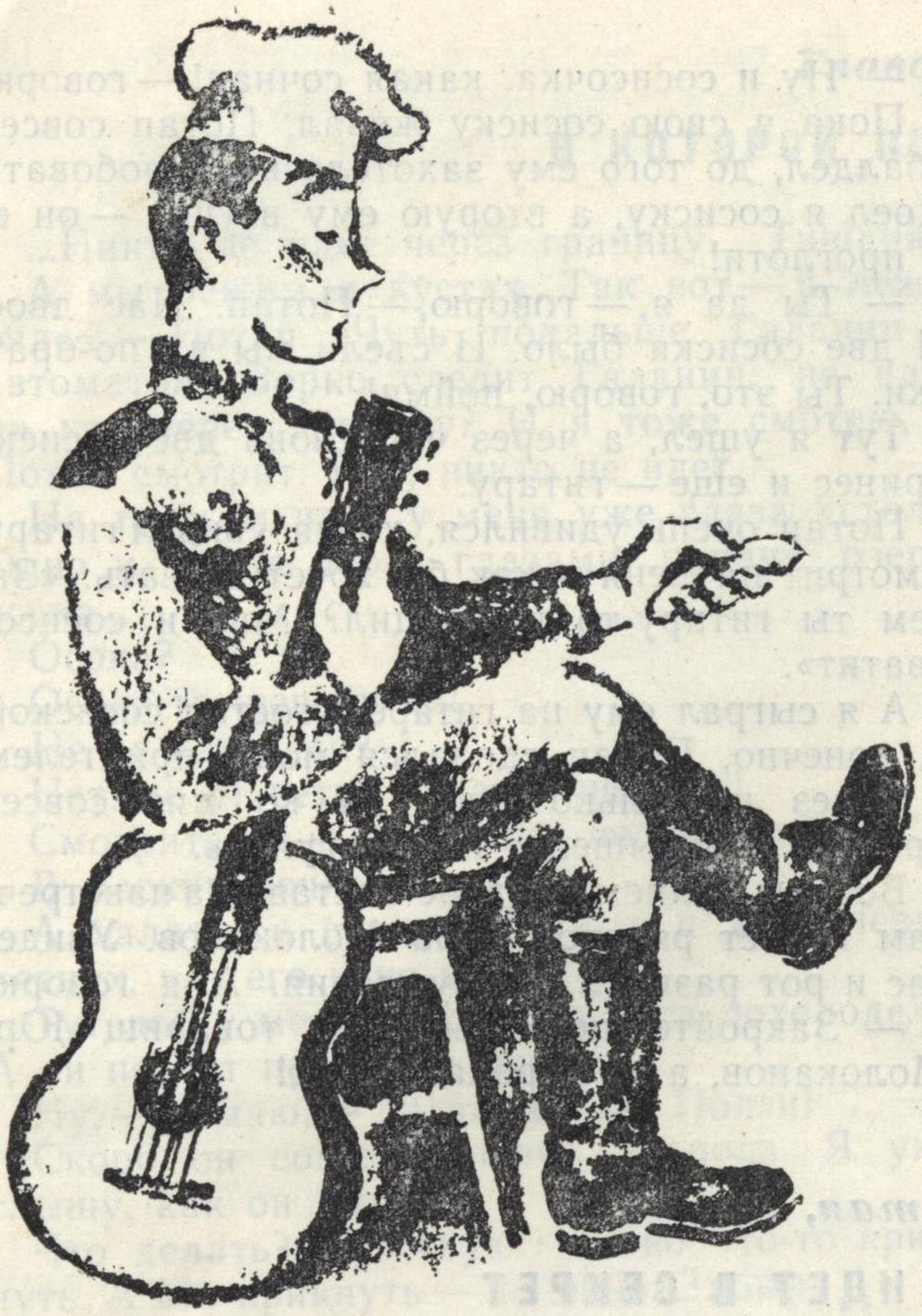
На улице был уже вечер. Горы потемнели. В небе гуляли темные полосы. Во дворе заставы не видно было ни одного пограничника. Только стоял пустой зеленый автомобиль.

«Эк ведь куда меня занесло, — думал я. — Вон там, за этой горой — чужая земля. Здесь наша, а там — чужая. Удивительно».

Я присел на ступеньку и задумался, разглядывая вечерние горы. Густые тени лежали уже в ущельях, а скалы, казалось, чуть шевелились, чуть шевелились в сумерках. Постой-ка, что это на скале? Человек? Или померещилось?

— Э-хе-хе, — услышал вдруг я, — соус-то мой подгорел.

— Галоша! Это вы?

— Так точно.

Галоша присел рядом со мной на ступеньку, а я все разглядывал скалы, но не видел никакого там человека. Померещилось, значит.

— Закуривайте, — сказал я Галоше.

— Не могу, не могу, — сказал Галоша. — Потап унюхает!

— Тьфу ты! Совсем забыл про вашего Потапа.

Галоша помолчал немного, а потом снял с головы колпак и подбросил его вверх, да так ловко, что колпак наделся прямо ему на макушку.

— Ну вот, — сказал Галоша, — на границу командир меня не пустил, и я оставался по-прежнему поваром. И вдруг мне подвезло! Да! Мне подвезло, потому что уехал домой Ваня Фролов. Он уехал домой, а Потап остался беспризорным. Фролов-то был инструктор службы собак, а Потап — это наш лучший пес!

— Ну, наконец-то, — сказал я. — А я-то думаю, кто такой Потап.

— Лучший пес! И какой пес! Грудь — колесом! Уши — столбом! Голова — булыжник, а на зубы смотреть страшно. А лапы! Мне бы такие лапы, я бы двухпудовые гири выжимал! Такому псу палец в рот не клади — мигом оттяпает!

И вот Потап остался беспризорным и подойти к нему никто не может — всех перекусал! Подавай ему Фролова, а больше никого не признает.

Вот, я слышу, командир говорит:

— Что делать с Потапом? Не ест, не пьет и кусается. Пропадает пес!

Тут мне что-то в голову ударило.

«Как, думаю, пропадает? А я, Галоша, на что?»

— Ага! — прервал я рассказ повара. — Так вот что, товарищ Галоша, давайте-ка пойдем в комнату, что это мы на крыльце застряли. Слушать так слушать.

Глава четвертая,
В КОТОРОЙ ИМЕЮТСЯ СОСИСКИ

— Слушать так слушать, — сказал я, когда мы с Галошей вошли в комнату и сели у стола.

Галоша вздохнул, поглядел на часы и продолжал:

— Решил я с Потапом с этим подружиться.

Человек я особый, пахну вкусно, и собакам это нравится.

Вот я положил в нагрудный карман две сосиски и пошел к Потапу. Он жил в отдельном закутке в собачьем сарае. Прихожу и вижу: Потап лежит на полу, скучный, только хвостом по полу похлопывает.

— Привет! — говорю.

Но Потап даже глаз не открывает. А хвостом хлопать перестал.

Тогда я достаю из кармана одну сосиску — Потап открывает один глаз. Достаю другую — открывает другой. Спрятал я сосиски — Потап глаза закрыл. Достал — снова открыл. Ну, — думаю, — все, голубчик! Попался!

Вот я говорю Потапу:

— Ты да я — нас двое. И сосиски две. Поделим по-братски.

С этими словами я стал свою сосиску есть, а другую в руке держу. Только один раз я откусил — и Потап облизнулся. А я нарочно медленно ем и так кусаю сосиску, что из нее сок брызжет.

— Ну и сосисочка, какая сочная! — говорю.

Пока я свою сосиску жевал, Потап совсем обалдел, до того ему захотелось попробовать. Доел я сосиску, а вторую ему всучил — он ее и проглоти!

— Ты да я, — говорю, — Потап. Нас двое. И две сосиски было. И съели мы их по-братски. Ты это, говорю, пойми!

Тут я ушел, а через час снова две сосиски принес и еще — гитару.

Потап очень удивился, когда увидел гитару. Смотрит на меня и как бы хочет сказать: «Зачем ты гитару-то притащил? Мне и сосисок хватит».

А я сыграл ему на гитаре, угостил сосиской, и, конечно, Потап сделался моим приятелем.

Через несколько дней он ко мне совсем привык, и я вышел с ним погулять.

Вот мы гуляем во дворе заставы, а навстречу нам гуляет рядовой Юра Молоканов. Увидел нас и рот разинул от изумления. А я говорю:

— Закройте поскорее рот, товарищ Юра Молоканов, а то ворона влетит!

Глава пятая,

В КОТОРОЙ ГАЛОША ИДЕТ В СЕКРЕТ

— Закройте поскорее рот, товарищ Юра, — толкую я. — А то ворона влетит.

А Юра Молоканов стоит и рта не закрывает, а только глаза на нас таращит. Но вот он все-таки захлопнул рот и побежал докладывать командиру.

Гремя сапогами, командир выскочил на крыльцо и видит — да, мы с Потапом гуляем во дворе.

— Ну, молодец! — говорит тут командир и в тот же день отправляет меня с Потапом охранять границу — в секрет.

С нами пошел ефрейтор Галанин, родом из Одессы.

Волновался я ужасно — все-таки первый раз пошел в секрет. А Галанин увидел, что я волнуюсь, и говорит:

— Золотой мой Галоша, не хотите ли вы поймать нарушителя?

— Конечно, хочу.

— Держите карман шире, — говорит ефрейтор Галанин, родом из Одессы.

Вот пришли мы на место и замаскировались в кустах на краю большой поляны. Посреди поляны — озеро. За озером — граница. Рядом со мной — пенек, за пеньком — Потап, в пеньке — телефон. Правда-правда. Там такая штучка имеется в пеньке, вроде как штепсель. Сунешь в нее провод от телефонной трубки и с дежурным по заставе поговорить можно.

Замаскировались мы и лежим. Лежим час, лежим другой... Тишина. Никто не идет через границу.

Глава шестая,

В КОТОРОЙ ПОЯВЛЯЕТСЯ ХАЛАТ

...Никто не идет через границу... Тишина...

А мы лежим в кустах. Так вот — я лежу, рядом — Потап. Чуть подальше Галанин с автоматом. Зорко следит Галанин: не идет ли кто через границу? И я тоже смотрю, и Потап смотрит. Нет, никто не идет.

На третьем часу у меня уже глаза устали. Одно и то же перед глазами: поляна, озеро, осока...

Осока?

Осока-то шевелится!

Не от ветра ли?

Нет, не от ветра — ветер не дует!

Смотрите-ка — по берегу человек ползет!

В маскировочном халате!

А халат — в серых, зеленых и коричневых пятнах, вот его и не видно!

Тут лоб у меня вспотел, а ноги похолодели. А он ползет прямо на меня!

Ну, — думаю, — ползи, халат! Ползи!

Скоро он совсем близко подполз. Я уже слышу, как он дышит.

Что делать? Чувствую: нужно что-то крикнуть. А что крикнуть — не знаю. Забыл.

Вот он подползает так близко, что до него доплюнуть можно, я и говорю тогда:

— Попался, голубчик!

И так хрипло это у меня получилось, как будто в горле была ржавая труба.

Ух, как он напугался. На колени встал и глаза выпучил, а меня не видит. И тут Потап выходит из кустов. И он видит Потапа и говорит ему:

— Шарик! Это я, Рудик!

А Галанин кричит:

—Руки вверх!

Он руки вверх не поднял, а стал ими по карманам шарить — пистолет искать, но тут Потап навалился на него и мигом обработал. И мы с Галаниным подбежали, связали голубка.

— Пустите, — говорит он. — Я ведь просто так.

Ничего себе «просто так», думаю. А зачем халат напялил и два пистолета в карман положил?

Подошел я к пеньку, звоню командиру — так, мол, и так.

— Высылаю наряд, — говорит командир. — Наблюдайте границу.

— Слушаюсь!

Снова мы с Галаниным замаскировались, а этого типчика — в кустики. Он и не пикнул.

И только мы успели все это проделать, смотрю: другой ползет!

— Бросьте заливать, Галоша, — не выдержал я. — Не может быть!

— Чтоб меня громом разразило! Точно! Второй ползет, и тоже в халате. Ну, думаю, поперло-то!

Вот и он подползает, и Галанин кричит: «Стой!» А я Потапа выпускаю. У, Потап! Страшный пес! Вскочил ему на спину, пасть разинул — ужас! Мы с Галаниным подскочили и только успели этого связать...

— Третий ползет? — не выдержал я.

— Нет, — сказал Галоша и посмотрел для чего-то на часы. — Третьего не было.

— Жаль, — сказал я. — Хорошо, если б был третий.

— А вы придумайте, — сказал Галоша. — Когда будете рассказ писать, вы придумайте, что был третий, и дело с концом.

— Посмотрим, посмотрим, — сказал я. — Придумать можно все, что угодно.

Глава седьмая,

В КОТОРОЙ ГАЛОША СТАНОВИТСЯ КРАСНЫМ КАК РАК

— Придумать-то можно все что угодно, — сказал я. — Интересно, что было на самом деле.

— А вот что, — сказал Галоша. — Не успели мы второго обезоружить — подоспел наряд, высланный капитаном.

— И все?

— Так точно.

— Ну, спасибо вам, товарищ Галоша. Мне очень понравился ваш рассказ. Я сейчас его

запишу в записную книжку. Может быть, вы хотите что-то добавить?

— Да нет, — сказал Галоша и опять посмотрел на часы. — Добавлять особенно нечего.

Тут он снял с головы колпак и подбросил его вверх, и не успел еще колпак надеться ему на макушку, как дверь открылась и в комнату вошел капитан Воронцов.

— Товарищ капитан! Разрешите доло...

— Вольно! — сказал капитан.

Капитан поглядел, что у меня в руках записная книжка, и сказал:

— Собираете материал для рассказа?

— Да вот, — сказал я. — Хочу записать кое-что о подвигах товарища Галоши.

— О подвигах? — удивился капитан. — Это о каких же?

— Как о каких? — удивился теперь я и стал пересказывать капитану то, что слышал.

— Ай-я-яй, — сказал капитан. — Что это вы, товарищ Галоша, привираете?

Галоша сильно покраснел и сказал:

— А что же, товарищ капитан, разве и приврать нельзя?

— Нельзя!

— Слушаюсь!

— Можете идти, — сказал капитан, и Галоша, красный как рак, вышел за дверь.

Глава восьмая, ПОСЛЕДНЯЯ

Красный как рак Галоша вышел за дверь, а мы с капитаном закурили.

— М-да, — сказал я.

Капитан промолчал.

— Отъявленный врун ваш Галоша.

— Приврать он любит. Зато повар хороший.

— На границе и повар не должен зря болтать. Это никуда не годится.

Капитан Воронцов кашлянул.

— Ладно, — сказал вдруг он. — Придется открыть секрет.

— Что такое? — удивился я. — Какой секрет?

— А вот какой. Сегодня на границе сложилась трудная обстановка. Понимаете? Нам нужно было, чтобы вы посидели пока дома. Вот я и дал товарищу Галоше особое задание — отвлечь вас, рассказать что-нибудь.

— Трудная обстановка? — удивился я. — Что же это за обстановка такая?

— А это секрет, — ответил Воронцов. — Военная тайна. Пойдемте-ка лучше ужинать.

На улице была уже ночь. Во дворе заставы на невысоком столбе горел фонарь. Под его светом несколько пограничников чистили автоматы.

«Трудная обстановка, — думал я. — Значит, и выстрел, который я слышал, был неспроста. И, может быть, человек, который померещился мне на скале, был нарушитель!»

— Вообще-то, — сказал капитан, — все, что рассказал Галоша, было на самом деле с Галаниным и Молокановым.

— А насчет сосисок?

— Насчет каких сосисок? — удивился Воронцов.

— Ну, насчет Потапа, — объяснил я.

Капитан засмеялся.

— Это тоже правда. Галоша сумел подружиться с Потапом, а потом приучил его работать с Молокановым. Молоканов-то и задержал двух нарушителей.

Мы вошли в столовую. Там за окошечком в деревянной стене стоял Галоша. Увидев меня, он снял с головы колпак и подбросил его вверх, да так ловко, что колпак наделся прямо ему на макушку.

— Прошу, — сказал Галоша.

Он поставил на стол несколько тарелок, и мы стали ужинать, а когда поужинали, Воронцов спросил:

— Ну, как ужин?

— Отлично, — ответил я.

— Выходит, наш Галоша молодец?

— Пожалуй.

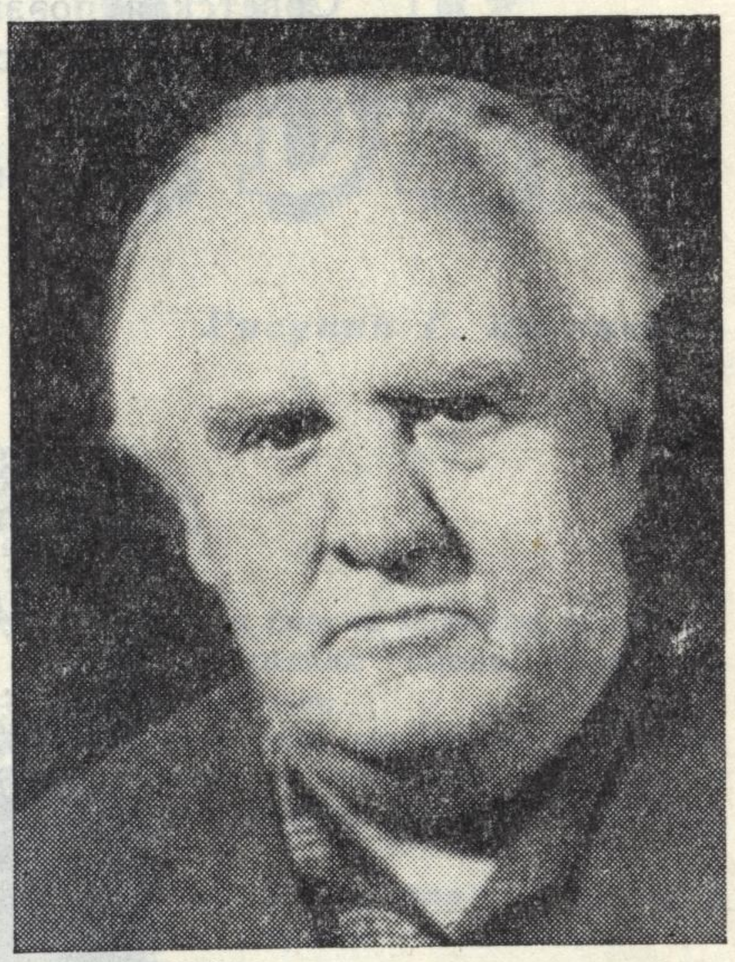
После ужина капитан повел меня в дежурную комнату. Там стояли два пограничника, а рядом сидел огромный пес. Действительно замечательный пес. Я увидел, что грудь у него крепкая, как у волка, и уши — столбом. Это был Потап.

— Приказываю выйти на охрану государственной границы, — сказал капитан Воронцов. — Отправитесь по дозорной тропе на левый фланг нашего участка... Ваша задача: не допустить нарушения границы!

— Есть не допустить нарушения границы, — ответил ефрейтор Галанин, родом из Одессы, и вышел на улицу. Следом — Молоканов и собака Потап.

С крыльца я видел, как они прошли перед освещенными окнами заставы и пропали в темноте.

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

Штурм Перекопа — блестящая победа Красной Армии, повлекшая за собой полный разгром белой армии Врангеля и конец гражданской войны.

Владимир Ильич Ленин в своем докладе 22-го декабря 1920 года, на Восьмом Всероссийском Съезде Советов, сказал: «Вы знаете, конечно, какой необыкновенный героизм проявила Красная Армия, одолев такие препятствия и такие укрепления, которые даже военные специалисты и авторитеты считали неприступными. Одна из самых блестящих страниц в истории Красной Армии — есть та полная, решительная и замечательно быстрая победа, которая одержана над Врангелем».

Владимир Маяковский в своем стихотворении «Последняя страничка гражданской войны» восклицал: «Слава тебе, краснозвездный герой!» — и описывал кратко великий подвиг, совершенный в те дни.

Советские люди прекрасно понимали, что эта победа не только говорит о силе Красной Армии, но и о том, что наступают мирные дни, когда можно будет приступить к новому строительству Советской Республики, к восстановлению разрушенного за годы непрерывных сражений с врагами Советской власти.

Я, взволнованный красочной картиной сражения за Перекоп, поставил себе поэтическую задачу — воспеть героев-красноармейцев в стихотворении романтически приподнятом, но передающем реальную картину замечательного штурма.

Я сам был участником гражданской войны, был красноармейцем, и мне была близка и ярость штурмующих и их вера в победу. Ненависть к врагам революции наполняла тогда бойцов невиданным мужеством, перед которым не могли устоять самые сильные укрепления.

Я вложил в стихотворение всю силу своего поэтического воображения, искал слова простые, но большого звучания, и такие образы, которые запоминаются.

В то время я любил яркие сравнения, сильные, гибкие строки, короткие, но полные движения, и вот это стихотворение живет своей полной жизнью и сегодня, несмотря на то что со дня его написания прошло почти полвека.

Мне всегда казалось, что стихи должны быть выразительными, живыми, передавать человеческие чувства очень искренне, рассказывать о больших событиях, поднимать дух у идущих в битву за дело революции. Я любил стих, где есть и живописная картина, которая захватывает своим движением, и стихи, в которых были мысли, раздумья о времени и о себе, о Родине и о мире, о человеке и его назначении на земле.

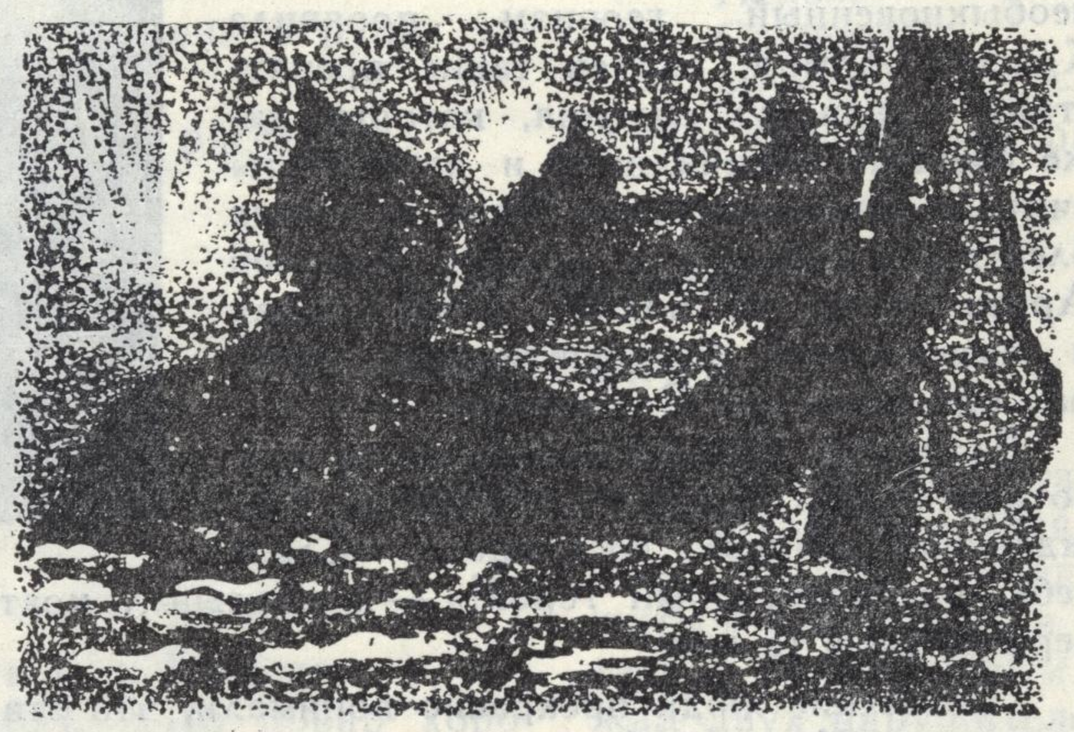
Чем сильнее поэт входит в жизнь, чем сердечней пишет, чем мужественней и проще доносит до читателя то, что он хочет сказать, а сказать он хочет о многом, тем больше встретит он понимания, сочувствия, дружеского внимания у друга — читателя.

Если стих написан сильно и выразительно, он живет много лет не старея. Так стихотворение «Бородино» Лермонтова, например, и сегодня

звучит как будто написанное вчера. Такая свежесть в нем, такая поэтическая убедительность.

Советская поэзия очень богата и разнообразна. У всех народов, составляющих единую семью нашей Советской Родины, есть поэты, стихи которых переведены на все языки и широко известны. И это очень хорошо!

Николай Тихонов

ПЕРЕКОП

Катятся звезды, к алмазу алмаз,
В кипарисовых рощах ветер затих,
Винтовка, подсумок, противогаз
И хлеба — фунт на троих.

Тонким кружевом голубым
Туман обвил виноградный сад,
Четвертый год мы ночей не спим,
Нас голод глодал, и огонь, и дым,
Но приказу верен солдат.

«Красным полкам —
За капканом капкан...»
...Захлебнулся штык, приклад пополам,
На шее свищет аркан.

За море, за горы, за звезды спор,
Каждый шаг — наш и не наш,
Волкодавы крылатые бросились с гор,
Живыми мостами мостят Сиваш!

Но мертвые, прежде чем упасть,
Делают шаг вперед —
Не гранате, не пуле сегодня власть,
И не нам отступать черед.

За нами ведь дети без глаз, без ног,
Дети большой беды,
За нами города на обломках дорог,
Где ни хлеба, ни огня, ни воды.

За горами же солнце, и отдых, и рай,
Пусть это мираж — все равно!
Когда тысячи крикнули слово:
«Отдай!» —
Урагана сильней оно.

И когда луна за облака
Покатилась, как рыбий глаз,
По сломанным рыжим от крови штыкам
Солнце сошло на нас.

Дельфины играли вдали,
Чаек качал простор,
И длинные серые корабли
Поворачивали на Босфор.

Мы легли под деревья, под камни, в траву,
Мы ждали, что сон придет,
Первый раз не в крови и не наяву,
Первый раз на четвертый год...

Нам снилось, если сто лет прожить —
Того не увидят глаза,
Но об этом нельзя ни песен сложить,
Ни просто так рассказать!

ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Льюис Кэрролл

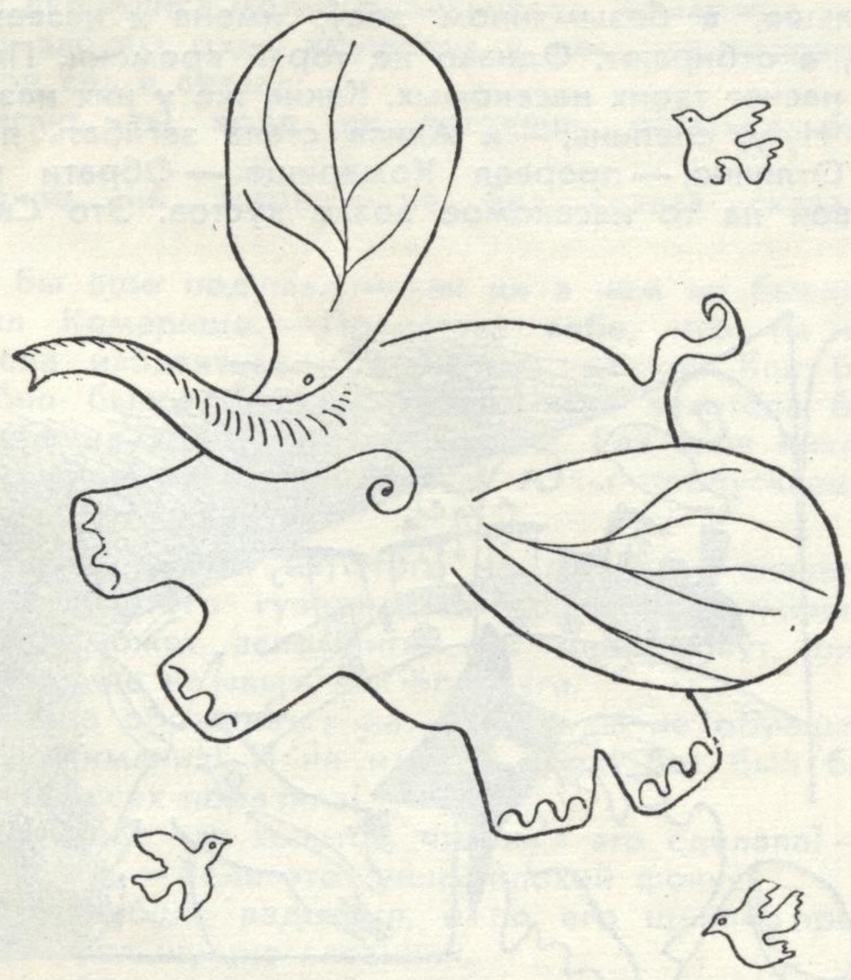
Рисунки Г. Ковенчука

Глава третья

ЗАЗЕРКАЛЬНЫЕ НАСЕКОМЫЕ

Конечно, первым делом необходимо обозреть страну, через которую собираешься путешествовать. «Как там пишут в книжке по географии, — думала Алиса, стоя на цыпочках, чтобы видеть как можно дальше. — Величайшие реки — нету. Высочайшие горы — я на единственной, и вряд ли она как-нибудь называется. Крупнейшие города... Ой, а что это там такое, кто это там собирает мед? Это не пчелы: пчел за милю никак не увидишь».

Некоторое время она молча наблюдала за существом, которое копошилось среди цветов и совало в них хоботок «совсем как настоящая пчела», — так подумала Алиса.

Никакая это была не пчела, это был летучий слон! От такого открытия у Алисы в первый миг даже дух захватило. Но потом ей пришла в голову новая мысль: «А какие же тогда должны быть цветы?! Как дом без крыши! А стебли? А сколько же там должно быть меду? Я пойду туда... Ой, нет, только не сейчас...»

Совсем было собравшись сбежать с холма, Алиса остановилась, ощутив неожиданную робость и пытаясь найти ей оправдание.

— Туда никак нельзя спускаться без длиннющей ветки. Иначе их не отогнать. Вот будет смех, когда меня спросят, как мне здесь понравилось, а я скажу: «Что ж, там неплохо (тут Алиса слегка кивнула, это была ее излюбленная привычка), только очень жарко, и пыль, и надоедают летучие слоны».

— Я думаю так, — сказала она, помолчав. — К слонам, наверное, можно зайти и попозже. Попасть в третью клетку мне хочется гораздо больше. Вот туда я и пойду.

Оправдываясь на бегу, Алиса спустилась с холма и перепрыгнула через ручеек, первый из шести.

. . . . . .

Контролер сунул голову в окно и сказал: «Билеты, пожалуйста!» Все тут же предъявили билеты, они были огромные, величиной с пассажиров, и чуть не загромоздили все купе.

— Девочка, а твой билет? — спросил Контролер и сердито посмотрел на Алису. И великое множество голосов разом проговорило («совсем как хоровое пение», — подумала Алиса): «Не задерживай его, девочка! Ведь его время стóит тысячу фунтов за миг!»

— Боюсь, что у меня нет билета, — перепугалась Алиса. — Там, откуда я, не было кассы.

А голоса подхватили: «Там не было места для кассы. Там земля стоит тысячу фунтов за пядь!»

— Не оправдывайся, — сказал Контролер. — Тебе следовало купить билет у машиниста.

На этот раз хор объявил: «Машинист — это тот, кто ведет паровоз. А один только дым стоит тысячу фунтов за клок!»

Алиса подумала: «Бесполезный разговор». Вслух она ничего не сказала, поэтому никто не откликнулся, но к ее величайшему удивлению все голоса хором подумали (надеюсь, вы-то поймете, что значит думать хором; я, признаюсь, не понимаю): «Лучше вовсе молчать. Разговор стоит тысячу фунтов за слово!»

«Эти тысячи фунтов мне нынче наверняка приснятся», — подумала Алиса.

А Контролер все это время смотрел на нее сначала через телескоп, потом через микроскоп, а потом через театральный бинокль. Наконец, он сказал: «Ты не по той дороге едешь!» — и ушел.

— Таким маленьким детям, — сказал почтенный господин, сидевший напротив Алисы (он был одет в костюм из белой бумаги), — таким маленьким детям — пусть они даже не знают, как их зовут — надо бы знать, по какой дороге ехать.

Козел, который сидел с ним рядом, закрыл глаза и громко сказал:

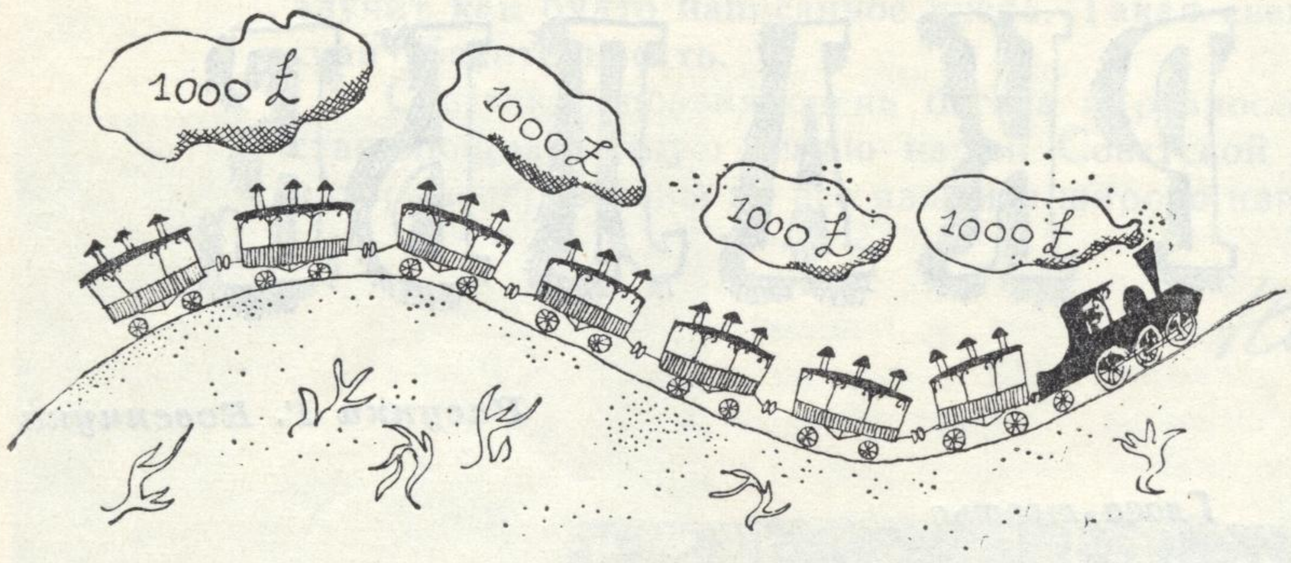
— Пусть они даже не знают ни единой буквочки в букваре, но дорогу в кассу им следует знать.

За Козлом сидел Жучок (в купе полно было очень странных пассажиров), и, словно так и полагалось всем говорить по очереди, он добавил:

— Ее нужно сейчас же отправить назад багажом.

Алиса не смогла разглядеть, кто сидел за Жучком,

Продолжение. См. „Костер“ № 3, 1969 г.

но его голос прозвучал хрипло и протяжно. «Лишь оди́н им...» — протянул он, не закончил и умолк.

«До чего схоже с лошадиным ржанием!» — подумала Алиса.

И тут тонюсенький голосишко возле самого ее уха сказал:

— А ты поразительно могла бы сострить — «лишь оди́н им — лошадиным», а?

Тем временем какой-то очень приятный голос произнес в отдалении: «На ней нужно написать: «Осторожно! Не бросать!» И дальше все говорили и говорили по очереди («Сколько тут в купе народу!» — подумала Алиса): «Отправить ее по почте», «Послать ее телеграфом», «Пусть она сама ведет теперь поезд всю дорогу» и так далее.

Но почтенный господин в костюме из белой бумаги наклонился вперед и прошептал Алисе на ухо: «Не обращайте внимания на все эти разговоры, милое дитя! Просто на каждой остановке покупайте обратный билет, и все!»

— Не буду я покупать! — рассердилась Алиса. — Я вовсе не с этого поезда. Я только что была в лесу и снова хочу в лес!

— И тут ты могла бы поразительно сострить, — сказал тонюсенький голосишко возле ее уха. — «Как в лес, так и вылез», а?

— Если вы считаете, что кто-то кого-то здесь должен поразить, займитесь этим сами,— сказала Алиса, тщетно пытаясь высмотреть, откуда исходит этот голос. — Извольте, поражайте и больше не приставайте.

Тонюсенький голосишко глубоко вздохнул. Очевидно, он очень огорчился. Алиса хотела было посочувствовать и утешить его, «если только он вздыхает, как все, — от огорчения», — так она подумала. Но это был такой изумительно-малюсенький вздох, что его и не услышать, не попади он к Алисе в ухо целиком. А он попал целиком, и от этого в ухе так защекотало, что Алисины мысли оказались очень далеки от горестей невидимого собеседника.

— Но ведь ты же друг, — продолжил тонюсенький голосишко. — Мой старый и дорогой друг. Ты же не тронула меня, хоть я и насекомое...

— А ты какое насекомое? — несколько обеспокоилась Алиса. Она хотела узнать, кусачее или нет, но подумала, что не совсем вежливо было бы об этом спрашивать.

— Стало быть, тебе... — начал тонюсенький голосишко, но его заглушил пронзительный скрежет поезда, все испуганно подпрыгнули, и Алиса тоже.

Лошадь, которая сидела, высунув голову в окно, не спеша втянула ее в вагон и сказала: «Это мы просто ручей перепрыгнули». Все сразу успокоились, только Алиса заволновалась: как это поезд вообще может прыгать? «Но он доставит нас в четвертую клетку — и то хорошо», — подумала она. И тут же почувствовала, что вагон поднимается в воздух. С перепугу Алиса схватилась за первое, что попалось под руку, — это оказалась козлиная борода...

. . . . . .

Но борода от ее прикосновения словно растаяла, и Алиса увидела, что сидит под деревом, а Комар (он-то и был ее собеседником), покачивается на веточке у нее над головой и обмахивает ее крылышками.

Это был очень большой Комар-Комарище — «величиной с цыпленка», — подумала Алиса. Но это ее ничуть не взволновало: ведь они уже были старыми знакомыми.

— ...тебе не все насекомые нравятся?— закончил вопрос Комарище, словно ничего и не случилось.

— Говорящие мне нравятся, — сказала Алиса. — Там, откуда я, ни одно никогда не говорило.

— Тогда какие же насекомые развлекали тебя там, откуда ты? — поинтересовался Комарище.

— Никакие, — ответила Алиса. — Я их даже побаивалась, особенно больших. Но как их зовут, я знаю.

— И, конечно, они прилетают на зов, — небрежно заметил Комарище.

— Никогда они этого не делают.

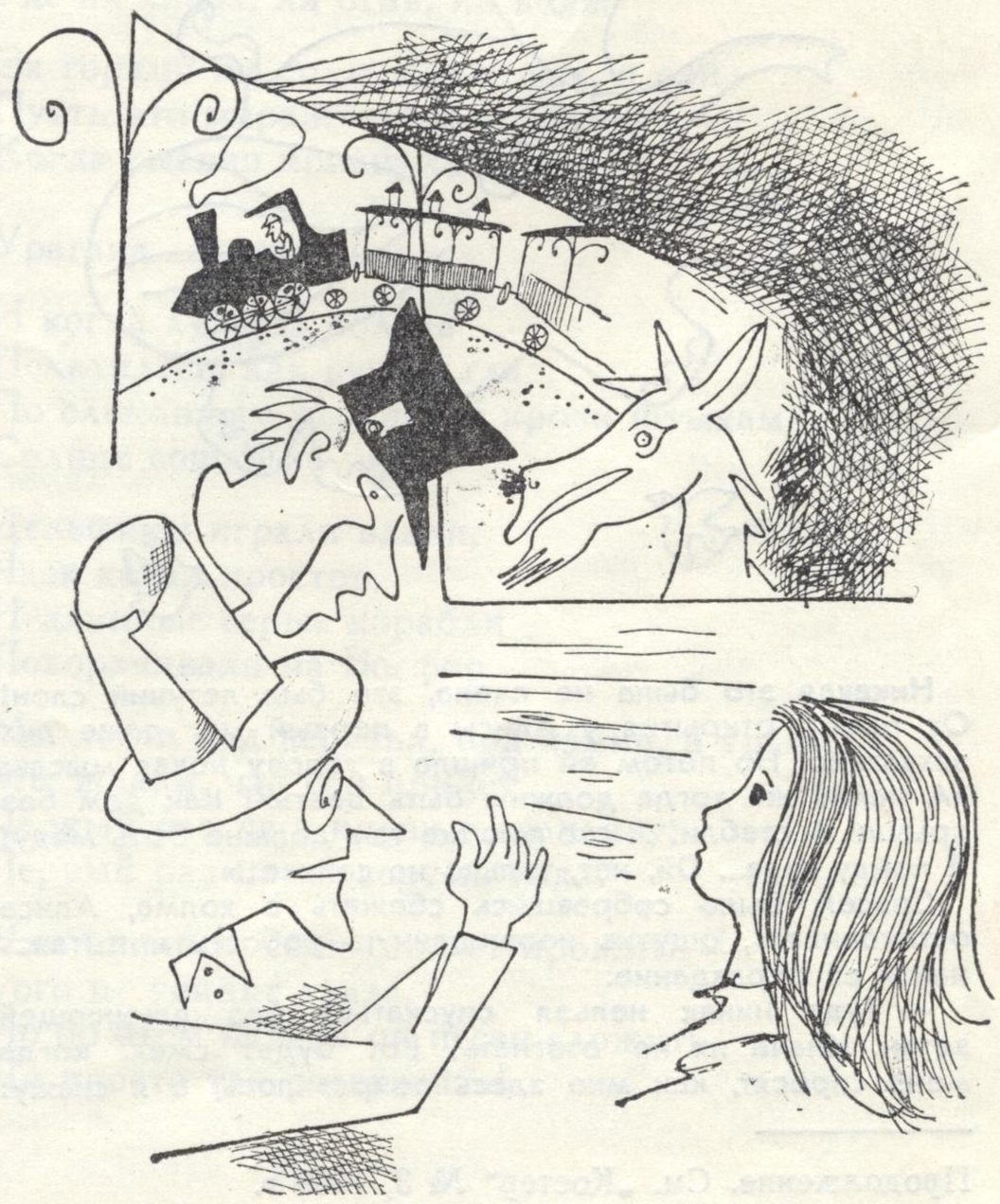
— Что за польза тогда их звать, — удивился Комарище, — если они не летят на зов?

— Им никакой, — сказала Алиса. — Но это, наверное, полезно тем, кто дает им названия. Иначе зачем бы их вообще давали?

— Не знаю, не знаю, — ответил Комарище. — Там, подальше, в безымянном лесу, имена и названия не дают, а отбирают. Однако не теряй времени. Продолжим насчет твоих насекомых. Какие же у них названия?

— Ну-у, слепень, — и Алиса стала загибать пальцы.

— Отлично, — прервал Комарище. — Обрати внимание вон на то насекомое возле кустов. Это Склеень.

Он склеен из дерева.

— А чем он питается? — с большим любопытством спросила Алиса.

— Опилками в соку, — сказал Комарище. — Продолжай.

Алиса с интересом осмотрела Склееня и заключила, что его, должно быть, только что перекрасили — такой он был блестящий и липкий. Затем она продолжила:

— Еще жук-рогач.

— Посмотри на ветку над собой, — сказал Комарище. — Видишь, там сидит Жук-Пирогач. Он сделан из бисквитного теста, а вместо головы у него изюминка. Ее обмакнули в ром и подожгли.

— А чем он питается? — повторила вопрос Алиса.

— Крошками от торта, — ответил Комарище. — Он и живет в коробках из-под пирожных.

— И бабочка, — закончила Алиса, как следует осмотрев насекомое с пылающей головой и подумав: «Неужели все насекомые летят на огонь, чтобы стать похожими на Жука-Пирогача?»

— У своих ног, — сказал Комарище (Алиса невольно подобрала их под себя), — ты можешь видеть Бабочку-Хлебабочку. Голова у нее из кусочка сахара, крылышки из ломтиков хлеба с маслом, а туловище из хлебной корочки.

— А эта Хлебабочка, где она живет?

— Возле чая с молоком.

— А если Хлебабочка не найдет чая?

— Значит, засохнет.

— Но это должно случаться очень часто, — задумчиво сказала Алиса.

— Иначе и не бывает, — ответил Комарище.

Минуты две Алиса молча размышляла. Комарище тем временем забавы ради кружился у нее над головой. Наконец он сел и сказал:

— Полагаю, ты вряд ли захочешь остаться без имени?

— Конечно, не захочу, — не без страха сказала Алиса.

— А я бы еще подумал, — как ни в чем не бывало продолжал Комарище. — Представь себе, что ты от него сумела избавиться и вернулась домой. Как бы тебе удобно было! Скажем, гувернантка захотела бы позвать тебя на урок и не смогла бы. Раз тебя никак не зовут, значит, не зовут, и все! А ты пропускаешь урок!

— Наверняка ничего из этого не выйдет, — сказала Алиса. — Из-за этого гувернантка урока не отменит. А если не сможет вспомнить, как меня зовут, она обратится ко мне на «вы», как прислуга.

— Пусть она обращается на «вы», а ты не обращай на это «вы»-нимания! И не иди на урок! Вот был бы фокус! Ты бы всех поразила!

— Почему тебе так хочется, чтобы я это сделала? — спросила Алиса. — Ведь это очень плохой фокус.

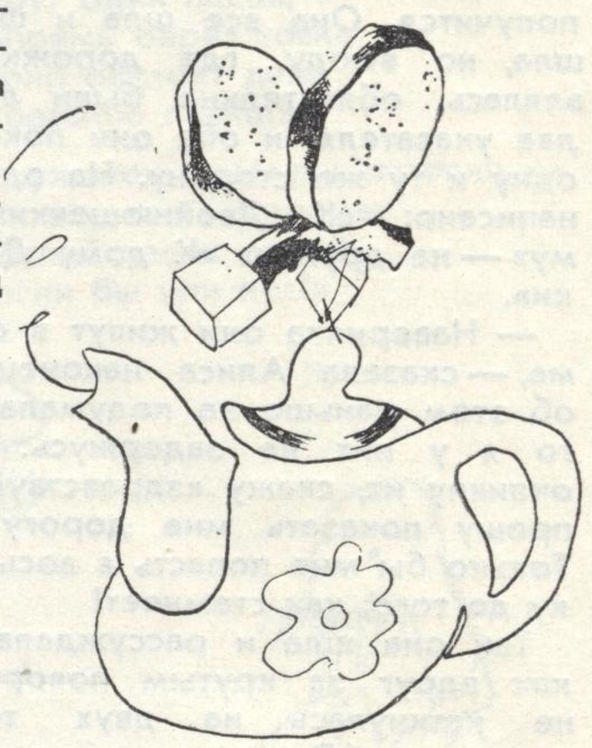
Комарище глубоко вздохнул, и по его щекам прокатились две большущие слезинки.

— Не пытайся ты никого поразить, — сказала Алиса. — Тебе же самому из-за этого плохо.

Комарище печально вздохнул еще раз и, наверное, этим вздохом сам себя сдул, потому что, когда Алиса подняла глаза, на веточке никогошеньки не было. Тогда Алиса, озябшая от долгого сидения, встала и пошла.

Скоро она вышла на поляну. За поляной лес был гораздо темней, и Алисе даже чуточку стало страшно туда идти. Но, подумав, она решила, что «все равно ни за что не пойдет назад», а другого пути в восьмую клетку не было.

— Должно быть, это самый безымянный лес, где отбирают имена и названия, — задумчиво сказала она сама себе. — Интересно, вот я пойду через него, а куда на это время денется мое имя? И отдадут ли его при выходе? Вдруг отдадут не мое, а какое-нибудь другое, да еще и некрасивое. А я захочу свое. Вот будет смеху, когда придется искать, кому же его дали! Будут давать объявления, как про потерянную собаку: «Отзывается на кличку «Рекс», на шее металлический ошейник». Воображаю! Надо будет окликать каждого встречного «Алиса!» — пока кто-нибудь не откликнется. Только если он хитрый, он не откликнется, и все!

Предаваясь столь глубокомысленным рассуждениям, Алиса подошла к лесу. Он казался тенистым и прохладным.

— Ну что ж, во всяком случае, приятно, — сказала она, входя под сень деревьев, — после такой жарищи попасть в... в... во что же?!

Но припомнить нужного слова Алиса не смогла и была этим весьма обескуражена.

— Я хотела сказать под такое... такое... ну, это самое! — и Алиса прикоснулась рукой к дереву. — Как же оно?.. Можно подумать, что у него нет названия!.. Да так оно и есть!

С минуту она молчала, задумавшись.

— Вот как это происходит на самом деле! А кто же теперь я? Я сейчас вспомню. Я должна вспомнить!

Но решимость ей не помогла, сколько она ни ломала голову... «Эль-эс», там было «эль-эс»! — вот все, что она смогла сказать.

И тут же увидела Лань.

Лань стояла и смотрела на Алису большими красивыми глазами и, казалось, вовсе ее не боялась.

— Иди ко мне! — сказала Алиса, протянула руку и попыталась ее погладить. Но Лань немножко попятилась, снова остановилась и посмотрела на Алису.

— Как вас зовут? — спросила Лань. Какой у нее был чудесный голос!

«Хотела бы я знать!» — подумала бедная Алиса и опечаленно ответила:

— Теперь никак!

— Подумайте еще раз, как следует, — сказала Лань. — Так ведь не бывает.

Алиса подумала как следует, но ничего не вышло.

— Пожалуйста, скажите мне, а вас как зовут? — робко попросила она. — Вдруг это мне чуточку поможет?

— Я скажу, — ответила Лань, — если вы пройдетесь со мной немного. Здесь я вспомнить не могу.

Они вместе пошли через лес. Алиса обнимала Лань за нежную шейку. Но вот они добрались до новой поляны, и Лань вдруг подпрыгнула и вырвалась.

— Я Лань! — крикнула она тем же восхитительным голосом. — А вы... Вы — человеческое дитя!

В ее прекрасных карих глазах мелькнула тревога, и она тут же бросилась прочь со всех ног.

Алиса смотрела ей вслед, чуть не плача от досады, что потеряла такого милого спутника.

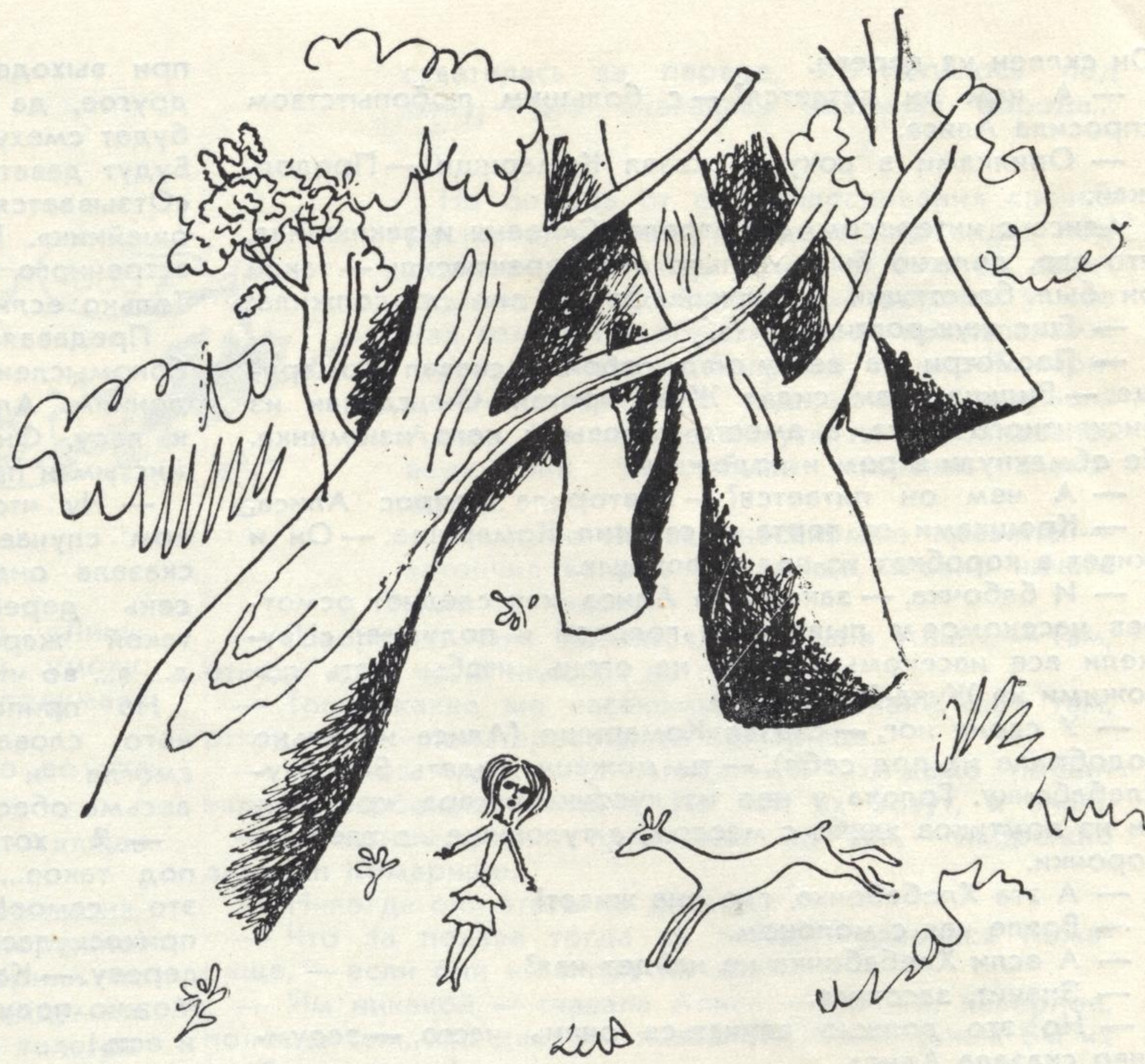
— Но зато я снова помню, как меня зовут, — сказала она. — И то хорошо. А-ли-са. Алиса. Я больше не забуду! А теперь я хотела бы знать, по какому из этих двух указателей мне следует идти?

Не так уж трудно было ответить на этот вопрос, потому что через лес вела всего одна дорожка и оба указателя указывали именно на нее. «Я решу,— подумала Алиса, — когда дорожка разветвится и они покажут в разные стороны».

Но не похоже было на то, что так получится. Она все шла и шла, долго шла, но всюду, где дорожка разветвлялась, обязательно были водружены два указателя, и оба они показывали в одну и ту же сторону. На одном было написано: «К Двойнюшечкиному дому» — на другом: «К дому Двойняшечки».

— Наверняка они живут в одном доме, — сказала Алиса наконец. — Как я об этом раньше не подумала! Но долго я у них не задержусь. Я только окликну их, скажу «здравствуйте» и попрошу показать мне дорогу из лесу. Только бы мне попасть в восьмую клетку до того, как стемнеет!

Так она шла и рассуждала на ходу, как вдруг за крутым поворотом чуть не наткнулась на двух толстеньких человечков. Это случилось так внезапно, что она даже невольно попятилась, но тут же опомнилась и сообразила, кто это.

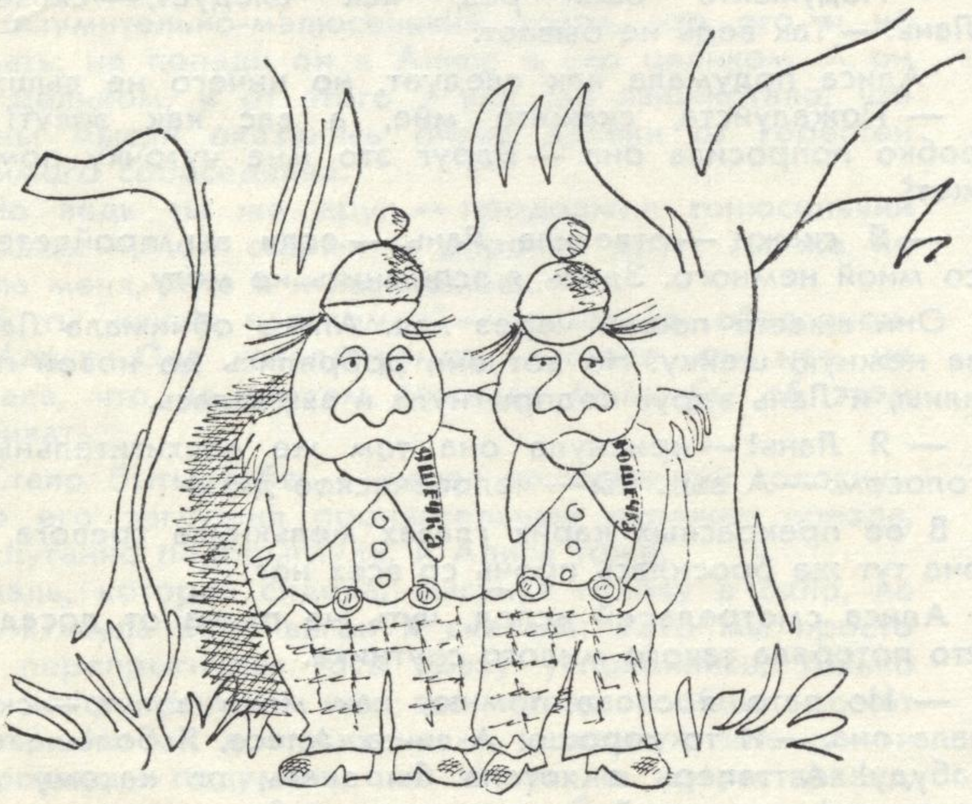
Глава четвертая

ДВОЙНЮШЕЧКА И ДВОЙНЯШЕЧКА

Они стояли под деревом рядышком, обняв друг дружку за шею, и Алиса сразу поняла, кто из них кто, потому что у одного на воротнике видны были вышитые буквы **«Юшечка»**, а у другого **«Яшечка»**. «Наверное, **«Двойн»** у них на воротниках сзади», — подумала она.

Человечки стояли, не шевелясь, и Алиса как-то даже и не подумала, что они живые. Она решила обойти их и проверить, действительно ли **«Двойн»** вышито у них на воротниках сзади. Но едва она шагнула, как ее заставил вздрогнуть голос **«Юшечки»**.

— Если ты думаешь, что мы восковые куклы, — сказал он, — изволь платить денежки! Не затем восковых кукол делают, чтоб на них даром смотрели. Никоим образом!

— И наоборот! — добавил **«Яшечка»**. — Если ты думаешь, что мы живые люди, ты должна обратиться к нам с приветствием.

— Простите, пожалуйста, — едва сумела выговорить Алиса. Старинная песенка зазвучала у нее в голове, как перезвон часов, и она с трудом удержалась, чтобы не спеть ее вслух:

Двойняшечка Двойнюшечке
Испортил погремушечку.
Двойнюшечка Двойняшечку
Как дернет за рубашечку!
Была бы перепалка,
Да прилетела галка,
И так была она
Огромна и черна,
Что драчуны с испуга
Забыли друг про друга.

— Я-то знаю, что ты думаешь! — сказал Двойнюшечка. — Такого быть не может! И не было. Никоим образом!

— Наоборот! — подхватил Двойняшечка. — Если такое было, значит, такое может быть. Если такое было, но только очень давно, значит, такое может быть, но только очень нескоро. Но если такого не было, значит, такого и быть не может. Вот это, я понимаю, логика.

— Я думала о том, как быстрее выйти из лесу, — очень вежливо сказала Алиса. — А то уже темнеет. Покажите мне, пожалуйста, дорогу.

Но толстячки только переглянулись и заулыбались

Они были совсем как пара школьников. И Алиса не выдержала, показала на Двойнюшечку пальцем и крикнула:

— Замри!

— Никоим образом! — отчеканил Двойнюшечка.

— Замри! — показала Алиса на Двойняшечку.

Она была убеждена, что в ответ он воскликнет: «Наоборот!» Так он и сделал.

— Ты не с того начала! — закричал Двойнюшечка. — Когда приходишь в гости, надо сначала сказать «здравствуйте» и пожать руку.

И, обнимая друг дружку за плечи, они протянули ей каждый свободную руку. Пожмешь им руки по очереди — наверняка обидится тот, кто окажется вторым; поэтому Алиса взяла за руки обоих сразу, сочтя это лучшим выходом из положения. И тут же они втроем заплясали вкруговую.

Это выглядело совершенно естественно, как она потом припоминала, и Алису нисколько не удивило, когда раздалась музыка.

Музыка исходила от ветвей ближайшего дерева, которые, по-видимому, водили друг о дружку, как смычки о струны.

«Было очень забавно, — говорила потом Алиса старшей сестре, рассказывая всю эту историю, — когда вдруг оказалось, что я пою «Мы вокруг малины пляшем». Я не помню, когда я начала петь. Мне казалось, что я пою давным-давно».

Ее дородные партнеры скоро запыхались.

— Четырех повторов для одного танца хватит, — пропыхтел Двойнюшечка, и танец кончился так же внезапно, как и начался. И тут же прекратилась музыка.

Они отпустили Алисины руки и минуту молча смотрели на нее. Неловкое молчание затягивалось, Алиса просто не могла сообразить, как начинать разговор с теми, с кем уже танцевала. «Теперь никак не скажешь «здравствуйте», — думала она. — Так или иначе, но здороваться поздно».

— Надеюсь, вы не слишком устали? — спросила она наконец.

— Никоим образом! И весьма признателен за внимание, — ответил Двойнюшечка.

— Премного обязан! — добавил Двойняшечка. — А ты любишь стихи?

— Д-да, кое-какие, — нерешительно сказала Алиса. — Так вы не покажете мне дорогу из лесу?

— Что ей прочесть? — спросил Двойняшечка, важно глядя на Двойнюшечку и не обращая внимания на вопрос Алисы.

— Про Моржа и Плотника. Это самое длинное, — ответил Двойнюшечка, с чувством обнимая братца.

Двойняшечка тут же начал:

Сияло солнце в небесах...

Алиса решилась прервать его.

— Если это очень длинное, — сказала она как можно вежливее, — то сначала покажите мне, пожалуйста, дорогу...

Двойняшечка с достоинством улыбнулся и начал снова:

Сияло солнце в небесах,
Во всю сияло мочь,
Валы морские золотя,
Катящиеся прочь.
Невероятно! Ведь уже
Давно настала ночь.

Луна, на солнце рассердясь,
Ворчала: «Что за прыть!
Извольте видеть, мало дня
Ему, чтобы светить!
Испорчен бал, и смысл пропал
Мне нынче восходить».

Вода была мокра насквозь,
Песок насквозь был сух.
Не видно было в небесах
Ни птиц, ни даже мух.
Надеясь услыхать о них,
Не напрягайте слух.

Рыдает Плотник, плачет Морж
Дойдя до бережка.
Когда вокруг один песок,
И впрямь берет тоска.
«Как скверно обстоят дела
С уборкою песка!»

«А семь служанок, — Морж спросил, —
Ну, скажем, за семь лет
Смести метлой песок долой
Смогли бы или нет?»

Но Плотник, всхлипнув, дал Моржу
Уклончивый ответ.

«О Устрицы! — воскликнул Морж. —
Прекрасный вид кругом!
Бегите к нам! Поговорим,
Пройдемся бережком.
Но, чур, лишь первых четверых
За ручки мы берем».

Прабабка Устрица лежит,
Прищуря глаз, на дне.
Прабабка Устрица молчит
В прозрачной глубине:
«Зачем бежать? На дне лежать
Гораздо лучше мне».

Но мигом четверо юнцов
Выходят на песок,
Нарядные, опрятные
До кончиков сапог.
Невероятно! Ведь у них
В помине нету ног.

И сквозь прибой им вслед гурьбой
По четверо опять
Выпрыгивают Устрицы —
Крупнее не сыскать.
И все хотят поговорить,
И все хотят гулять.

Шли Морж и Плотник на восток,
Потом пошли на юг,
На камень сели отдыхать,
А Устрицы вокруг

Расположились в семь рядов —
В ряду семь сотен штук.
И Морж заводит разговор
О всяческих вещах.
Сначала о капусте речь,
Потом о королях,
О закипающих морях
И старых башмаках.

Прервали Устрицы, прося
Им отдышаться дать:
«Мы так бежали, что пока
Не в силах рассуждать».
Ответил Плотник: «Так и быть,
Мы можем подождать».

«Нам нужен хлеб, — промолвил Морж, —
И я его припас.
И черный перец есть у нас,
И уксус есть у нас.
Друзья, готовьтесь. Мы хотим
Подзакусить сейчас».

«Как?! Нами?! — Устрицы кричат;
Их пробирает дрожь. —
Так, значит, ваша доброта
По сути дела — ложь!»
«Прелестный вечер, — Морж сказал. —
И вид вокруг хорош».

«Весьма по вкусу нам пришлись
И нрав и облик ваш».
А Плотник буркнул: «Хлеба мне
Ты дашь или не дашь?
В который раз тебе твержу —
Потоньше масло мажь».

Воскликнул Морж: «Какой позор
Бедняжек обижать!
Зачем заставили мы их
Так далеко бежать?»
А Плотник проворчал: «Изволь
Глухим не подражать.»

Предельно крупную слезу
Роняя на песок,
У глаз придерживает Морж
Развернутый платок:
«Меня растрогал жребий ваш.
Поверьте, он жесток!»

«Друзья, отлично мы прошлись,
Но нам пора назад». —
Промолвил Плотник Устрицам,
А те в ответ молчат.
Иначе и не может быть.
Их съели всех подряд.

— По-моему, Морж все-таки лучше Плотника, — сказала Алиса. — Ему, по крайней мере, хоть немножко жалко было бедных Устриц.

— Он съел их больше, чем Плотник, — ответил Двойняшечка. — Понимаешь, он развернул платок, чтобы Плотник не мог сосчитать, сколько он сразу берет.

— Какая низость! — возмутилась Алиса.— Тогда Плотник лучше, раз он ел не столько, сколько Морж.

— Да, но он ел столько, сколько мог, — возразил Двойнюшечка.

Вот головоломка! Подумав, Алиса произнесла: «Ну, так значит, они оба очень противные...» И, не договорив, опасливо прислушалась. В лесу неподалеку раздались звуки, похожие на пыхтенье большого паровоза. Испугавшись, что это могут быть дикие звери, Алиса робко спросила:

— Скажите, а поблизости львов или тигров нет?

— Ах, это? Это храпит Король Черных, — сказал Двойняшечка.

— Пошли посмотрим, — воскликнули братья, взяли Алису за руки и повели туда, где спал Король.

— Восхитительное зрелище, а? — сказал Двойнюшечка.

Честно говоря, Алиса так не думала. На голове у Короля был высокий черный ночной колпак с кисточкой. Король лежал, некрасиво съежась, и громко храпел.

— Так можно голову отхрапеть! — заметил Двойнюшечка.

— Я боюсь, что он простудится, лежа на сырой траве, — сказала Алиса: она была очень заботливой девочкой.

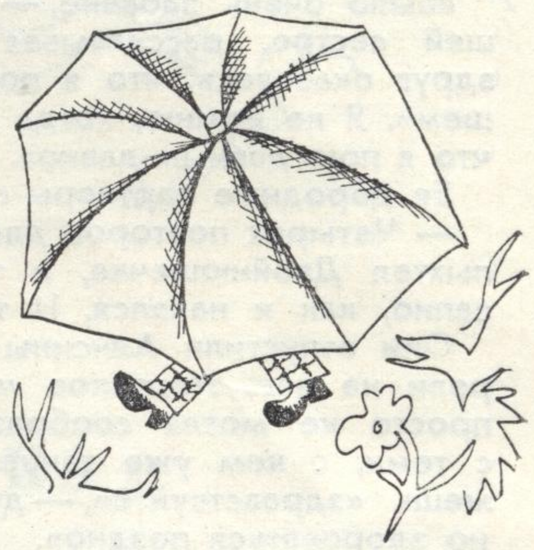
— Он спит и видит сон, — сказал Двойнюшечка. — И, как ты думаешь, кого он видит во сне?

— Этого никто не может знать, — ответила Алиса.

— Он видит во сне тебя! — воскликнул Двойняшечка, торжествующе всплескивая ручками. — А если он перестанет видеть во сне тебя, как ты думаешь, с тобой что-нибудь будет или нет?

— Ничего со мной не будет, — сказала Алиса.

— Нет, будет, — самодовольно возразил Двойняшечка.—Ты исчезнешь. Ведь если он видит во сне тебя, значит, ты просто одно из его сновидений...

— И если Короля разбудить, — вмешался Двойнюшечка, — то его сновидения прервутся, и ты — фук! — погаснешь, как свеча!

— Нет, не погасну! — возмущенно крикнула Алиса. — И, кстати, если я — сновидение, то вы-то кто такие, хотела бы я знать?

— Тебе же сказано, — ответил Двойнюшечка.

— Сказано, сказано! — подхватил Двойняшечка.

Они прокричали это так громко, что Алиса невольно сказала:

— Тише! Не шумите так сильно. Я боюсь, что вы его разбудите.

— Бесполезные слова, — сказал Двойнюшечка.— Ты— сновидение и не можешь знать, отчего и как просыпаются. Но зато тебе прекрасно известно, что наяву тебя не существует.

— Неправда, я существую, — сказала Алиса и заплакала.

— Ты что же думаешь: поплачешь и станешь существовать наяву? Ничего не выйдет, — заметил Двойняшечка. — Так что плакать ни к чему.

— Если бы меня наяву не существовало, — сказала Алиса, смеясь сквозь слезы, настолько все это казалось ей нелепым, — как бы я могла плакать?

— Надеюсь, ты сама понимаешь, что эти слезы наяву не существуют, — прервал Двойнюшечка с величайшим самодовольством.

«Я же знаю, что это бессмыслица, — подумала Алиса, — и глупо из-за этого плакать». Она утерла слезы и продолжала, как могла веселее:

— В любом случае мне надо выбраться из лесу, потому что, право, уже сильно стемнело. А может быть, это к дождю, как вы думаете?

Двойнюшечка раскрыл над собой и над братцем большой зонт.

—Не думаю, — сказал он. — Здесь, во всяком случае, дождя не будет. Никоим образом!

— А тут?

— Захочет — будет, — сказал Двойняшечка. — Мы не возражаем. Наоборот!

«Эгоисты», — подумала Алиса и уже хотела сказать «до свиданья» и расстаться с ними, как вдруг Двойнюшечка выскочил из-под зонта и схватил ее за руку.

— Ты видишь, что это такое? — проговорил он прерывающимся от возбуждения голоском; глаза у него стали большими и желтыми, дрожащим пальцем он указывал на беленькую штучку, лежавшую под деревом.

— Это погремушечка, — сказала Алиса, внимательно осмотрев беленькую штучку. — Вы испугались? Она же не кусается. Это просто старая погремушка, совсем старая и сломанная.

— Уж конечно! — завопил Двойнюшечка, дико затопал ногами и стал рвать на себе волосы. — Ее сломали!

Он глянул на Двойняшечку. Тот мгновенно сел на землю и прикрылся зонтом.

Алиса взяла Двойнюшечку за руку и примирительно сказала:

— Не стоит так сердиться из-за старой погремушки.

— Да не старая она! — завопил Двойнюшечка, приходя в совершеннейшее исступление. — Она совсем новая, я тебе говорю! Я только вчера ее купил! Это моя лучшая новейшая погремушечка!

А Двойняшечка в это время пытался сложить зонтик так, чтобы самому незаметно остаться внутри него. Это было необычайное зрелище, Алиса смотрела во все глаза. Но тут Двойнюшечка схватил Двойняшечку за выбившуюся рубашку и дернул. Двойняшечка кубарем покатился по траве, встал на четвереньки, пятясь, залез в сложившийся зонт, так, что видна была одна голова, и затих, хватая воздух ртом. «Он больше всего сейчас похож на рыбу», — подумала Алиса.

— Вы, конечно, согласны драться? — холодно спросил Двойнюшечка.

— Полагаю, что да, — мрачно ответил Двойняшечка, выкарабкиваясь из зонта. — Только пусть она поможет нам надеть доспехи.

Неразлучные братья удалились вместе в лес и в ту же минуту вернулись, нагруженные множеством одеял, ковриков, дорожек, крышек от кастрюль и кухонных ведер.

— Я думаю, ты лучше нас умеешь закалывать булавки и завязывать узлы, — сказал Двойнюшечка. — Все эти вещи надо как-нибудь друг с другом скрепить.

Алиса после говорила, что никогда в жизни она не видела такой суеты из-за чего бы то ни было, такой спешки, которую устроили эти двое, такой массы вещей, которую они накрутили на себя, и таких хлопот, какие задали они ей, прося завязать тесемку или застегнуть пуговицу. «Право же, когда они приготовятся к бою, они больше всего будут похожи на узлы старого тряпья», — подумала она, накручивая дорожку на шею Двойняшечке, «чтобы ему вдруг не сняли голову», — как он выразился.

— Знаешь ли, — внушительно сказал он, — самое нешуточное дело, которое может приключиться в бою, это когда с тебя снимут голову.

Алиса громко рассмеялась, но тут же подавила смех и притворилась, что кашляет, боясь, что Двойняшечка обидится.

— Я очень бледный? — спросил Двойнюшечка, подойдя, чтобы она привязала ему шлем. Но то, что он называл шлемом, больше всего было похоже на кастрюльку.

— Пожалуй, да, немного, — благородно ответила Алиса.

— Вообще-то я очень храбрый, — продолжал тот вполголоса, — только у меня нынче очень болит голова.

А у меня зуб! — сказал Двойняшечка, который все-таки расслышал, о чем речь. — Мне намного хуже, чем тебе.

— Тогда, может быть, лучше сегодня не сражаться? — предложила Алиса, пользуясь удобным случаем восстановить мир.

— Мы во что бы то ни стало должны хоть немножко посражаться. Безразлично сколько, но должны, — сказал Двойнюшечка. — Который час?

Двойняшечка посмотрел на часы:

— Половина пятого.

— Посражаемся до шести, — сказал Двойнюшечка, — а потом пообедаем.

— Очень хорошо, — невесело кивнул Двойняшечка. — А она может посмотреть.

— Но только ты не стой слишком близко, — добавил он, обращаясь к Алисе. — Когда я разойдусь, я рублю все, что попадется.

— А я — все, до чего достану! — воскликнул Двойнюшечка. — И неважно, попадется оно или нет!

Алиса засмеялась.

— Тогда вы все деревья вокруг поломаете.

Двойнюшечка огляделся с довольной улыбкой.

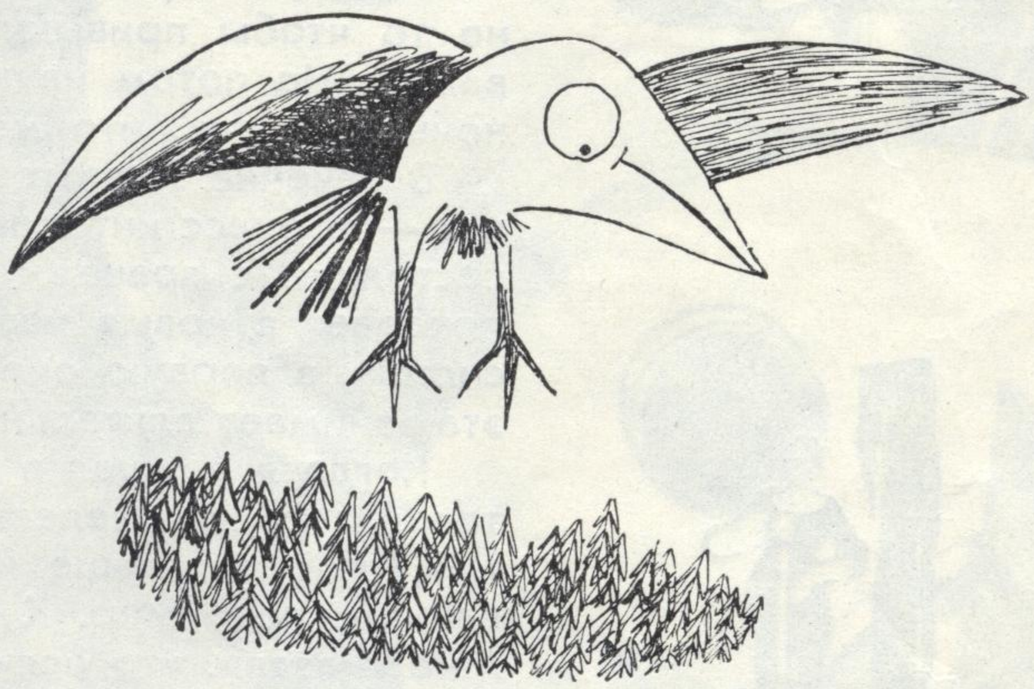
— Да, — сказал он. — Не думаю, что эти деревья останутся стоять целы-невредимы, когда мы закончим.

— И все из-за погремушки, — сказала Алиса, еще надеясь пристыдить их тем, что они дерутся из-за такого пустяка.

— Будь она не новая, — сказал Двойнюшечка, — я бы так не рассердился.

«Пора бы прилететь огромной галке», — подумала Алиса.

— Меч, видишь ли, только один, — обратился Двойнюшечка к братцу, — но ты можешь взять зонтик — он

совсем как шпага. Только давай скорей. Становится невозможно темно.

— И даже еще темнее, — сказал Двойняшечка.

Тьма внезапно сгустилась, и Алиса решила, что сейчас разразится гроза.

— Какая огромная черная туча, — сказала она. — Как она быстро надвигается! Как на крыльях!

— Это галка! — пронзительно и тревожно завопил Двойнюшечка.

Оба братца пустились наутек и во мгновение ока исчезли.

Алиса отбежала в лес и остановилась под большим деревом. «Здесь галка до меня не доберется, — подумала она. — Галка слишком большая и между деревьями не протиснется. Только перестала бы она хлопать крыльями, а то в лесу из-за этого прямо ураган — вон даже шаль с кого-то сдуло!»

Продолжение следует

СОВЕТ ДРУЗЕЙ

Совет друзей уже рассказывал о письме башкирской школьницы Гузель Гайнановой. Гузель задала Совету интересный вопрос: можно ли быть космонавтом и ученым одновременно.

Вот что говорит летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза, генерал-майор Георгий Тимофеевич Береговой о своем космическом рейсе. Прочитав рассказ Георгия Тимофеевича, вы поймете, что уже в наши дни космонавт в полете — это не только пилот космического корабля, но и ученый, производящий сложный эксперимент.

Только теперь, после полета героев-космонавтов — Владимира Александровича Шаталова, Бориса Валентиновича Волынова, Алексея Станиславовича Елисеева и Евгения Васильевича Хрунова, стало до конца ясно значение полета Георгия Тимофеевича Берегового.

Весь мир восхищен блестящим полетом звездной четверки — ручной стыковкой кораблей в космосе и созданием прообраза орбитальной космической станции. А ведь для того чтобы совершился этот подвиг во имя науки, нужен был опыт всех предшествующих космонавтов и, в частности, эксперимент Георгия Берегового — сближение пилотируемого корабля с необитаемым.

* * *

Корабль «Союз» отличается от предыдущих космических кораблей. Экипажу в нем созданы лучшие условия, чем раньше. Этот корабль проводил на орбите всевозможные опыты, главным образом связанные с маневрированием. Для нас это важная проблема. Допустим, надо снять человека с космического корабля, потерпевшего бедствие, привезти оборудование и продукты на будущую орбитальную станцию...

Нередко спрашивают, удобно ли спать в невесомости. К этому надо не то чтобы привыкнуть, а приспособиться. Первую ночь я спал неважно. Но потом нашел упор для рук и ног и приспособился. Вторую ночь спал так, что меня разбудили с Земли: мол, пора за работу...

В течение первых суток я привыкал к новой обстановке. Привыкание — процесс интересный. Вернувшись на Землю, я беседовал об этом состоянии с врачами и психологами. Дело в том, что когда человек попадает в новые условия, организм дает сигнал к перестройке своих систем, в первую очередь, сердечно-сосудистой системы. Перестройка эта занимает длительное время.

Когда я пришел в отряд космонавтов, я весил 88 килограммов. При таком весе мне нелегко давались тренировки. Мне пришлось заниматься тем, чем я раньше не занимался будучи летчиком-испытателем, плаваньем, например. К моему стыду, я до сорока лет не умел плавать. Мне сказали, что если хочешь летать в космос, надо научиться плавать и нырять. За четыре последних года я многому научился, хотя и не без труда. А вес мой снизился на восемь килограммов.

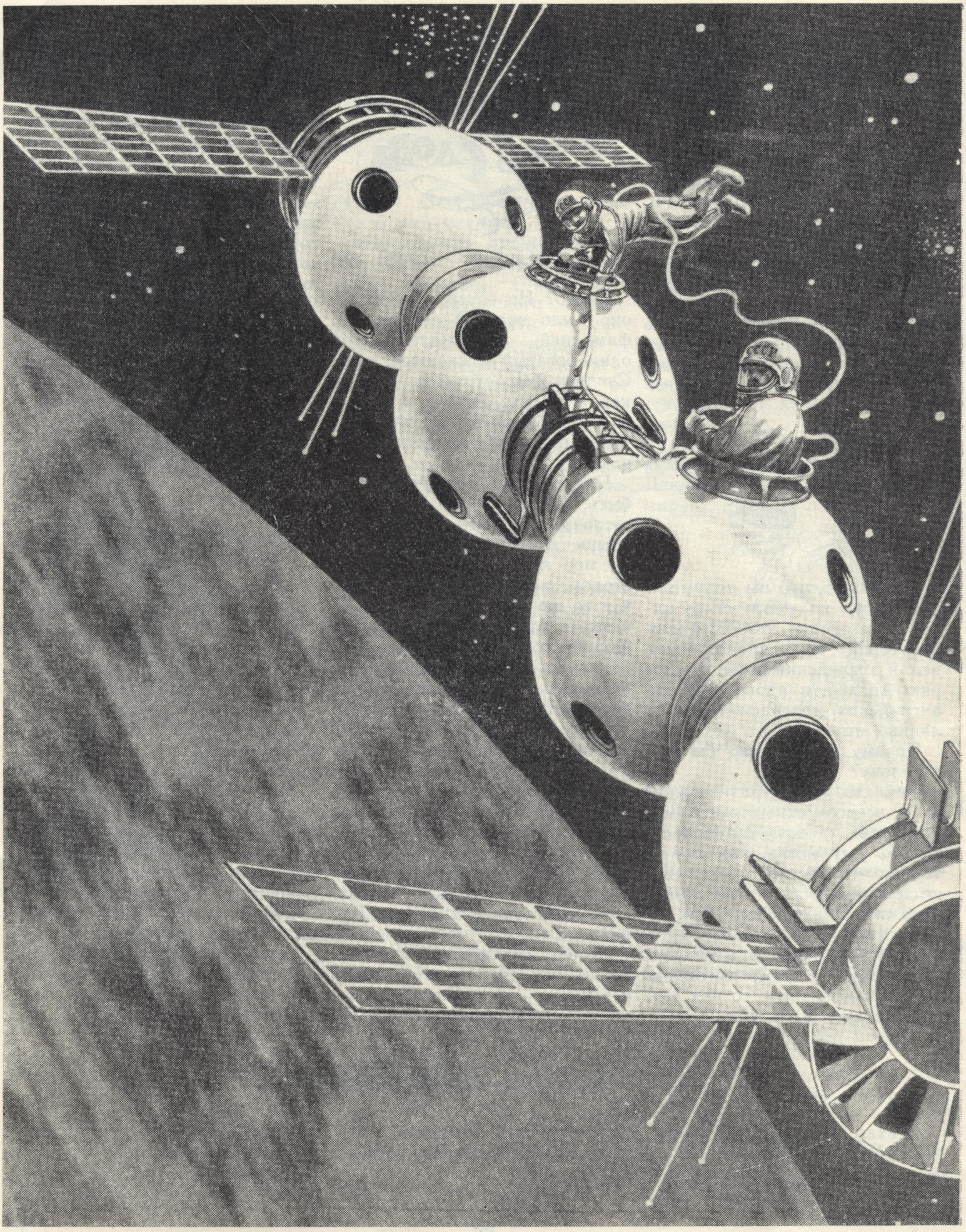
Я вел в космосе и эксперименты по маневрированию корабля, и наблюдения за характером облачности атмосферы. Должен был засекать момент рождения тайфунов.

Полет подходил к концу. Приблизился момент спуска. Еще бы не волноваться! Но спуск прошел благополучно. С Земли мне заранее передали, что на поверхности холодно: минус десять градусов. Я стал одеваться. Перед этим посмотрел в иллюминатор: голое поле, трава, теребимая ветром. Вдруг слышу стук по кораблю. Потом вижу чье-то лицо: «Ну как?» Я показываю большой палец...

Когда я вышел из корабля, вокруг стояли подводы, люди, вертолет.

В этих местах я приземлился уже не первый. Люди, услышав о полете в космос, бывают начеку и спешат встречать. Увидеть их было необыкновенно приятно. А встреча была хорошая, радостная! Встреча с Землей.

Скушайте песчаную бухточку!

Лев Успенский

Рассказы про слова

Как бы вы отнеслись к такому любезному приглашению со стороны гостеприимной хозяйки за столом? И что подумали бы, если бы она при этом придвинула вам тарелочку — особенно приготовленные бутерброды, в которых масло, паштет, ветчина или еще что-либо не только намазаны на кусочек хлеба, но и сверху прикрыты другим таким же тоненьким хлебным ломтиком?

Я не знаю, что вы подумали бы, а я бы подумал: «Ишь какая дотошная эта Клавдия Сергеевна! Она, видно, знает все: и английский язык, и историю Англии, и происхождение английских географических и личных имен!»

Почему это пришло бы мне в голову?

Тот, кто читает разные книги о всевозможных кушаньях и блюдах, знает: бутерброды такого устройства, как я вам только что рассказал, называются «сандвичами» или «сэндвичами». Или так или этак потому, что в разные времена английская буква «а» (англичане зовут ее «эй») выговаривалась по-разному: то как «а», то как «э», а то и как «эй». Значит, «сэндвич» — слово английское.

Слово? Не совсем. Когда-то оно было знатной английской фамилией. Утверждают, что один богатый и славный лорд Сэндвич был страстным игроком в карты. Он так заигрывался, что забывал о еде и наконец падал от голода в обморок.

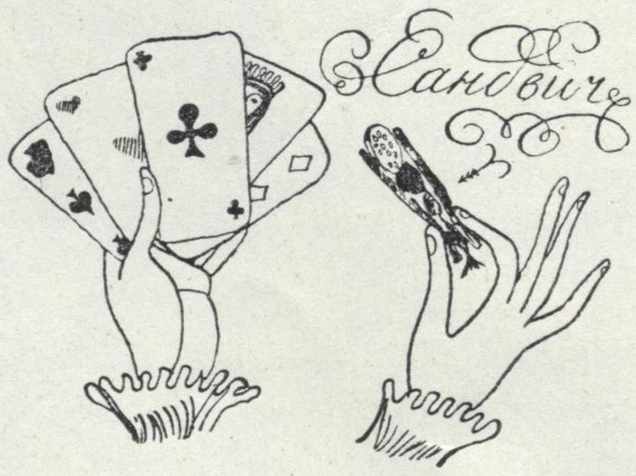
Наконец, он придумал, как быть. Он велел своему слуге готовить покрытые хлебными крышечками бутерброды. Их он мог кушать за карточным столом, не отрываясь от игры и в то же время не рискуя запачкать свои холеные руки. Лордовское изобретение так поразило окружающих, что, переняв его, они присвоили бутербродам этой новой «системы» имя их придумщика.

Я не уверен, этот ли лорд Сэндвич-Сандвич или его родич был английским морским офицером в XVII веке, воевал на морях и водил корабли в далекие страны и не в его ли честь и память архипелаг Тихого океана назвали Сандвичевыми островами: теперь Гавайские.

Теперь спрашивается, откуда же взялась фамилия? Как все имена собственные, она не упала с неба: люди придумали ее и вложили в нее какое-то значение, какой-то смысл. Какой же?

Дворяне, особенно знатные и богатые, имели обыкновение принимать такие фамилии, в которых содержалось бы указание на их главное владение, — иногда на город, которым они самовластно управляли, порою — на замок, за стенами которого отсиживались от врагов их воинственные предки.

Князья Вяземские у нас когда-то владели Вязьмой. Князья Шуйские княжили в городке Шуе.

Дворянский род Сэндвичей в Англии был, очевидно, по роду своему связан с местечком, поместьем, графством (Сэндвичи были графами) Сандвич или Сэндвич. А это название состоит из двух английских слов — из дожившего до наших дней слова «sand» — песок, песчаный, и из старого, теперь уже полузабытого «wich» («вич»), означавшего «бухта», «залив». Надо думать, что владения графов в древности располагались на берегу какой-то небольшой песчаной бухточки.

Таким образом, английское «сэндвич», если его понимать дословно, и на деле обозначает «песчаная бухточка».

Не смейтесь: аллигатор!

Я ехал в поезде из Ташкента в Москву. Дорога долгая: в купе все перезнакомились. Полная, еще не старая дама рассказывала старичку профессору о муже своей старшей дочери:

— Он — аллигатор! И немолодой аллигатор, а как она его любит!

Мы со старичком выпучили глаза. Не на маму, а друг на

друга. Оба мы хорошо знали: «аллигатор» это — американский крокодил. Длина — до четырех с половиной метров. Чешуя на спине грязно-маслянисто-зеленая. Одним ударом хвоста может убить человека... Ну и муж!

Потом мы скромно отвернулись друг от друга и заговорили о другом. Мы ведь поняли: мама спутала слово «аллигатор» — крокодил, и «ирригатор» — инженер, ведающий орошением полей, «ирригацией». Мы боялись расхохотаться.

Когда мама тоже вышла в коридор, профессор поднял на меня глаза:

— Помните стихи Ивана Бунина «Алисафия»? Сестра умоляет братьев на морском

берегу, чтобы они взяли ее домой, а они жестоко отвечают ей:

«Покорись, сестра: ты
батюшкой
За морского змея выдана!»

Вот узнать бы — старшую дочку ее не Алисафией зовут? Только, оказывается, батюшка-то тут ни при чем: все матушка устроила!

Смешно, смешно, а ну-ка скажите: что за слово «аллигатор»? Откуда оно взялось, что может значить?

«Ирригатор» происходит от латинского глагола «ирригарэ» — орошать. «Препаратор» — от латинского «прэпарарэ» — подготовлять. «Сепаратор» — от «сэпарарэ» — разделять. Очевидно, «аллигатор» должен происходить от слова «аллигарэ»? Есть в латинском языке такое слово?

Представьте себе: есть. Оно означает «связывать», «привязывать». Имеется в этом языке и слово «аллигатор». Оно значит: «Тот, кто связывает». Но — почему же тогда такой зверь...

А вот это объяснить никак нельзя. Никого аллигатор не связывает; животное он — трусливое, человека боится и на него никогда всерьез не нападает... Так в чем же дело?

Дело совершенно в другом, — хотя тоже латинском, — слове «ляцертус». Оно означало у римлян просто «ящерица».

Когда от древне-римской латыни ответвились новые языки того же корня, в некоторых из них это слово претерпело видоизменение, стало произноситься иначе. И у испанцев и португальцев слово «цертус» превратилось в «лягарто». И, перебравшись за океан, в Америку, колонисты с Пиренейского полуострова стали так называть самых больших тамошних ящериц — аллигаторов.

То есть тогда они еще не были аллигаторами. Они стали ими только после того, как в те же места пришли люди, плохо владевшие романскими языками... А может быть, это местные жители-индейцы исковеркали испанское слово, превратив его невесть во что. А позднее ученые-зоологи, тоже не слишком разбираясь в разных языках, придали ему точный вид латинского существительного, каких они знали много.

Калькулятор — тот, кто калькулирует, подсчитывает.

Декламатор — тот, кто декламирует.

Каталогизатор — составляющий каталоги.

Ну, а аллигатор — получается что-то вроде «связист».

Видите, что произошло и как нелегко в этом разбираться? Так что не будем смеяться над бедной ташкентской мамой. Не она одна запуталась в этом слове!

Уголок весёлого архивариуса

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННЫЙ ВЫПУСК, КОТОРОМУ НЕ ХВАТИЛО МЕСТА НА ПУТЕШЕСТВЕННЫХ СТРАНИЦАХ И ПОЭТОМУ ОН ПЕРЕКОЧЕВАЛ НА НЕПУТЕШЕСТВЕННУЮ

ПАВЕЛ НА ВОЛГЕ

Известно, что Павел I, подобно многим русским государям, решительно предпочитал все заграничное отечественному: прусскую муштру — русскому удальству, итальянскую оперу — российским хороводам.

Император путешествовал по России и впервые прибыл на волжские берега. Указывая в сторону могучей реки, кто-то из придворных сказал:

— А это, изволите видеть, ваше величество, Волга.

— Что ж, для провинции недурно, — ответил, взглянув через плечо, Павел.

СИМБИРСКИЙ ЛИТЕРАТОР

Как-то Иван Александрович Гончаров приехал в город своей юности Симбирск и, прогуливаясь над Волгой, встретил своего давнего приятеля, в детстве носившего кличку Ваня-Похвальба.

— Слыхали, слыхали о твоих успехах, — говорил Гончарову бывший Ваня-Похвальба, ныне почтенный губернский чиновник. — Всё, говорят, на букву «о» сочиняешь: «Обломов», «Обрыв», «Обыкновенная история»... Да и мы не отстаем. Я, например, в «Симбирских ведомостях» ежемесячно статейку публикую. И знаешь, о чем? О реках и ручейках, питающих нашу матушку Волгу. Про каждый приток — отдельная статейка. А их ни много ни мало — 12 тысяч!

— Постой, постой, — перебил его Гончаров. — Ты говоришь, 12 тысяч... Раз в месяц... Значит, притоков хватит для твоей литературной деятельности на тысячу лет. Что же ты будешь делать потом?!

СГИНЬ, НЕЧИСТАЯ СИЛА!

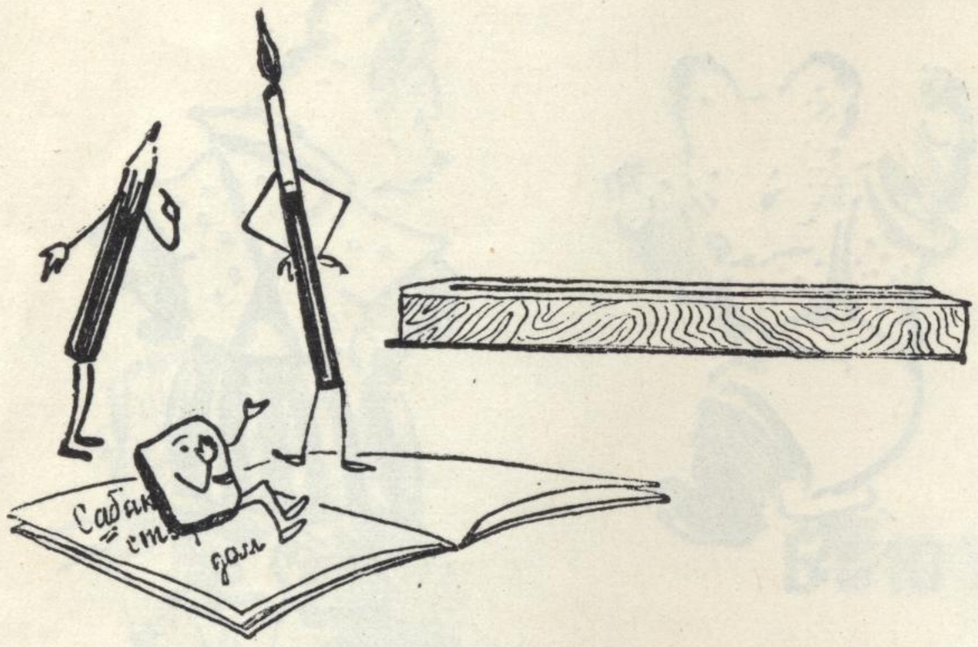

Ровно сто лет назад Илья Ефимович Репин приехал в Жигули, чтобы сделать первые эскизы для картины «Бурлаки на Волге».

Бурлаки охотно позировали художнику, и только один, тот самый, кого особенно хотел написать Репин, ни за что не соглашался.

Не помогали уговоры, деньги, угощение. Бурлак был неумолим, более того — он стал убегать от Репина и издали смотрел на художника с ужасом и подозрением.

Что же оказалось? Бурлака запугали деревенские бабки. Они сказали ему, что во время рисования художник похищает душу позирующего человека, а потом вместе с портретом передает ее в ад самому Сатане.

В ПЕНАЛЕ

Хвастались друг перед другом ручка и карандаш:

— Я отлично пишу,—говорила ручка. — Без единой ошибки!

— А я? — вторил карандаш. — Я и забыл, когда ошибался.

А резинке стыдно было это слушать: ведь она стирала их ошибки.

Ив. Костыря

Уголёк № 4

КТО ОН?

Пришел работник новый
В веселую артель,
Красивый и здоровый,
По имени . . . . . .
Велели: „Землю сделай
За несколько недель
Зеленою из белой!“
„Могу!“ — сказал . . . . . .

Кр. Сашин

ДВАЖДЫ...

А. Милн

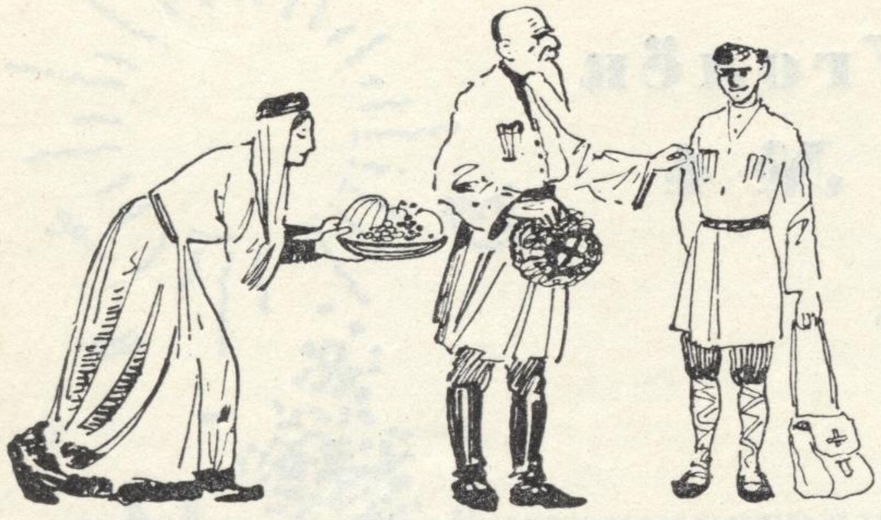
Жили два медвежонка в чащобе глухой,
и один был Хороший, другой был Плохой.
И Хороший твердил свое „Дважды один“,
а Плохой постоянно немытым ходил.

Они спали в траве, если день был погожий,
и один был Плохой, а другой был Хороший.

И Хороший Медведь повторял „Дважды два“,
а Плохой бутерброды пихал в рукава.

Они спали в дупле, если вечер был вьюжный,
и один был Послушный, другой — Непослушный.
И Хороший Медведь повторял „Дважды три“,
а Плохой танцевал до вечерней зари.

ДОГАДЛИВЫЙ УЧЕНИК

АБХАЗСКАЯ СКАЗКА

Жил однажды мудрый лекарь, и был у него старательный ученик. Вот позвали лекаря в больницу. Вошел он в комнату и говорит:

— Эх, друг, ты любишь полакомиться. А поменьше мандаринов ел бы, тогда и живот у тебя не болел бы.

Изумился больной:

— Ни с кем ты, лекарь, не говорил, ни у кого ничего не спросил, а сразу узнал, чем я болен и почему.

Дали лекарю в награду за леченье винограду, орехов, дынь.

Когда пришли домой, ученик говорит:

— Скажи, учитель, как смог ты угадать болезнь и назвать ее причину?

И Хороший забыл повторить „Дважды два“,
а Плохой на реке отстирал рукава!
И Хороший забыл свое „Дважды один“,
а Плохой в воскресенье умытым ходил!

Здесь должна быть Мораль, — хоть не знаю, какая.
Я, наверно, писал, на себя намекая!
Стал хорошим Плохой, а Хороший — плохим...
Так же было со мной и с сынишкой моим.
Мой сынишка припомнил свое „Дважды пять“ —
ну а я ухитрился перо потерять! *

* И потому я написал все это карандашом.

Перевод с английского Н. Слепаковой

Рисунки Е. Захарова

Если Мама предложит им сладкого чаю,
скажет первый — „Спасибо“, второй — „Не желаю!“
И Хороший твердит свое „Дважды четыре“ —
у Плохого дыра на коленке все шире.

И, совсем как у нас (и внезапно, к тому же),
стал получше Плохой, а Хороший — похуже.
И Хороший забыл повторить „Дважды три“,
а Плохой танцевал не до самой зари!

— Сын мой, разве ты не заметил красной мандариновой кожуры на полу и под кроватью?

„Если так легко людей лечить, — подумал ученик, — для чего же заставляет меня лекарь столько толстых книг учить?“

Вот опять пришли звать лекаря. Ученик решил: „Не скажу учителю, сам пойду“.

Пришел к больному и — сразу под кровать. А там лежала медвежья шкура.

— Эй, больной, — закричал ученик, — ты поменьше медведей ел бы, тогда и живот у тебя не болел бы!

Рассердился больной, взял толстую палку:

— Прочь отсюда, неуч, уходи, невежда!

Прибежал ученик домой и заплакал:

— Скажи, пожалуйста, учитель, почему тебя за то, что ты заглянул под кровать, похвалили, а меня за то же самое поколотили?

Запись и обработка Анны Гарф

Рисунки К. Савкевич

БЬЮТ БАРАБАНЫ АРЧЕБЕКА

ШПИОНЫ

«Бандиты хотят заслать в АРЧЕБЕК шпиона. Проверяйте всех! Точный».

Только Ферзьбери прочитал телеграмму, как открылась дверь и вошел шахмат-капитан Пешкоедов, а за ним... шахмат-капитан Пешкоедов!

— Я ночью отличу проходную пешку от непроходной, — воскликнул Ферзьбери, — но который из них настоящий?!

— Я! — сказал левый Пешкоедов.

— Я! — сказал правый Пешкоедов.

— Пусть решают задачи — кто скорей. Наш Пешкоедов перегонит не нашего! — рассудил Ферзьбери. — Вот. Белые: Крe6, Фf2, Лc2, Сb3, Кc4; черные: Крa1, Сh8, Кb1, пп. b2, d4. Мат в два хода. Хороша́ моя задачка?

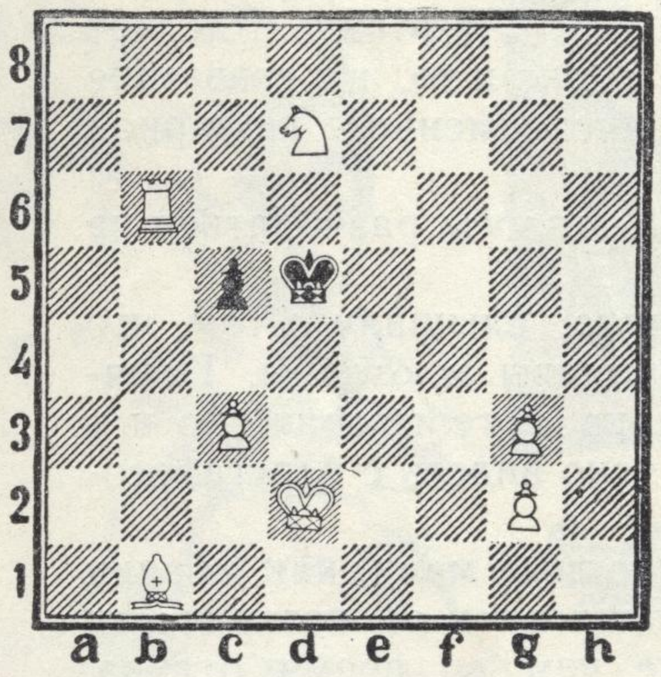
Через пять минут оба Пешкоедова хором, словно по команде, отчеканили решение.

— Удивительно... — пробормотал адмирал. — А мой этюд? Белые: Крa3, пп. a7, b6; черные: Крb7, пп. f5, g6. Белые выигрывают.

Через десять минут двойники в один голос диктовали: «Ваш этюд, адмирал, решается так-то и так-то...»

— Если то же произойдет с моей третьей задачей, — сказал Ферзьбери, — придется определять настоящего Пешкоедова, как определяют, кому белые, а кому — черные: жребием.

В задаче нужно было объявить мат в три хода.

Через пятнадцать минут оба шахмат-капитана решили ее!

И тут дверь открылась, и вошел... еще один Пешкоедов!

— Здравствуйте!

— Проглотить мне 16 пешек, если вы не худшая из трех копий! — вскричал Ферзьбери. — Разве наш шахмат-капитан хрипел?!

— Выпил воды холодной. А что здесь происходит?

— Сами скажите! Почему вас вместо одного трое?! Кто из вас настоящий?! Они хоть решили мои задачи. А вы?

— Какие задачи? Эти?? Это не ваши задачи! Первую составил рыцарь Алексей Кушперов из Головковки; этюд — Раис Каримов из Оронгоя, а третью — Коля Манцерев из Назарова. Разве вы забыли?

— Верно! — хлопнул себя по лбу Ферзьбери. А оба других Пешкоедова сразу побледнели и упали на колени, умоляя пощадить их и обещая порвать с бандой. Адмирал их отпустил.

— И лишь потому, что они приличные шахматисты! — сказал он, когда лже-Пешкоедовы ушли. И велел решить эти задачи всем рыцарям.

20 СТРОК О ЧЕМПИОНАХ

С 1894 года немецкий гроссмейстер Эммануил Ласкер стал вторым чемпионом мира.

Когда Тарраш, бывший в ссоре с Ласкером, вызвал чемпиона на матч, решено было их примирить. Встреча была задумана так: Ласкер будет ждать в номере гостиницы, а Тарраш зайдет и произнесет примирительные слова. Тарраш действительно пришел и... отчеканил:

— С вами, господин Ласкер, у меня может быть только весьма короткий разговор, из трех слов: «Шах и мат!»

На этом «примирение» закончилось. Но состоявшийся потом разговор был еще короче: восемь раз Тарраш обходился всего одним словом — «сдаюсь». Ласкер выиграл матч со счетом 10,5 : 5,5.

ПРИКАЗ № 4

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Рыцарям-шахматистам решить задачи и этюд Алексея Кушперова, Раиса Каримова и Коли Манцерева.

§ 2. Рыцарям-шашистам найти выигрыш за белых в позициях А) Саши Салова (Няндома) — белые: a1, d2, d4, e3, f4, g3, h4; черные: a3, b4, e7, f6, f8, h6, h8; Б) белые a3, c3, d4, e3, g3, h4; черные: b6, e5, e7, f6, g5, g7; В) белые: b2, d4, e3, g3, h2, h4, h6; черные: a7, b4, b6, c5, e7, f6, f8.

§ 3. Рыцарятам — в обеих позициях указать 1) мат в один ход; 2) ошибочный ход белых, при котором получится ничья. А) белые: Крf7, Фb7; черные: Крh8; Б) белые: Крb6, Лh7; черные: Крa8.

§ 4. Срок присылки рапортов до 1 июля. Помечайте на конверте: АРЧЕБЕК. Указывайте свой адрес.

Шахмат-адмирал ФЕРЗЬБЕРИ

ЕЩЕ ОДИН ОЛИМПИЙСКИЙ ЧЕМПИОН

Это — Толя Овлаховский, 14 лет, из города Мозыря. Его ответ на олимпийскую викторину «Костра» признан лучшим из пятисот двадцати шести поступивших на конкурс.

Победителю отправлен приз — книга с автографами олимпийцев.

УЧАСТНИКИ КОНКУРСА МЗ-69, ВНИМАНИЕ!

Вовремя и хорошо ответили боцману и капитану Саша Бертяев (Москва), Марк Киселевский (Чернигов), ленинградские школьники Лариса Кулонкина, Надя Терпугова и Саша Власов, Саша Иванов и Саша Павлов (Уфа).

Большинство ребят знает, что путь из порта Калининграда в Северное море лежит через Балтийское море и проливы Эресунн, Каттегат, Скагеррак. А Ла-Манш отделяет Англию от Европейского материка. Верно и то, что созвездие Южный Крест нельзя наблюдать одновременно с Полярной звездой в северных широтах.

А вот с посадкой судна на мель удалось разобраться не всем. Вопрос был с «секретом».

На уроках географии вы, конечно, слышали о том, что дважды в сутки на море бывают приливы и отливы. Понятие «приливная волна» есть не только в географии, но и в морских науках. Эту волну можно ясно видеть с берега, особенно приглубого, скалистого.

Когда наступает прилив, то подводные мели, как моряки говорят — банки, как бы тонут, отодвигаясь от поверхности воды. Благодаря этому, суда, реже чем во время отлива, садятся на мель.

Дорогие ребята, не забывайте, что «Морская газета» принимает ответы, посланные не позднее чем через месяц после ее выхода. Ждите сообщения в журнале, по нему вы сможете проверить правильность своих новых ответов.

НЕИЗВЕСТНО ПОЧЕМУ

Мимо дома, мимо стога,
Неизвестно почему,
Вьется пыльная дорога,
Неизвестно почему.
Шел дорогою мальчишка,
Неизвестно почему,
У него под мышкой книжка,
Неизвестно почему.
За мальчишкой шла девчонка,
Неизвестно почему,
За девчонкой — собачонка,
Неизвестно почему.
За собакой — кот-пролаза,
Неизвестно почему,
Шел хромой и одноглазый,
Неизвестно почему.
Я глядел на них в окошко,
Мне хотелось самому
Пошагать вот так немножко,
Неизвестно почему...

А. Крестинский

На обложке и первой вклейке рисунки А. Сколозубова
На второй странице обложки фото Ф. Нафтульева
На третьей странице обложки рисунок В. Голявкина
На странице 57 рисунок В. Свешникова

Главный редактор В. В. Торопыгин

***Редакционная коллегия: Г. И. Баринова, А. А. Крестинский, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Теребинская** (ответственный секретарь), **Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан** (зам. редактора)*

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий
Корректор В. А. Маевская

Технический редактор
А. А. Двораковская

Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон 14-57-76

М-40028 Подписано к печати 17/III 1969 г. Формат 84x108¹/₁₆. Печ. л. 8+1 вкл. 6,36 усл. печ. л. 8,8 уч.-изд. л.
Тираж 380 000 экз. Зак. 52 Цена 25 к.

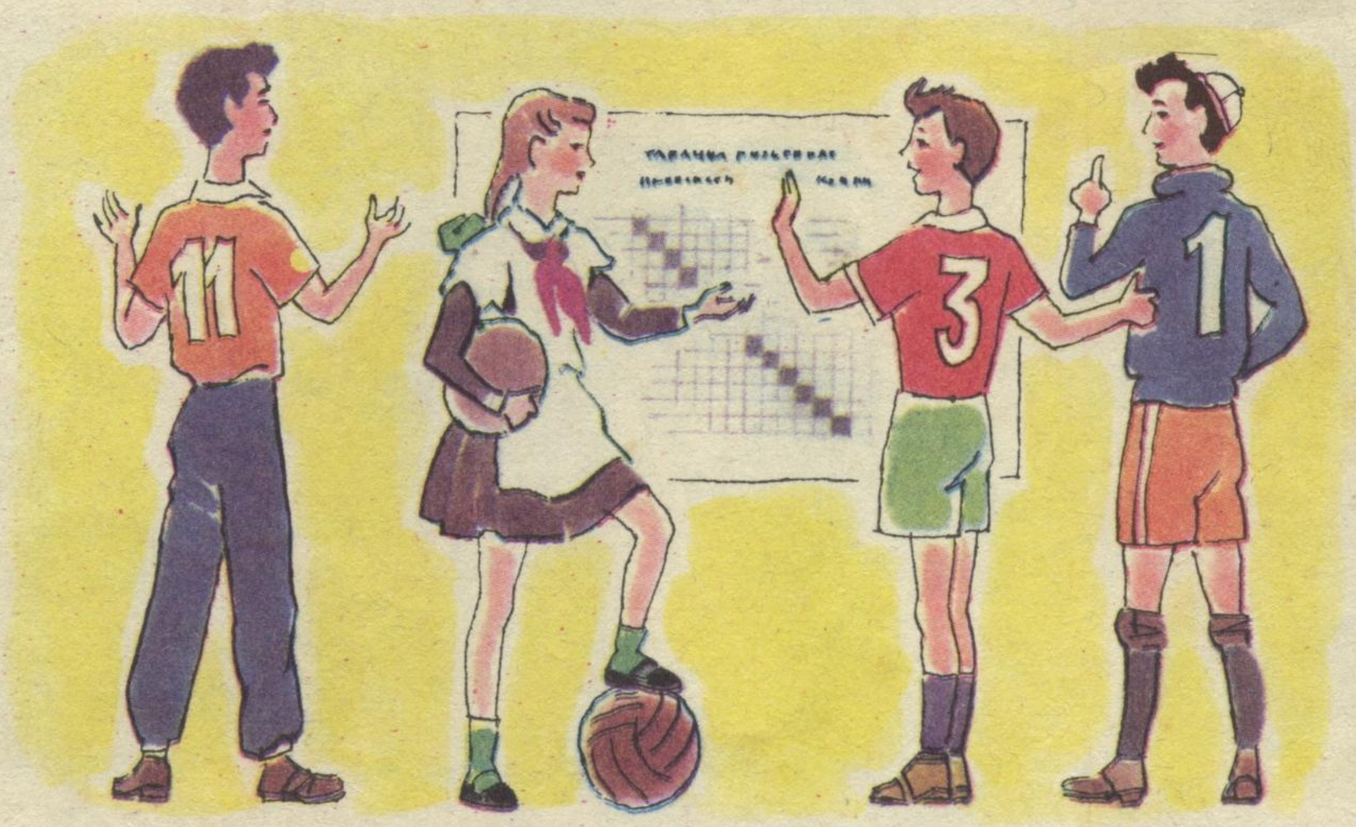
Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР. Измайловский пр., 29.
Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати № 1.

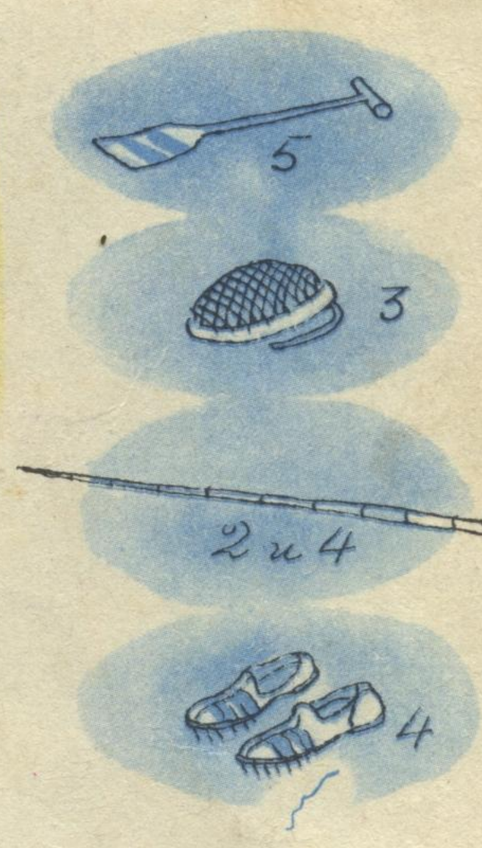

В том же порядке, в каком вы раздадите спортсменам принадлежащие им предметы, выпишите из названия каждого предмета букву, номер которой указан. Вы узнаете наш призыв.

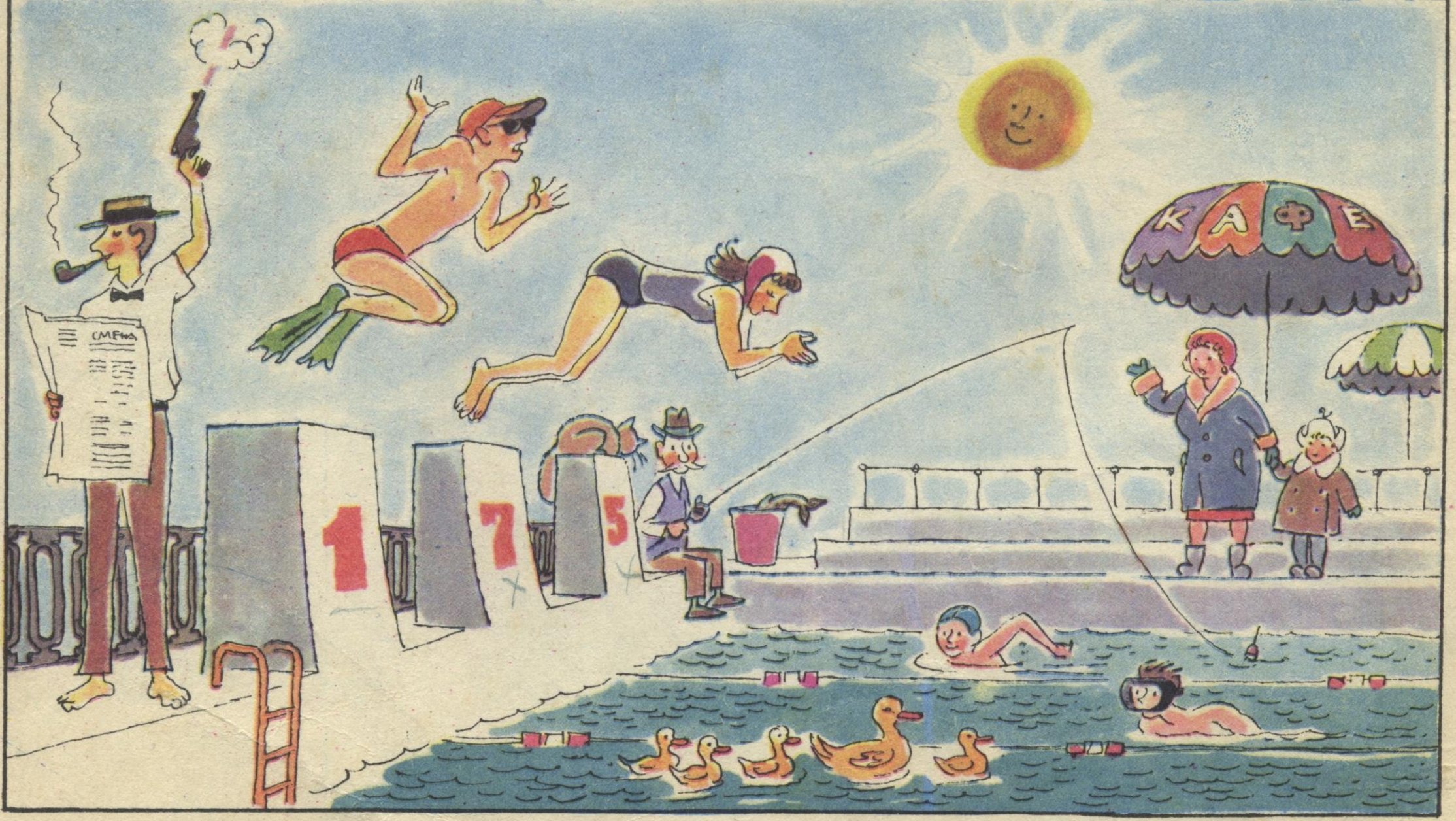

За кого болеют эти ребята? Это можно узнать, только изучив внимательно все, что о них известно. А известны только их имена! Ну-ка, присмотритесь к именам: ТОМ БИСЛИДИАНИ, ДИМА ИВЕНКО, НАТА СКРЕПРЕВА, ЗАУР ГАСКЛЯН. Ответ — в «Костре» № 5.

Рисунки Б. Семенова

Найдите ошибки художника.

Индекс 70445